РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

"НАУКА"

МОСКВА – 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Вяч.Вс. Иванов (Москва). О последней статье Хенрика Бирнбаума 3
Хенрик Бирнбаум. Славянский, тохарский, алтайский: генетическая связь и ареально-типологическое влияние (Вяч.Вс. Иванов, С.А. Бурлак, И.Б. Иткин. Примечания к статье) 6
В. Фирек (Бамберг). Лингвистический атлас Европы и его вклад в европейскую историю культуры: результаты исследований в рамках проекта *Atlas Linguarum Europae* .. 30
Д.В. Сичинава (Москва). К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: casus latinus 40
М.В. Дьячков (Москва). Фризский язык и фризы в современной Европе 53
А.К. Казкенова (Кокшетау). Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) 72
Е.Э. Разлогова (Москва). Абстрактное и конкретное в семантике французских BEAU и BON 81
О. Йокояма (Лос-Анджелес). Нейтральная и ненейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы интонационных конструкций 99

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

С.И. Иорданиди (Москва). Восточнославянские изоглоссы. 2000. 123
М.А. Даниэль, А.В. Подобряев (Москва). *R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.)* Changing valency. Case studies in transitivity 129
Т.А. Майсак (Москва). *B. Heine, T. Kuteva.* World Lexicon of Grammaticalization 134
К.Г. Красухин (Москва). Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания 140

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки 148

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), *В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик* (зам. главного редактора), *М.М. Маковский* (отв. секретарь), *А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (главный редактор), *В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

© Российская академия наук, 2003

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2003

© 2003 г. Вяч.Вс. ИВАНОВ

О ПОСЛЕДНЕЙ СТАТЬЕ ХЕНРИКА БИРНБАУМА

Писать об умерших друзьях и товарищах по науке тяжело. Редакция "Вопросов языкознания" облегчила мне трудную задачу, решив поместить в знак уважения к памяти крупного ученого его последнюю статью в русском переводе (английский оригинал печатается в текущем номере "International Journal of Slavic Linguistics and Poetics", редактор которого Д. Уорт одобрил публикацию русского перевода). Прощаясь с Хенриком, мы смотрим не назад, а вперед – в те области, которыми он стал заниматься в самые последние годы. О лингвистических достижениях Бирнбаума и его пути в науке для нашего журнала я пишу отдельно. Здесь я хочу ограничиться несколькими мыслями, относящимися к его последней статье.

Из трех групп языков – славянской, тохарской и алтайской, – которым посвящена статья, Бирнбаум всю жизнь занимался первой. Но и по отношению к ранней истории славян и их языков Бирнбаум в этой работе не повторяет старых мыслей, а высказывает новые, в особенности по поводу проблемы возможного типологического влияния алтайского на славянский, а также в связи с книгой Галтона, вышедшей незадолго до того, как Хенрик начал писать свою статью. Быть может, не со всем из им утверждаемого можно согласиться. Еще продолжится спор о славянском "слоговом сингармонизме"[1]. Сравнение с другими языками, о которых идет речь в статье, в любом случае окажется полезным для всестороннего изучения вопроса.

К тохарским языкам Бирнбаум обратился в самые последние годы научной деятельности. Мне это представляется крайне интересным для понимания его как ученого. Он совершенно не хотел довольствоваться тем, что знал и делал до этого. Он увлекся вполне новой областью и собирался изучить ее основательно, проштудировал новейшее руководство Пино и стал читать специальные работы о тохарском и его соотношении с другими индоевропейскими диалектами. Он хотел понять, в какой мере оправдано мнение об особых явлениях, объединяющих тохарский со славянским. Перед нами только первый набросок того, что могло бы дать продолжение только что им начатого. Болезнь в конце 1998 г. прервала работу ученого, который не полностью мог позднее исправить статью и сделать необходимые дополнения. Поэтому к статье приложены примечания, сделанные ее переводчиками – С. Бурлак и И. Иткиным – вместе со мной. С согласия вдовы покойного в текст внесены незначительные редакционные изменения.

Сравнительное языкознание выгодно отличается от подавляющего большинства других гуманитарных наук и сближается с областями точного знания благодаря возможности "фальсификации" (термин Карла Поппера, чью философию Бирнбаум высоко ценил) или проверки выводов, сделанных до открытия соответствующих экспериментальных данных. Это оказывается достижимым потому, что все время открывают или новые языки или неизвестные ранее факты уже изучавшихся язы-

[1] Иной взгляд на эти спорные вопросы, в частности, в связи с проблемой типологических параллелей с древнетюркским и тохарским, см. [Иванов 2002: 12–13; Литвинский 1992: 29, 226–227].

ков. По отношению к тохарским языкам новые открытия приходят благодаря не только новым археологическим находкам (по поводу тохарского А об этом говорится в статье), но по мере обнаружения и интерпретации ранее не поддававшихся полной дешифровке оригинальных (не переводных) текстов. В случае тохарского Б особенно много нового дает исследование деловых документов из монастырей Китайского Туркестана (в том числе и из хранящихся в бывшем Азиатском Музее санкт-петербургских собраний Петровского – русского консула в Кашгаре, открывшего первый тохарский текст, и Березовского [Литвинский 1992: 266–267]), начатое еще полвека назад Зигом и Воробьевым-Десятовским и недавно продолженное М.И. Воробьевой-Десятовской, Ж. Пино и Клаусом Т. Шмидтом. Их работы сделали возможным использование для сравнения обыденных повседневных слов, добавившихся ко множеству известных ранее отвлеченных буддийских терминов, употребляемых в обоих тохарских языках в переводах или переложениях текстов, написанных на буддийском гибридном санскрите.

Из недавних открытий приведу сделанные Клаусом Шмидтом в области тохарских Б названий "зерна". Как замечает Шмидт, мн. ч. ж. р. *proksa* с этим им установленным значением явно родственно праславянскому **proso* "просо" (< рус. *просо*) [Schmidt 1999: 4], история которого до этого открытия была загадочной. Поскольку в праславянском сочетание велярного **k* + **s* > *x/š*, в этом слове на основании вновь найденного тохаро-славянского соответствия оказывается нужным реконструировать сочетание палатального **k'* + *s* > **-ss-* > *-s-*.

Промежуточный этап подобного развития сохраняется в древнепрусском, поэтому в этом языке название "проса" *prassan* может быть исконно родственным славянскому, а не польским заимствованием, как полагали ранее. Соотношение тох. Б *proksa* : рус. *просо* . прус. *prassan* полностью аналогично упоминаемому в статье Бирнбаума соответствию: тох. Б. *laks* "рыба" . рус. *лосось* : прус. *lasasso*[2]. В этом семантическом поле есть и другие яркие (балто-)славяно-тохарские параллели, как, например, однотипное образование названия "хлеба, зерна" от глагола "жить" (рус. *жи-то*, прус. *gei-ts*, тохарск. Б *sā-tre*). Кажется возможным, что при увеличении количества и жанрового разнообразия тохарских текстов число таких случаев может вырасти.

Не только новые открытия тохарских текстов и форм, но и другие достижения индоевропеистики проливают свет на обсуждаемые в статье вопросы. По мере уточнения данных о других индоевропейских диалектах, обнаруживающих далеко идущие сходства с тохарским, становятся яснее обсуждаемые Бирнбаумом проблемы места тохарско-славянских связей. Так, подтверждение значимости в лувийско-ликийском притяжательных форм прилагательных на *-*sk*-[3] (именной суффикс, другие функции которого изучаются с точки зрения тохаро-славянских соответствий в работе Бирнбаума) позволяет думать о наличии целой группы диалектов, где (как полагал по отношению к старославянскому посвятивший этому особую статью Трубецкой) формы с этим суффиксом втягиваются в парадигму именного склонения, выступая в роли синонима заменяемого ими родительного падежа.

---

[2] Кажется возможным продолжить это сопоставление как отвечающее тохарскому Б слову для "рыбы" название "лосося" есть и в германском (нем *Lachs*), тохаро-балто-славянский термин для "зерна, проса", вероятно, связан с другим земледельческим словом – обозначением "борозды" в германском (нем *Furche*, англ *farrow*), кельтском (валлийск. *rhych*) и италийском (лат *porca* "земля между двумя бороздами"), см. об этом слове как "западноиндоевропейском" в книге Порцига об индоевропейских диалектах, которую Бирнбаум любил и многократно использовал в публикуемой статье [Порциг 1964· 187, пункт 6]

[3] О сходстве со славянскими тохарских форм прилагательных с этим суффиксом, имеющих похожее притяжательное значение, высказывались давно такие крупные тохароведы, как Краузе [Литвинский 1992 9]

Исключительно плодотворным представляется развитие идеи соотношения родства и типологической характеристики языков, рассмотренное Бирнбаумом в последней части работы, где речь идет о типологии алтайского в связи со славянским (и отчасти другими евразийскими). Уже в самые последние годы, когда автор статьи тяжело болел, появились новые публикации, стремящиеся к ранее недостижимому синтезу этих двух подходов к сравнению языков на материале тех языков (в широком смысле слова евразийских), которые использует и Бирнбаум [Marcantonio 2002; Kunnap 2000]. В России более семидесяти лет назад о взаимопроникновении типологии и сравнительно-исторического изучения языков убедительно говорил Е.Д. Поливанов (в частности, в своих пионерских работах об алтайском характере корейского и некоторых составных частей японского языка); в этом духе много интересных идей было высказано нашими лингвистами (такими, как С.Д. Кацнельсон) и позднее. Со сходных позиций Трубецкой наметил новый подход к индоевропейским смычным, позднее развитый в глоттальной теории, с которой не соглашается Бирнбаум (дискуссия вокруг нее продолжается, потому что открыты факты, говорящие как будто в ее пользу, – такие, как данные армянских диалектов [Fleming 2000], с одной стороны, и древнеегипетско-индоевропейские соответствия [Kammerzell 1999], с другой). Все больше новых работ идет в направлении установления сходств как в типе языка, так и в системе фонем и морфов, отождествляемых по происхождению.

Кажется вероятным, что на этом пути осуществимо то соединение традиционных методов компаративистики с типологией, о котором вслед за Якобсоном мечтали такие наиболее проницательные лингвисты старшего поколения, как Бирнбаум.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванов 2001 – *Вяч Вс Иванов* Хеттский язык. Второе дополненное и исправленное изд. М., 2001.

Иванов 2002 – *Вяч Вс. Иванов* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему // Языкознание: взгляд в будущее / Под ред. Г.И. Берестнева. Калининград, 2002.

Литвинский 1992 – *Б А. Литвинский* (ред.). Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992.

Порциг 1964 – *В Порциг* Членение индоевропейской языковой области М., 1964

Fleming 2000 – *H C Fleming* Glottalization in Eastern Armenian // The Journal of Indo-European studies. V. 28. № 1, 2. 2000.

Kammerzell 1999 – *F Kammerzell* Glottaltheorie, Typologie, Sprachkontakte und Urverwandtschaft // IF Bd. 104. 1999.

Kunnap 2000 – *A Kunnap* Contact-induced perspectives in Uralic linguistics // LINCOM Studies in Asian linguistics. 39 2000.

Marcantonio 2002 – *A Marcantonio* The Uralic language family. Facts, myths and statistics // Publications of the Philological Society. 35. Oxford; Boston, 2002.

Schmidt 1999 – *T Schmidt* Beobachtungen zur tocharischen Landwirtschaftsterminologie // Die Sprache. Bd. 41. 1999. Hf. 1.

№ 5 2003

© 2003 г. ХЕНРИК БИРНБАУМ

СЛАВЯНСКИЙ, ТОХАРСКИЙ, АЛТАЙСКИЙ: ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ И АРЕАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ*

Вячеславу Всеволодовичу
Иванову – нашему другу
Коме – по случаю его
семидесятилетия.

1. Объединение трех языковых групп – славянской, тохарской и алтайской – на первый взгляд может показаться загадочным. Две из них, славянская и тохарская, принадлежат к одной и той же языковой семье – индоевропейской (ИЕ) – и, тем самым, генетически связаны, в то время как славянская и алтайская группы не родственны[1], так что любые совпадения или сходства между ними могут объясняться исключительно ареально-типологическими причинами, если только они вообще не являются случайными. Славянский и тохарский, хотя и относятся к одной языковой семье, конечно, не обнаруживают такой близости друг к другу, как славянский и балтийский или, если угодно, славянский и германский или даже славянский и индоиранский или, во всяком случае, славянский и иранская ветвь арийского.

Несмотря на то, что наличие тесной генетической связи между славянским и балтийским можно считать общепризнанным, ее истинный характер остается несколько дискуссионным. Правда, полемика, ведущаяся по этому вопросу, сейчас воспринимается скорее как терминологическая; о четырех возможных подходах к балто-славянской проблеме см. [Birnbaum 1970]; о моем нынешнем мнении по этому вопросу ср. [Birnbaum 1998a; 1999a]. Кроме того, важно упомянуть о том, что Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров выдвинули убедительную теорию, согласно которой балтийский праязык – точнее, вероятная общебалтийская морфонологическая модель – напрямую выводится из лежащего в его основе позднепраиндоевропейского (ПИЕ) диалекта, тогда как славянский – или, вернее, соответствующая протославянская модель – может быть выведен из него только опосредованно, то есть через промежуточную стадию эволюции от поздне-ПИЕ к протославянскому, стадию, которую можно было бы назвать балтоидной (поскольку она во многом совпадает с гипотетическим протобалтийским состоянием); ср. [Иванов, Топоров 1961]. Другие объяснения балто-славянской языковой близости предполагают вторичную конвергенцию (так в особенности [Бернштейн 1958; 1961: 27–37], а ранее, например, [Stang 1942: 278]; но ср. также [Stang 1939; 1963; 1966: 1–21]), параллельное развитие двух различных, хотя и тесно связанных между собой поздне-ПИЕ диалектов, давших, соответственно, славянский и балтийский языки (так уже в работе А. Мейе об ИЕ диалектах [Meillet 1908], а также у многих его последователей), или даже существование в далеком прошлом общебалтославянского праязыка, или языковой общности (так, среди прочих, [Vaillant 1950: 13–15; 1957], а также множество других лингвистов, вплоть до нашего современника Ф. Кортландта, апеллирующего – как я пола-

* Примечания приводятся в конце статьи.

гаю, без достаточных на то оснований – к применимости "закона Винтера" об удлинении гласных как в балтийском, так и в славянском; ср. [Birnbaum 1999a]).

В отношении связей славянских (равно как и балтийских) языков с германскими мнения расходятся не столь сильно. В этом случае в качестве подтверждения обычно приводится не только территориальная смежность (следствием которой являются многочисленные заимствования) и некоторые общие морфологические особенности – такие, как, например, *-m*-овый показатель творительного падежа ед. ч. и дательного и творительного падежей дв. и мн. ч. в именном склонении[2] или адъективный суффикс *-isk-* – но также некоторое количество лексических схождений, ср., наряду с прочими, слова со значением "серебро" (гот. *silubr*, лит. *sidābras*, др.-прусск. *sirablan* A Sg, ц.-слав. **сьребро**) и "народ, люди" (д.-в.-н. *liuti*, лит. *liáudis*, ц.-слав. **людиѥ**), а также числительное "тысяча" (гот. *þūsundi*, лит. *tūkstantis*, др.-прусск. *tūsimtons* A Pl, ст.-слав. **тысѧщи/тысѧщи**). Пожалуй, менее вероятно, что грамматическая категория вида (а не только лексическое противопоставление перфектив / моментатив vs. имперфектив / дуратив / итератив), достигшая полного развития в славянском, но в зачаточном состоянии присутствующая также в балтийском и германском, имеет в этих трех языковых семьях общее происхождение (точка зрения, к которой склонялся А. Зенн, полагавший, что категория вида якобы распространилась из германского в славянский и балтийский). Кроме того, необходимо помнить, что славянский (и балтийский) принадлежат к ИЕ языкам группы satəm (несмотря на несколько неясных случаев в славянском[3]), тогда как германский, разумеется, является представителем группы centum. Тем не менее, следует отметить, что деление ИЕ семьи на языки satəm и языки centum в настоящее время – после того, как было установлено, что самая восточная ветвь ИЕ языков, тохарская, демонстрирует отчетливо centum'ные черты, и сатемизация была признана результатом вторичного развития (П)ИЕ, – более не считается важнейшим критерием классификации, как то было раньше. Весьма вероятно, что носители тохарских языков (точнее, их предки) мигрировали на восток до сатемизации, охватившей часть ИЕ языковой общности (см. ниже). Подобным образом, возможно, что носители анатолийских языков – или, если быть точным, их часть – также могли избежать сатемизации вследствие ранней миграции к югу. При этом необходимо отметить, что среди древних анатолийских языков лишь языки северной ветви, а именно, хеттский и палайский, являются языками centum, в то время как их южная ветвь, лувийский (носители которого, следовательно, могли прийти в эти места позже, чем носители хеттского и палайского), относится к числу языков satəm[4] (личное разъяснение и уточнение Вяч.Вс. Иванова сравнительно с изложением в [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 98–116, особ. 99–101]). Что касается изоглосс между славянским, балтийским и германским, то Х. Станг, исследовавший фонологические и словообразовательные параллели, а в особенности специфические лексические схождения между балто-славянскими и германскими языками, пришел к выводу, что их возникновение может быть обусловлено существовавшей в доисторические времена группировкой типа языкового союза (Sprachbund), ср. [Stang 1972, особ. 81]; см. также [Stang 1942: 278][5].

Если обратиться теперь к генетической близости между славянским и иранским (а также возможному ареальному влиянию последнего на первый), достаточно будет отослать к давним исследованиям этого вопроса М. Фасмером (см. особ. [Vasmer 1923; 1924]) и более поздним превосходным работам О.Н. Трубачева (см. в первую очередь [Трубачев 1967; 1968a; 1968b; 1977; 1979]; ср. также [Зализняк 1962][6]). Хотя, разумеется, невозможно отрицать генетическую связь славянского с иранским (и с индо-иранским в целом), тем не менее ясно, что многие из сходств и лексических параллелей между этими двумя языковыми группами обусловлены в первую очередь территориальным соседством, если не прямым симбиозом ранних славян и иранских племен (особенно скифов и сарматов), так что возможность лексических заимствований должна учитываться в любом случае, в то время как прочие соответствия, особенно в фонологии, могут быть и случайными; в первую очередь это относится к

развитию *s* после *r*, *u*, *k*, *i* и палатализации велярных перед первичными передними гласными (первая регрессивная палатализация велярных в общеславянском). О некоторых ранних изоглоссах между индо-иранским (арийским) и балто-славянским см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 947]. Однако мнение, согласно которому появление славянского как отдельной ветви ИЕ языков обусловлено исключительно, или хотя бы в первую очередь, иранским господством над той частью балто-славянского этнолингвистического комплекса, которая мигрировала к югу (в то время как будущие балты, очевидно, первоначально оставались на своей исходной территории – приблизительно соответствующей нынешней Белоруссии, – откуда они впоследствии расселились на восток, на север и особенно на запад – вдоль побережья Балтийского моря и в прилегающие внутренние районы), по-видимому, не может быть принято. Скорее, эта часть была приведена в движение алтайскими племенами – гуннами, аварами и, возможно, булгарами (протоболгарами), – с которыми славяне в процессе своего этногенеза вступали в интенсивные контакты; подробнее см. ниже.

2. Коротко рассмотрев связи славян с их ближайшими родственниками – балтами, германскими народами, а также (с некоторыми оговорками) с иранцами, – мы можем теперь обратиться к природе генетической связи между славянами и тохарами. Для начала скажем несколько слов о тохарском языке и о тохарах, а также о нынешнем состоянии исследований в области тохаристики.

Тохарский язык (см. короткое введение общего характера – [Тохарские языки 1959]) был открыт лишь в самом конце XIX столетия в Китайском Туркестане (Центральная Азия), точнее – в китайской провинции Синьцзян; он представлен в основном рукописями и рукописными фрагментами, датируемыми VI–VIII вв. н.э.[7] (или, шире, второй половиной первого тыс. н.э.). В самом начале XX века была установлена их принадлежность к ИЕ языкам [Sieg, Siegling 1908]; по большей части они написаны индийским письмом и представляют собой буддистские тексты, переведенные с санскрита. Один манихейский текст на тохарском написан вариантом арамейского письма и датируется X в. н.э. Две разновидности тохарского, называемые тохарским А (или восточнотохарским, иначе турфанским) и тохарским В (или западнотохарским, известен также как кучанский), отличаются друг от друга достаточно сильно, чтобы считаться двумя разными, хотя и близкородственными языками, а не просто двумя диалектами одного и того же языка (как еще иногда утверждается). Складывается впечатление, что тохарский А, каким мы его знаем (а основная часть текстов на этом языке – в первую очередь буддийская драма, известная под санскритским названием "Maitreyasamiti", или "Встреча с Майтреей", т.е. Буддой будущего, в 27 действиях или разделах, имеющая сохранившуюся параллельную уйгурскую, или древнетюркскую, версию – находится в процессе публикации и републикации[8]), был скорее "мертвым", священным языком, тогда как тохарский В функционировал как "живой" идиом, использовавшийся для различной, не только административной, деятельности, а также в юридических целях (в буддийских монастырях). Несмотря на это, тохарский А является более инновационным из двух языков, а тохарский В – более архаичным. В области морфологического строя оба тохарских языка достаточно консервативны с точки зрения глагольной системы, тогда как система имени претерпела радикальные изменения по сравнению с исходным ПИЕ состоянием [Beekes 1995: 20, 92, 323].

Изучение тохарских языков в определенной степени затруднялось отсутствием как полного критического издания уже известных текстов, так и отвечающего современным требованиям исчерпывающего грамматического описания или удовлетворительного словаря, в особенности содержащего сведения по этимологии тохарских лексем. Тем не менее, значительные успехи в тохаристических исследованиях, бесспорно, были достигнуты еще много лет назад, пусть даже работы того времени не во всем соответствуют нынешним высоким методологическим стандартам. В этой связи заслуживают упоминания публикация Э. Зигом и В. Зиглингом сохранив-

шихся тохарских текстов ([Sieg, Siegling 1921], а также [Sieg, Siegling 1949–1953] – второе издание, исправленное и прокомментированное, вышло в 1983 г. под редакцией В. Томаса) и их же тохарская грамматика (в соавторстве с В. Шульце, 1931, содержащая почти полное описание тохарского А), а также учебник тохарского (в двух частях) В. Краузе и В. Томаса ([Krause, Thomas 1960–1964] с обширной библиографией). Этимологические словники А.Й. Ван Виндекенса [Van Windekens 1976: 139–614; 1989] несколько односторонни и не слишком точны. Вполне отражая тогдашнее положение дел, они тем не менее характеризуются чрезмерной спекулятивностью, за что и были подвергнуты суровой критике. Посмертно изданные материалы к тохарскому историко-этимологическому словарю Й. Хилмарссона [Hilmarsson 1996] остались лишь набросками вследствие безвременной кончины автора. Полезный обзор – отражающий тогдашний уровень знаний – взаимосвязей между тохарским А и тохарским В был выполнен в 1963 г. Дж.Ш. Лейном [Lane 1966]. Оценка недавних работ по всем вопросам тохаристики содержится в [Thomas 1985]. Более ранние содержательные исследования Х. Педерсена [Pedersen 1941; 1944] также во многом сохраняют свое значение. Совсем недавно был издан первый том монографии Д. Ринджа-мл. о хронологии звуковых изменений в тохарском [Ringe 1996], посвященный эволюции от ПИЕ к пратохарскому (автор категорически отвергает – на мой взгляд, справедливо – так называемую "глоттальную теорию", см. [Ringe 1996: XVIII, 3]); во втором томе будет прослежено развитие от пратохарского к обоим письменно засвидетельствованным языкам. Эта работа также содержит подробную библиографию. Из общих работ последнего времени мы можем также назвать превосходное введение Ж.-Ж. Пино [Pinault 1989][9]. Указаний и ссылок, данных выше, достаточно для того, чтобы по крайней мере в общих чертах обрисовать нынешнее состояние исследований в области тохарского. Некоторые другие, более специальные работы будут упомянуты в соответствующих разделах.

Прежде чем кратко охарактеризовать некоторые схождения между славянским и тохарским в области словаря и морфосинтаксиса, полезно отметить, что В. Порциг в своей монографии о членении ИЕ языкового пространства на соответствующей диаграмме поместил славянский рядом с тохарским, а на другой диаграмме – балто-славянский рядом с тохарским, в последнем случае отметив стрелкой раннюю миграцию тохар (или, скорее, их предков) к востоку [Порциг 1964: 70–74][10]. В статье Т. Лера-Сплавинского, посвященной месту славянского и тохарского среди ИЕ языков [Lehr-Spławiński 1957–1958], хотя и принимаются многие гипотезы и выводы, принадлежащие Порцигу, содержится также и полемика с некоторыми из них. Так, польский славист – вслед за Порцигом и другими – упоминает общий для балто-славянского и тохарского суффикс отадъективных абстрактных существительных – слав. *-yńi/-yńa*, балт. *-unė*, тох. *-une* (при этом в славянском данный суффикс случайным образом используется также для образования названий лиц женского пола от существительных мужского рода, а также в нескольких неясных случаях; ср. [Sławski 1974: 139–141]) – и лексико-семантическую изоглоссу: ст.-слав. **рекѫ** "говорю", **рѣчь** "слово, речь" – тох. А *rake*, В *reki* "слово" (в то же время индо-иранский и германский дают значение "определять"; ср. также родственное славянское **рокъ** "срок, период"). Однако основной пафос статьи Лера-Сплавинского в ином. Следуя идеям своего соотечественника Т. Милевского, он предполагает, что до своего раннего ухода с предшествующих мест обитания, двигаясь мимо северных отрогов Кавказа, предки тохар интенсивно контактировали с протогерманскими, протобалтийскими и протославянскими племенами, между которыми впоследствии установились более тесные связи – известные нам языки этих групп обнаруживают очень большое количество общих черт – прежде, чем германские племена в свою очередь покинули центральные районы расселения индоевропейцев (локализуемые примерно в Центральной или Юго-восточной Европе) и, подобно тохарам на востоке и анатолийцам (хеттам и лувийцам) на юге, двинулись на периферию – в данном случае, на север – ИЕ

территории. Более детальное изложение этой концепции и дополнительную аргументацию см. в [Milewski 1993].

В данном контексте следует также упомянуть, что, рассматривая "теорию волн" Й. Шмидта, призванную более адекватно отразить группировку ИЕ диалектов и языков, нежели однобокая модель "генеалогического древа" А. Шлейхера, Р. Антгила помещает будущие языки периферии, хеттский и тохарский, в центре своей карты-диаграммы ИЕ диалектов (причем тохарский рядом как с балтийским, так и со славянским), поясняя, что, хотя тохарский и хеттский занимают центральное положение на карте даже несмотря на то, что они засвидетельствованы на границах ИЕ территории, "здесь нет никакого противоречия, поскольку анализ хронологии диалектных изменений показывает, что в отношении изоглосс тохарский и хеттский занимают консервативное положение – они, как правило, не имеют никаких общих инноваций с другими подгруппами. Поэтому весьма вероятно, что они уже покинули свою исконную прародину к тому времени, когда в центральной зоне осуществилось большинство инноваций" [Anttila 1972: 304–307]. О ранней миграции тохар к востоку см. еще [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 935–938][11]. Особый статус анатолийских языков, тохарского А и тохарского В обсуждался также в работах [Schmidt 1992; Winter 1997].

Возможно, наиболее детальное рассмотрение проблемы связей между славянским (точнее, балто-славянским) и тохарским содержится в посвященной этому вопросу статье В. Георгиева [Георгиев 1958]. Невозможно перечислить здесь все его многочисленные аргументы. Достаточно указать, что, после кратких вводных замечаний, в которых centum-satəm аргумент отвергается как устаревший и более не имеющий решающего значения для отнесения тохарского языка к той или иной ИЕ зоне, болгарский ученый переходит сначала к анализу развития ИЕ лабиовелярных в тохарском (демонстрирующем немало общего с балто-славянским), затем – к обсуждению рефлексов ИЕ слоговых плавных и носовых, которые в тохарском – как и в балто-славянском – обнаруживают двоякое развитие: в *är*, *äl*, *än*, *äm* (иногда с *a* вместо *ä* перед сонорным) и в *ur*, *ul*, *un*, *um* соответственно; второй тип рефлексации представлен, как правило, после исходных велярных. Рассматривая далее ИЕ палатовелярные (или палатальные, т.е. *k'*, *g'*, *g'h*), Георгиев несколько неожиданно пытается доказать, что их развитие в тохарском было примерно таким же, как и в балто-славянском, с дальнейшими модификациями, обусловленными фонетическим окружением. Суммируя свои взгляды на фонологические особенности, общие для тохарского и балто-славянского, Георгиев [Георгиев 1958: 15] называет (1) различного рода палатализации перед *e*, *i* и *i̯*; (2) делабиализацию исходных лабиовелярных и их последующую палатализацию перед передними гласными и *i̯*; (3) двоякую рефлексацию слоговых плавных и носовых; (4) тохарский гласный *ä*, обнаруживающий, подобно славянским редуцированным гласным *ь* и *ъ*, тенденцию к выпадению в открытых слогах.

Еще более убедительно выглядит приводимый В. Георгиевым перечень общих для балто-славянского и тохарского морфологических и словообразовательных элементов. Среди них он упоминает окончание инфинитива – балтийское и славянское *-ti*, *-tsi* в обоих тохарских языках, – восходящее к ПИЕ **-tei* (или **-tēi*); тохарский претерит на *-ā*, точно соответствующий балтийскому претериту на *-ō*: ср. тох. В *tāka*, лит. *bùvo* (< **buu̯āt*) "он был"; ср. [Krause, Thomas 1960: 237–238]. Тохарским отглагольным прилагательным на *-(a)l* усматривается аналог в виде славянского суффикса активного претеритного причастия II *-l-* (однако см. ниже о серьезных оговорках, высказанных В. Винтером). Одни и те же суффиксы используются в тохарском и славянском при глагольной деривации: ср. тох. *-w-*, слав. *-v-* и тох. *-tk-*, слав. *-tk-* наряду с *-k-*. В списке перечисленных Георгиевым [Георгиев 1958: 17] словообразовательных морфем обращает на себя внимание полное совпадение тохарских В и славянских уменьшительных суффиксов: ПИЕ **-kik-o-* и **-kik-ā* – тох. В *-śke*, *-śka*; общеслав. (и ст.-слав.) *-čьkú*, *-čikú*, *-čьka*, *-čika*. Как подчеркивает В. Георгиев, это тохаро-славянское сближение было впервые отмечено Вяч.Вс. Ивановым [Иванов 1958]. О

глагольном префиксе тох. *p(ä)-*, слав. *po-*, образующем соответственно императивные и перфективные глаголы, см. ниже.

Я не буду комментировать здесь обширный список приводимых В. Георгиевым [Георгиев 1958: 17–20] лексических изоглосс; большинство из них, хотя и не все, остаются приемлемыми и при нынешнем уровне наших знаний. О многих из них, а также о нескольких других лексических сближениях см. ниже. В результате своего исследования Георгиев [Георгиев 1958: 20] приходит к заключению, что в далеком прошлом предки германского, балто-славянского и тохарского этносов образовывали особую, северную группу ИЕ общности, распавшуюся не ранее четвертого тыс. или рубежа четвертого–третьего тыс. до н.э. Хотя бóльшая часть аргументов и выводов В. Георгиева кажется мне достаточно убедительной, я полагаю, что предлагаемая им датировка распада – в его терминах – северной группы ИЕ языков все же является чересчур ранней. В связи с этим мне кажется уместным напомнить читателю, что именно Георгиеву принадлежит концепция, согласно которой время формирования протославянского языка относится ко второму тыс. до н.э. – такая дата кажется мне (и другим исследователям) очень сильно удревненной[12]. Ср., впрочем, работу [Mallory 1989], где представлена примерно такая же чрезвычайно ранняя хронология праистории тохар (см. ниже). Я склонен скорее согласиться с изложенной выше концепцией Т. Милевского, в соответствии с которой предки тохар, первоначально обитавшие в центральной части ИЕ территории, рано начали продвигаться к востоку, в то время как германские племена мигрировали на север только после ухода пратохар, так что предки германцев, балтов и славян успели приобрести значительное количество общих языковых черт и изоглосс.

Более того, кажется не вполне лишенным значения то обстоятельство, что время фиксации тохарских языков – вторая половина первого тыс. н.э. – приблизительно совпадает с позднепраславянским периодом. Следовательно, на этом основании я могу предполагать, что пратохары (или прототохары) покинули предшествующую территорию своего обитания лишь за 500–1000 лет до того или, другими словами, примерно в то время, когда славяне, продвинувшись к югу с верховьев Днепра, где были ранее расселены их предки, составлявшие пространственный континуум с протобалтами, вот-вот должны были заявить о себе как об отдельной этнической общности. Согласно другой теории (наиболее активным сторонником которой является китаист и археолог В. Майр), так называемый "народ мумий", отличавшийся поразительно европейской внешностью и обитавший в бассейне р. Тарим, т.е. примерно в тех же самых местах, но в значительно более раннее время (возможно, за тысячу или более лет до фиксации первых тохарских текстов), в действительности является предком позднейших тохар. Относительно недавнюю попытку разрешения тохарской "загадки" с привлечением географических, исторических, лингвистических и, в первую очередь, археологических данных см. в работе [Mallory 1989: 56–63, 182, 226, 261]. В плане хронологии Мэллори датирует приход тохар в бассейн Тарима периодом между 2 500 и 2 000 гг. до н.э., а экспансию индоевропейцев на восток и отделение предков тохар от прочих ИЕ ветвей – четвертым или, быть может, началом третьего тыс. до н.э.

Исследуя сходства между славянской (или, шире, балто-славянской) и тохарской лексикой, мы обнаруживаем, что в "Этимологическом словаре русского языка" М. Фасмера (как в исходной, немецкой, так и в улучшенной русской версии, включающей в себя дополнения О.Н. Трубачева) насчитывается 105 тохарских слов (если тох. А и тох. В варианты не совпадают, они учитываются отдельно), имеющих соответствия в русском языке, см. [Vasmer 1958: 580–581; Фасмер 1973: 669–670]. При этом, однако, следует отметить, что в немецкой и русской версиях словаря Фасмера списки не вполне идентичны. Кроме того, в данном случае мы должны считаться с возможностью большого количества ошибок, поскольку, как известно, многие славяно-тохарские сближения, принимавшиеся немецким славистом, в дальнейшем не выдержали критической проверки. Однако значительное число примеров остается.

и мы должны отдавать себе отчет в том, что во всех этих случаях мы имеем дело с общими для обоих языков лексемами, унаследованными от ПИЕ. А.Й. Ван Виндекенс перечисляет в общей сложности 45 слов, представляющих собой сепаратные схождения тохарского с балтийским и/или славянским [Van Windekens 1976: 616]. Хотя некоторые из предлагаемых им этимологий сомнительны, важно отметить, что бельгийский ученый считает вторичными только связи между тохарским и германским и тохарским и греческим соответственно, т.е. между тохарским и двумя другими языковыми группами (или, в случае с греческим, одним языком) типа centum. Кроме того, следует добавить, что недавно В. Блажек [Blažek 1995] обнаружил еще четыре лексических изоглоссы, связывающих славянский и тохарский. В противоположность славяно-тохарским схождениям, многие славяно-иранские лексические соответствия, как было сказано выше, представляют собой заимствования из иранского в славянский – при том, что конкретные пути заимствования, а отчасти и неожиданное появление иранских элементов на западе славянской территории остаются спорными, чтобы не сказать загадочными (несмотря на остроумные объяснения части таких случаев, предложенные О.Н. Трубачевым). Также весьма значительно и число славянских заимствований в балтийских языках (особенно в литовском) – в дополнение к многочисленным (но далеко не всегда сепаратным) исконнородственным балто-славянским словам (*Erbwörter*). Подобным же образом, довольно велико и число германских, в первую очередь готских, лексем, обнаруживаемых в славянском, и, напротив (вопреки мнению, высказанному в [Мартынов 1963]), в лучшем случае лишь несколько обще- (или ранне-) славянских слов попало в германский; ср. особенно [Kiparsky 1934; 1975: 54–59], а об иранизмах в раннеславянском – [Kiparsky 1975: 59–61].

Разумеется, нет возможности подробно обсуждать здесь все те приведенные М. Фасмером славяно-тохарские сближения, которые можно по-прежнему считать надежными, хотя они действительно заслуживают тщательного анализа. Мы, однако, рассмотрим только некоторые особо интересные случаи и лишь коротко затронем некоторые другие.

Тох. A *ak*, тох. B *ek* "глаз", соответствующее ст.-слав. **око** "глаз"[13] и его ИЕ параллелям, выступает также как первый компонент тох. A *akmal* "лицо" (ср. ст.-слав. **челюсть** "челюсть, скула" – аналогичного типа сложение **чело** "лоб" и **оуста** "рот"); о тох. A *akmal* и сходных образованиях в других языках см. еще [Schulze 1933: 248–257][14]. Тох. A и B *āre* "плуг"[15], несомненно, связано со ст.-сл. **орати, орѣ**"пахать", **рало** (< **or-dlo*) "плуг". Тох. B *cake* "река" явно родственно ст.-слав. **тещи, текѫ** "идти, бежать", **токъ** "течение, поток". Тох. A *ckācar*, B *tkācer* "дочь", несомненно, связано со ст.-сл. **дъщи** (< **dukte*[*r*]) "дочь" и с его многочисленными ИЕ соответствиями, тогда как тох. B *eṅk-* "нести"[16] может быть (а может и не быть) связано со ст.-слав. **нести, несѫ** (то же). В тох. A *i-* "идти" представлен тот же корень, что и в ст.-слав. **ити, идѫ** (то же) и его многочисленных соответствиях в других ИЕ языках. Тох. A *kam*, B *keme* "зуб"[17] находит свою параллель в ст.-слав. **зѣбъ** (то же); в [Порциг 1964: 272–273] здесь усматривается семантическая инновация. Тох. B *karyor* (< **krī-*) "торговля", возможно, родственно др.-русск. (и русск.-цслав.) **крьнѹти** "купить"[18], тогда как тох. A *känt*, B *kante* "100", несомненно, связано со ст.-слав. **сѫто** (то же) и его многочисленными ИЕ параллелями, и лишь этимология славянского слова – восходит ли оно прямо к ИЕ (ср. лит. *šimtas* "сто") или, что менее вероятно, является иранским заимствованием (из-за возможной нерегулярности корневого вокализма) – остается спорной. Среди ИЕ соответствий ст.-слав. **градъ** "город, за́мок" (и его инославянских параллелей) имеется, вероятно, и тох. B *kercıye*[19] (< **ghordhi̯om*) "дворец". Одной из множества лексем, связанных со ст.-слав. **слоѹшати, слоѹшаѭ** "слушать, слышать" (и его славянскими соответствиями), является тох. A *klyos-* (то же)[20]. Ст.-слав. **знати, знаѭ** "знать" родственно, помимо прочего, тох. A *knān-* (то же). Тох. A *ku*[21] "собака" сопоставлялось – на не вполне надежных основаниях – с русским *сука* (< **sa̯ka*, лит. *šuõ* "собака"), а связь ст.-слав. **коло** "колесо", мн. ч. **колеса**

"повозка" с тох. A *kukal* "колесница" (форма с редупликацией) является общепризнанной. Тох. A *kulmants* "тростинка"[22] обычно считается родственным др.-русск. *солома*, русск.-цслав. *слама* "солома". Возможно, наиболее показательное славяно-тохарское сближение – тох. B *laks* (< **l̥k's-*, скорее с нулевой, нежели с *o*-ступенью вокализма; ср. [Winter 1997: 185–186]) "рыба" – вопреки [Vasmer 1955: 61; 1958: 580; Фасмер 1967: 552; 1973: 669], это слово не засвидетельствовано в тох. A, ср. [Krause, Thomas 1964: 134, 233] – рус. *лосо́сь*, укр. *ло́сось*, польск. *łosoś*, чеш., слвц. *losos*, лит. *lašišà*, лтш. *lasis*, др.-прусск. *lasasso*, др.-в.-нем. *lahs*, др.-сев. *lax* "лосось". Ср. еще осетинское *læsæg* "лосось", которое, впрочем, может быть заимствованием, поскольку это слово не представлено в других иранских языках. Название лосося отсутствует в южнославянских языках, т.к. эта специфическая порода рыб не водится в реках, впадающих в Средиземное (или его заливы, включая Адриатическое и Эгейское моря) и Черное море. "Аргумент лосося" использовался не только в связи с гипотезой о ранних контактах славянского, балтийского, германского и тохарского (или, точнее, легших в их основу праязыков или позднеПИЕ диалектов), происходивших в непосредственной близости от бассейна Балтийского моря – как кажется, вполне разумное утверждение, – но и (особенно П. Тиме), куда менее убедительно, для доказательства северно-европейской прародины индоевропейцев (точка зрения, ранее и на других основаниях высказывавшаяся также, например, Ф. Шпехтом). Ср. [Порциг 1964: 272], а о славянских названиях лосося специально [Udolph 1982]; в этой работе дается также объяснение того факта, что некоторые разновидности лосося встречаются в бассейнах рек, впадающих в Черное и Каспийское, а также Аральское моря. Как известно, современная наука скорее склонна искать следы происхождения индоевропейцев либо в юго-восточной Анатолии и прилегающей к ней Северной Месопотамии (Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов; аналогично, хотя и на других основаниях, также К. Рэнфрью), либо в причерноморских степях и лесостепной зоне (М. Гимбутас, Дж.П. Мэллори; В.П. Леманн, А. Мартине и др.).

Двигаясь дальше, мы рассмотрим еще несколько примеров, представляющих особый интерес. Тох. A *mācar*, разумеется, родственно ст.-слав. **мати** "мать", равно как и всем его славянским и прочим ИЕ соответствиям; так же и тох. A *pracar* – параллель ст.-слав. **брат(ǫ)ъ** "брат". О тохарских терминах родства см. также [Pinault 1989: 57–59]. Тох. A *malk-*, *malk-* "доить" связано со ст.-слав. **млѣко** "молоко" и русск.-цслав. **млѣсти, млъзѭ** "доить". Тох. A *malyw-*, B *mely-* "давить, раздавливать" родственно ст.-слав. **млѣти, мелѭ** "молоть" и его многочисленным соответствиям в славянских и других ИЕ языках. Тох. A *mañ*, B *meñe* "луна; месяц" содержит тот же начальный элемент, что и ст.-слав. **мѣсѧць** (тж.) (где **мѣс-** < **mēs-* или **mens-*). Тох. A *nut-*, B *naut-* "гибнуть" обычно сравнивают с др.-русск. (русск.-цслав.) **навь** "покойник", др.-чеш. *nav* "ад, тот свет"; ср. (тж.) д.-в.-н. *nôt* "нужда". Далее, тох. A *ñom*, B *ñem* "имя" – отражение обще-ИЕ лексемы с этим значением, представленной также в ст.-слав. **имѧ** (< **jьmę* < **ьnmen-* < **n̥men-*)[23].

Тох. A *ñu* "9" более очевидным образом связано с лат. *novem* (то же), чем со ст.-слав. **девѧть**, в случае с которым как начальное *d-* (возможно, результат диссимиляции **n-* с **-en-* > **-ѧ-**, но скорее следствие аналогии с **десѧть** "10"), так и суффикс *-ть* (отражение исходной консонантной основы) остаются проблематичными. Из прочих числительных порядковое "первый" имеет в тохарском тот же суффикс, что и в славянском: ср. тох. B *pärweṣṣe* (и тох. A *parwat* "старший (сын)"), ст.-слав. **пръвъ** (русск. *первый*). Суффикс *-u̯-* обнаруживается также в индо-иранском и албанском, тогда как в балтийском, германском и италийском представлен суффикс *-m-*: лит. *pìrmas*, др.-англ. *forma-* (но также др.-англ. *forwost* "предводитель, глава"), лат. *primus*; ср. еще [Порциг 1964: 217, 274–275]. ИЕ числительное "5" в ст.-слав. имеет вид **пѧть**, в то время как в тохарском находим A *pañ*, B *piś*. Соответствующее порядковое числительное, "пятый", отражено в ст.-слав. **пѧть**, тох. A *pänt* и B *pinkte* соответственно. Можно упомянуть также числительное "3", ст.-слав. **трие** (ж. и ср. р. **три**), которому соответствует тох. A *tre*, B *trai*, а также множество параллелей в других

ИЕ языках. Подробно о тохарских числительных см. [Krause 1954; Pinault 1989: 60–63; Winter 1992].

Др.-русск. **подъ** "дно, основание" (без предписываемого законом Винтера удлинения гласного; ср. также лит. *pãdas* "подошва") соответствует тох. А *pe*, В *paiyye* "нога"[24]. Ст.-слав. **пасти, пасѫ** имеет точный аналог в тох. А *pās-*, В *pāsk-* "охранять, соблюдать"[25]. В тох. В засвидетельствована форма *piṅkaṃ* "он пишет", соответствующая ст.-слав. **пьсати, пишѫ** "писать". Как известно, представленная в греч. πῦρ, д.-в.-н. *fuir* лексема со значением "огонь" лишь маргинально представлена в славянском (в качестве общеславянского слова для "огня" выступает ст.-слав. **огнь** и его многочисленные соответствия); но ср. с.-хорв. *спúрити*, *упúрити* "раздувать огонь", чеш. *pýř* "раскаленная зола"; в тохарском находим А *por*, В *pūwar*. Тох. А *rake*, В *reki* "слово", как уже говорилось, родственно ст.-слав. **рєци, рекѫ** "говорю" и **рѣчь** "слово, речь", а также (с качественным аблаутом) **рокъ** "срок, период"; ср. [Порциг 1964: 271], а также выше, в разделе, посвященном работе Т. Лера-Сплавинского.

ПИЕ личное местоимение **tu* / **tu* "ты" отражено в ст.-слав. и др. **ты** и в тох. А *tu*[26]. А ст.-слав. **великъ** и **велии** (< **velьjь*) "большой", так же, как ст.-слав. **велѣти, велѭ** "повелевать" и ст.-слав. **власть** (< **vol-dtь*) "власть" в конечном счете родственны тох. А *wäl*, В *walo* "царь" и, вероятно, также тох. А *wäl-* "править"[27].

К этим славяно-тохарским лексическим изоглоссам мы можем теперь добавить еще четыре, установленных В. Блажеком. Таковы: 1) общеслав. **uprěmъjь* "прямой, искренний", тох. В *empreṃ* "истинный" (< **on-prēmo-* и **n̥-prēm(o)-* соответственно); 2) общеслав. *lěviti* "слабеть", тох. В *laiwo* "усталость" (< **lēi̯w-*); 3) общеслав. *kle̯sati* / *kle̯sna̯ti* "опускаться", тох. А *klis-*, тох. В *klänts-*, прет. акт. *klyantsa* "спать" (< **klN̥s-* / **kleNs-*); 4) ст.-слав. (и др.) **калъ** "грязь, нечистоты", тох. В *-kālle* в *kärkkālle* "грязь" (< **kalo-* и *krāke* "нечистоты" + *kalle* < **kali̯o-* соответственно)[28].

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы проиллюстрировать относительное, – конечно, по большей части не исключительное – совпадение словарного состава славянского (балтийского, германского и т.д.) и, до некоторой степени, тохарского языков. К этому, однако, следует добавить также несколько морфологических изоглосс, по большей части объединяющих славянский и тохарский с армянским. Одной из них обычно считается включение в систему глагола *-l-*овых прилагательных, в славянском называемых активным претеритным причастием II, в тохарском – отглагольным прилагательным (или герундивом, из-за функциональной близости латинскому герундиву), а в армянском – герундием или просто причастием или прилагательным, ср. [Порциг 1964: 274]. Тохарские *-l-*овые отглагольные прилагательные (или герундивы), хотя и употребляются иначе, чем в славянском (где *-l-*овые производные стали обязательным элементом системы спряжения и – уже в письменную эпоху – постепенно взяли на себя функции финитных форм прошедшего времени), в предикативном употреблении также составляют неотъемлемую часть глагольной системы. При этом тох. А *-l*, по-видимому, отражает ПИЕ **-lo-*, тогда как тох. В формы на *-lye* (и, с ассимиляцией, *-lle*, *-le*) восходят скорее к ПИЕ **-li̯o-*. Различается два вида отглагольных прилагательных: одно (герундив I) образуется от основы презенса, другое (герундив II) – от основы конъюнктива. Герундив I в предикативном употреблении часто сочетается с глаголом-связкой (обычно опускаемым в презенсе) и выражает долженствование, а также требование или запрет; герундив II выражает возможность (и часто соответствует английским прилагательным на *-able*, *-ible*). Ср., например, *tsär-* (тох. А и В) "отделять": герундив I *tsrelle* (тох. В) "тот, который должен отделить", герундив II *sral* (тох. А), *tsrālle* (тох. В) "отделимый (англ. *separable*)"; ср. арм. *sirel* "любить", *sireli* (< **-li̯o-*) "приветливый (англ. *lovable*)". Подробнее см. [Thomas 1952; Krause 1952: 37–39, 203, 307; Krause, Thomas 1960: 186–187]. В славянском различается два – омонимичных – вида *-l-*причастий: с одной стороны, исходные отглагольные прилагательные на **-lo*, рано, еще в дописьменную эпоху, вошедшие в состав глагольной парадигмы (и тем самым соответствующие образованиям, известным по данным тохарского и армянского); с дру-

гой стороны, *-l*-прилагательные, оставшиеся прилагательными и в настоящее время представленные преимущественно в западнославянском, ср. польск. *przybyły* (причастие прошедшего времени и субстантивированное прилагательное) "(ново)прибывший, приезжий" (от *przybyć* "прибыть"), *powstały* "созданный, возникший" (от *powstać* "возникнуть, создаться"), *dbały* "заботливый, внимательный" (от *dbać* "заботиться, беспокоиться"); чеш. *powstalý* (от *powstáti*), *dbalý* (от *dbáti*) и т.д.; в качестве примера "включенного" (ставшего финитным глаголом) причастия в славянском ср. ст.-слав. **несль ксмь**, польск. *niosłem*, русск. (*я*) *нёс*. Подробнее см. [Damborský 1967], где соответствующие формы рассматриваются как с морфологической, так и с синтаксической точки зрения, как в синхронии, так и в диахронии. Однако, как указал мне Вернер Винтер (устное сообщение), аргументация, основанная на тох. A *-l*, тох. B *-lle* (форма номинатива; в аккузативе представлено *-lye*), в действительности не выдерживает критики. В самом деле, как видно по тох. A *ālak*, тох. B *āllek* "другой" (ср. лат. *alius*), и тох. A *-l-*, и тох. B *-lle-* восходят к ПИЕ **-l̥i̯o-* и ни в коем случае не могут рассматриваться как свидетельство специфических связей между тохарским и славянским (несмотря на повторяющиеся утверждения противоположного свойства), в первую очередь потому, что сравниваемые формы очень значительно различаются по своим синтаксическим функциям. Тохарские формы если что и напоминают, то, скорее, армянский герундий[29].

Другая морфологическая особенность, общая для части славянских языков с тохарским и армянским, – именной суффикс *-isko-*, засвидетельствованный в западнославянском, а в южно- и восточнославянском всегда имеющий расширение на *-i̯o-* (ст.-слав. **-ище** < **-išče* < **-iskjo*). В старославянском такие образования обычно имеют значение места (*nomina loci*), ср., например, **гробище** "место для могилы" (от **гробъ** "могила"), **жилище** "дом, жилище" (от **жити** "жить, обитать"), **хранилище** "хранилище" (от **хранити** "беречь, хранить") и неск. др.; см. [Vondrák 1924: 622; Birnbaum, Schaeken 1997: 41]. В тох. A представлен суффикс *-ṣi*, в тох. B – *-ṣṣe*, в армянском им соответствует *-acʿi*; все эти формы восходят к ПИЕ **-isk-i̯o*, ср. [Порциг 1964: 274]. О славяно-балтийско-тохарской словообразовательной изоглоссе – употреблении суффикса слав. *-yńi* / *-yńa*, балт. *-unė*, тох. *-une* – см. выше (в разделе, посвященном обсуждению статьи [Lehr-Spławiński 1957–1958]); об общих для тох. B и славянского диминутивных суффиксах см. выше, по поводу [Георгиев 1958] и [Иванов 1958].

Третьей морфологической изоглоссой, связывающей славянский (равно как и балтийский) и тохарский, может быть окончание инфинитива – тох. *-tsi* (A и B), которое сравнивают с балто-славянским *-ti* (представляющим собой окончание датива или локатива ИЕ основ на **-ti*), ср. [Vaillant 1966: 126–128; Stang 1966: 447–449; Krause, Thomas 1960: 261; Krause 1952: 33–34]. Исходное ПИЕ окончание, вероятно, имело вид **-tei* (или **-tēi*)[30]. См. выше, по поводу [Георгиев 1958].

Лексические и морфологические совпадения и сходства между славянским и тохарским, упомянутые здесь, – лишь наиболее очевидные, но список существующих (или ранее существовавших) параллелей, которые могут быть отмечены и установлены между этими двумя языковыми группами или, точнее, соответствующими поздне-ПИЕ диалектами, ими отнюдь не исчерпывается. Так, Вяч.Вс. Иванов (которому я посвятил эту работу) в недавнем докладе – подготовленном к предстоящему Двенадцатому международному конгрессу славистов (Краков, август-сентябрь 1998 г.) – перечисляет множество других параллелей и "диалектных связей" на различных уровнях языковой структуры, прослеживаемых между двумя рассматриваемыми семьями. При этом он обращает особое внимание на процесс образования ряда морфологических категорий и формирование специфических синтаксических функций. Так, например, тохарский *s*-претерит (ср. [Krause, Thomas 1960: 247–251]) может пролить свет на еще не до конца ясную историю образования славянского сигматического аориста, который хотя и возник в славянском позже простого тематического аориста, восходит к поздне-ПИЕ (в то время как славянский аорист на *-ox-* имеет явно вторичное происхождение, а имперфект, хотя его происхождение и остается

спорным, представляет собой несомненную славянскую инновацию), ср. [Stang 1942: 63–81; Arumaa 1985: 302–307; Reinhart 1992: 367–381]; далее см. [Szemerényi 1990: 304–305; Watkins 1969: 207–208, 216–217]. Подобным же образом, тохарский префикс императива *p(ä)-* (в тохарском B иногда также *po-*) может предоставить дополнительные сведения относительно этимологии и употребления (частично также в императивной и побудительной функции) славянской приставки *po-*. Разумеется, эта славянская приставка почти полностью утратила свои первоначальные функции и выступает фактически только в роли показателя совершенного вида. Кажется, однако, что в тохарском соответствующий префикс, прежде чем стать формальным признаком императива, также мог первоначально иметь перфективирующее значение (ср. [Георгиев 1958: 16–17], а также выше). О тохарских данных см. [Krause, Thomas 1960: 234; Krause 1952: 32]. Ср. еще в современном русском такие выражения, как *пошли*, *пойдемте*, явно имеющие побудительное значение и содержащие приставку *по-*. При этом агглютинативный суффикс *-те* усиливает императивно-побудительную функцию презенса совершенного вида (могущего самостоятельно выступать в этой роли или эксплицироваться путем прибавления *давай*, *давайте*), а форма прошедшего времени может приобретать вторичное, небуквальное значение. Соответствующий префикс, употребляемый в императиве, отмечен также в иранском. (В заключение настоящего раздела, посвященного славяно-тохарским связям и изоглоссам, я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы выразить благодарность моему другу Вернеру Винтеру за его профессиональные советы, несомненно позволившие значительно улучшить изложение.)

3. Прежде чем обратиться к третьей языковой группе, упомянутой в заглавии настоящей работы, – алтайской, не родственной ни славянскому, ни тохарскому, поскольку алтайские языки не входят в ИЕ семью, – бросим беглый взгляд на еще одну языковую семью, также не связанную со славянской, которая, как ранее считалось, оказала на славянскую значительное влияние – даже в процессе ее формирования. Я имею в виду финно-угорские языки, точнее, их финскую ветвь. Мнение, согласно которому финно-угорский язык как целое мог сыграть ключевую роль в процессе складывания протославянского (раннеобщеславянского) языка, – ранее всерьез рассматривавшееся многими известнейшими славистами и финно-угроведами, – ныне имеет мало сторонников, и В. Поляк [Polák 1969] вполне может быть назван одним из последних. Максимум, что мы можем принять, это существование некоторых адстратных явлений, объединяющих прибалтийско-финский, балтийский и славянский, – в том случае, если мы постулируем пространственный континуум (вероятно, примерно совпадающий с территорией нынешней Белоруссии), из которого выделились как балтийские, так и славянские языки, хотя и в разное время – для балтийского время должно было быть гораздо большим, чем для славянского, – и который соприкасался (а возможно, даже частично перекрывался) с территорией, населенной финноязычными племенами.

Совершенно иначе обстоит дело в случае с возможным прибалтийско-финским адстратным и даже субстратным влиянием в восточнославянском и особенно в русском (поскольку белорусский сложился скорее на основе балтийского субстрата, а украинский, расположенный значительно южнее, не был затронут им в такой степени). Но и здесь мнения существенно расходятся по поводу того, могут ли те или иные специфические черты русского языка – в первую очередь, его несомненная принадлежность к "быть"-, а не "иметь"-языкам, – объясняться финским субстратом; обсуждение этой проблемы и необходимые ссылки см. в [Бирнбаум 1997].

О возможных славяно-алтайских контактах и возможном существенном влиянии алтайского – или отдельных алтайских языков – на формирование общеславянского языка я в 1975–1979 гг. писал так [Birnbaum 1979: 225]: "Если какие бы то ни было... контакты между одним из алтайских народов (предположительно гуннами, протобулгарами или аварами) и протославянским языковым сообществом в целом (а не

только одним из его ответвлений или диалектов) и могли иметь место, их лингвистическое значение, по крайней мере для славян, было, как кажется, нулевым (или почти нулевым, если учитывать несколько изолированных лексических единиц, требующих более подробного изучения)". Действительно, число более или менее надежных примеров слов, проникших в восточнославянский (древнерусский) язык до монголо-татарского нашествия (ок. 1240 г.) из языка волжских булгар или алтайских (тюркоязычных) кочевых племен южнорусской степи (гуннов, аваров, позднее, вероятно, еще и той части булгар, которые двинулись в направлении Балкан, иначе говоря, протоболгар или будущих дунайских булгар, а также, возможно, хазар), не особенно велико. В. Кипарский [Kiparsky 1975: 63–64] *насчитал их всего* 23 (*причем одно из них,* русск. *ватага*, в древнерусском языке имевшее значение "шатер, палатка кочевника", фиксируется в документах только с 1294 [а не с 1234] года и, соответственно, также вполне может быть заимствованием времен монгольского ига). Как правило, те из домонгольских заимствований, которые засвидетельствованы также в старославянском, происходят из языка волжских (или дунайских) булгар, а те, что представлены также в западнославянских языках, – из тюркского языка южнорусских степей[31].

Однако даже несмотря на то, что влияние алтайского на славянскую лексику кажется совершенно незначительным, сегодня я думаю иначе, чем два с лишним десятилетия назад. Дело в том, что влияние алтайского (или отдельных алтайских языков, см. ниже), по-видимому, отразилось на системе звуков и, в меньшей степени, также морфологических особенностях общеславянского языка в период его формирования. Поэтому теперь я полагаю также, что алтайский, вполне вероятно, играл весьма значительную роль в ту эпоху, когда этническая группа (или группы) будущих славян мигрировала (мигрировали) к югу от тех областей в верховьях Днепра и вокруг, где она (они) обитала (обитали) ранее – тех областей, где вместе или по соседству с ними жили будущие (или, скорее, уже вполне сформировавшиеся как этнос) балты. Подробнее о моем нынешнем взгляде на "общеславянский во времени и пространстве" см. [Birnbaum 1998b]. Но сначала несколько слов об алтайских народах в период Средневековья и о том, что мы знаем (и чего не знаем) о них и их языках.

Как известно специалистам в данной области (и как легко убедиться по соответствующим справочным изданиям), алтайская языковая семья состоит из трех ветвей: тюркской, монгольской и тунгусской (или тунгусо-маньчжурской). Существует гипотеза, согласно которой алтайская семья образует (или, точнее, некогда образовывала) единую макросемью с уральскими языками, которые, в свою очередь, делятся на финно-угорские и самодийские. Это крупное языковое объединение позволяет, помимо прочего, объяснить некоторые поразительные черты сходства между этими языками (особенно в фонологии, например, так называемую гармонию гласных – см. ниже). Наличие часто предполагаемой связи алтайских языков также с корейским и японским несколько менее надежно, хотя представляется вполне вероятным. Татары (термин, часто используемый как синоним "монголов") – скорее историческое, нежели лингвистическое обозначение представителей тюркских[32] и/или монгольских народов, вторгшихся в Средние века в Центральную и Западную Азию и Восточную Европу (и захвативших их) и продвинувшихся вплоть до Силезии (области польско-германского пограничья) с одной стороны и Адриатического побережья – с другой. В дальнейшем, во избежание каких бы то ни было недоразумений, этот термин использоваться не будет.

Нам известно не менее трех тюркских народов, в эпоху раннего Средневековья контактировавших с формирующимся славянским этносом: гунны, булгары (разделившиеся на две подгруппы – волжские булгары и балканские, или дунайские булгары; см. выше) и авары[33]. Четвертый алтайский народ, хазары, хотя и создал могущественное и обширное государство, едва ли может быть включен в этот список, поскольку нам известно лишь о его контактах с Киевской Русью (если не учитывать возможных позднейших потомков хазар, караимов, обитавших в том числе в польско-литовском королевстве и даже сейчас еще встречающихся небольшими группами на территории Литвы) и Византией (поддерживавшей оживленные отношения с

Хазарией и, в частности, ок. 860 г. н.э. направившей туда посольство во главе с Константином-Кириллом). То же самое, естественно, относится и к более поздним печенегам, наводнившим в раннем Средневековье южнорусские, молдавские и дунайские степи, и к еще более поздним куманам (половцам), многие из которых в конце концов растворились на Великой венгерской равнине. Более ранние по времени огромные государства гуннов (в IV–V вв.) и аваров (с сер. VI по конец VIII и – остаточно – еще и в начале IX в.) определенно были многонациональными, и нам очень мало известно о языках, на которых изначально говорили гунны[34] и авары. По поводу наших нынешних представлений о языке аваров – важнейшем, в силу тесных и многосторонних связей аваров со славянами, возможном источнике, оказавшем влияние на возникновение общеславянского языка, – см. [Pohl 1988: 223–225]. Также не вызывают сомнений как тесные связи, так и военные конфликты между аварами и балканскими булгарами в период появления последних в районе Центральных Балкан и нижнем Подунавье. Строя гипотезы о языке аваров (а заодно и гуннов), мы во многих случаях должны обращаться к имеющим, возможно, аналогичную природу явлениям в сравнительно хорошо документированном древнетюркском (известном по уйгурским рукописям и надписям, найденным в Монголии в долине р. Орхон). О прото-болгарском – языке волжских и дунайских болгар – мы осведомлены несколько лучше: в древнерусском и старославянском имеется целый ряд булгарских заимствований, ср. [Kiparsky 1975: 63–64] (где, как указано выше, перечислено двадцать два или двадцать три заимствования), а также [Sadnik, Aitzetmüller 1955: 211–341]. Кроме того, современный чувашский язык, несомненно, относящийся к тюркским, но заметно отличающийся по структуре от других тюркских языков, возможно, является потомком хазарского или средневекового волжско-булгарского [Kiparsky 1975: 62]. При этом, однако, необходимо отметить, что те из алтайских народов, которые могли повлиять на формирование фонологической (и, в некоторой степени, морфологической) структуры общеславянского языка, – это в первую очередь именно гунны и авары, которые были "творцами" возникающих или недавно возникших славян, что, возможно, оказалось решающим фактором.

По крайней мере, вполне допустимо – и, конечно, заслуживает дальнейшего обсуждения, – что в I тыс. н.э. славяне в определенный период действительно испытали влияние алтайцев-кочевников, обитателей степи и прилегающей с севера лесостепной зоны, – гуннов, возможно, в меньшей степени булгар и особенно аваров (ср. недавнее детальное исследование, включающее несколько новых гипотез, [Galton 1997]). И хотя нет никаких сомнений насчет длительного симбиоза славян и аваров – правда, точный характер связей между ними в определенные моменты времени и в некоторых случаях остается неясным, но на протяжении большей части известного нам периода их существования авары явно были доминирующей стороной (ср. [Pohl 1988: passim]), – понятно, что, в частности, наличие какой бы то ни было причинно-следственной связи между алтайской гармонией гласных, по природе своей морфонологической характеристикой, затрагивающей слово в целом, и (поздне)праславянским слоговым сингармонизмом, фонологическим явлением, по определению функционирующим только в границах отдельного слога (и включенным – на несколько сомнительных основаниях – Р. Якобсоном в более широкие "евразийские", т.е. неиндоевропейские, рамки), не может быть легко доказано. Обсуждение спорного якобсоновского тезиса о слоговом сингармонизме, якобы действовавшем в позднепраславянском, критики его взглядов Н. ван Вейком и их дальнейшего развития в теории группофонем (силлабем) В.К. Журавлева см. [Birnbaum 1979: 38–39, 86–87, 140–144]. (По поводу смешения Якобсоном понятий гармонии гласных и слогового сингармонизма, – последний мы, разумеется, не будем более рассматривать как праславянское явление, – см. [Jakobson, Waugh 1979: 146–150, особ. 148–150].) В крайнем случае некоторые характерные для алтайского звуковые последовательности, наблюдаемые в современном произношении на субфонемном уровне (или на уровне произносительных привычек), могли *послужить спусковым механизмом* для некото-

рых общеславянских звуковых сдвигов на фонемном уровне. Это допустимо, например, по отношению к одной из палатализаций велярных, а именно, к так называемой прогрессивной (или бодуэновской) палатализации, действовавшей слева направо (то есть так, как мы пишем или печатаем) и пересекавшей границу слога, но едва ли по отношению к другим палатализациям велярных – во внутрислоговой позиции перед (первичными или вторичными) передними гласными: такого рода явления широко представлены и во многих других языках, таких, как тохарский (см. выше в связи с обсуждением статьи В. Георгиева), индо-иранские, отчасти балтийские (латышский) и скандинавские (шведский и норвежский) или романские; это допустимо и по отношению к стяжению (монофтонгизации) дифтонгов (типа **oi* > *ě*, **eu* > *ju*/*'u*; следует учесть, что дифтонги совершенно нехарактерны для алтайских языков), хотя, опять-таки, подобное развитие, конечно, известно и во множестве других языков; к развитию эпентетического *l'* после палатализованных губных (или, выражаясь точнее, к вставке этого эпентетического согласного между нейтральным губным и последующим *j*) и к некоторым другим звуковым изменениям. В морфологии двухвариантное склонение, противопоставляющее основы твердого и мягкого типов, также может быть – как полагал уже Н.С. Трубецкой – построено по алтайской модели. (В связи с этим, однако, стоит упомянуть, что принадлежащая Трубецкому культурно-философская концепция "евразийства", в свое время оказавшая влияние на лингвистическую мысль Р. Якобсона, даже если относить ее исключительно к России, не только крайне предвзята, но и фундаментально ошибочна; критику основных идей Трубецкого см. [Birnbaum 1993].) Дальнейшие подробности и обсуждение возможного алтайского воздействия на общеславянский см. [Galton 1997: 49–160].

При беглом взгляде на принадлежащее самому Галтону резюме на английском языке [там же: 158–160] мы можем сделать вывод, что автор опирается на знаменитое (хотя, как было отмечено, отнюдь небезупречное) эссе Р. Якобсона, посвященное "евразийскому" языковому союзу (Sprachbund) [Якобсон 1971], в соответствии с которым для славянских языков, в особенности для русского, характерны некоторые наиболее яркие фонологические черты этого гипотетического ареала языковой конвергенции. Хотя, согласно Якобсону, этот Sprachbund характеризуется, по сути дела, всего двумя фонологическими чертами – корреляцией по палатализации и монотонией (в противопоставлении политонии), – последняя из них, как хорошо известно, явно неприменима к праславянскому с его тональными (интонационными) различиями. Указанные свойства, по мнению Якобсона, приложимы в первую очередь к праславянскому слогу, который, как предполагается, представлял собой "нерасторжимое единство" согласного и гласного, которые могли быть либо оба задними (лабиовеляризованными), либо оба передними (палатализованными). Якобсон не уточняет ни время, ни место гипотетического "евразийского" влияния на формирующийся славянский. Он просто перечисляет те алтайские языки, равно как и некоторые финно-угорские идиомы, которые, подобно русскому и польскому, имеют корреляцию по палатализации.

Оставляя в стороне предполагаемый широкий историко-культурный фон, Галтон сосредоточивается на фонологическом аспекте проблемы (и предполагаемой на его основе исходной собственно-исторической реальности). По его утверждению, эта реальность состоит в гуннском, а позднее – аварском господстве над славянами, приблизительно совпадающем с тем периодом – ок. 400–800 гг. н.э., – когда важнейшие языковые инновации выделили праславянский (раннеобщеславянский) из "балтийского протососостояния" (этот термин представляет собой явную, хотя и имплицитную отсылку к концепции, изложенной в [Иванов, Топоров 1961]). Хотя языки гуннов и аваров известны лишь весьма отрывочно, мы можем утверждать, что по своему фонологическому облику они были похожи на язык древнетюркских надписей VII–VIII вв. (надписей долины Орхона). Действительно, в этом языке имелось два знака для каждого согласного – один при переднерядном, другой при заднерядном окружении. Это деление касалось и глайда *j* (передаваемого в тюркском как *y*). Ос-

новываясь на этом замечательном факте, а также на сложных для интерпретации принципах обозначения гласных (в орхонских надписях), Галтон соглашается с алтаистом К.Г. Менгесом, предположившим, что разные знаки для согласных могли начиная с VII–VIII вв. играть роль *matres lectionis*, или ключей, и были созданы для того, чтобы помогать читающему правильно интерпретировать текст (у Якобсона эта гипотеза не обсуждается). Однако именно гласные передавали основную оппозицию "передний" vs. "задний", определяющую важнейший структурный принцип алтайских языков – гармонию гласных, принцип, позволяющий прочно спаять основу и (как правило) многочисленные суффиксы – ведь алтайские языки агглютинативны – в единое слово. Тем не менее славяне так и не переняли этот принцип: в том, что касается структуры их языка, они остались верны своим ИЕ корням. Но они могли вполне отчетливо слышать лабиовеляризованное vs. палатализованное – на аллофоническом (субфонемном) уровне – произношение согласных в дославянской речи своих (гуннских или аварских) хозяев, в сильной степени детерминированное влиянием задних vs. передних гласных. В настоящее время можно считать хорошо исторически установленным, что гунны и авары, в отличие от германских и иранских народов, имели обыкновение посылать своих покоренных "союзников" вперед на поле боя, предварительно обеспечив их надлежащей военной выучкой и снаряжением (а также, как сообщает франкская "Фредегарова хроника", дурно обращаться с их женщинами). По этой и другим причинам они должны были уметь объясняться на языке своих рабов. Принимаемое Галтоном отождествление этнонима "славяне" со словом для "раба" (*slave*) – словом, обычно выводимым из алтайского и якобы применявшимся первоначально к отрядам, охранявшим границы империи аваров (как полагают, славяне насильственно вербовались на военную службу именно в этом качестве), – следует признать умозрительным, поскольку этимология славянского названия славян (**словѣне**) по сей день остается спорной и загадочной.

Дальнейшие доводы Галтона сводятся к предположению, что алтайские повелители перенесли свои произносительные привычки на нарождающийся балто-славянский (точнее, на его южную, славянскую ветвь), который они выучивали, а следовательно, и говорили на нем; это относится в том числе к палатализации, которая осознавалась на аллофоническом уровне в отношении велярных с их легко модифицируемой артикуляцией (местом образования) и вариативностью акустических формант. Это произношение слышали славяне, у которых оно постепенно вошло в моду, что неудивительно, если учесть высокий социальный статус их господ. В то же время славяне, будучи по происхождению индоевропейцами, были неспособны перенять дополнительные движения языка, позволяющие произносить палатализованно любые согласные; так, вставка эпентетического *l'* после губных (и перед *j*) была следствием как их произносительных привычек, так и ограничений. Только велярные они смогли сдвинуть в палатальную и палато-альвеолярную область полости рта: прогрессивная (бодуэновская) палатализация даже происходила в собственно-алтайском направлении – слева направо (в смысле графического представления структуры слога). Как было указано выше, на мой взгляд, не обязательно (хотя в принципе возможно) объяснять другие, регрессивные палатализации велярных перед передними гласными алтайским влиянием, поскольку подобные явления хорошо засвидетельствованы также во множестве других языков, которые – за исключением тохарского (в конечном счете поглощенного соседними тюркскими народами) и самого славянского – не имели никаких контактов с алтайским. Аналогичные соображения применимы и к устранению всех до единой консонантных групп с конечным *j*, и к монофтонгизации дифтонгов – оба эти звуковых изменения известны и в других языках, – даже несмотря на то, что алтайский действительно не допускает подобных звукосочетаний. В конечном итоге гласные в праславянском должны были перегруппироваться в два противопоставленных друг другу ряда – задних и передних: совершенно неиндоевропейский принцип (в ИЕ языках преобладает "классический" вокалический треугольник с *i* и *u* в качестве переднего и заднего верхних гласных, *e* и *o* в качестве средних и *a* в качестве

нижнего), в то время как для алтайских языков противопоставление передних и задних гласных, охватывающее всю вокалическую систему, типично (в ПИЕ гласный нижнего подъема *a* изначально был нейтральным по отношению к оппозиции передних и задних гласных, и лишь в общеславянском это *a* как функционально задний гласный оказалось противопоставлено переднему *ä*, то есть ятю). Кроме того, Галтон правильно подчеркивает, что слоговой сингармонизм в его якобсоновском понимании в любом случае имел очень ограниченную сферу действия, поскольку он не распространялся на всю группу согласных, начинавшую слог (этих согласных в общеславянском могло быть от одного до четырех – явное отличие от алтайского, где в начальнослоговой позиции допускается только один согласный), тогда как конец слога имел тенденцию к открытости (или, по Н. ван Вейку, к возрастанию сонорности), а также к свободной реализации унаследованных от ИЕ тональных различий (интонаций), совершенно неизвестных алтайскому ("евразийскому") с его монотонией.

Согласно Галтону, двухвариантное склонение в общеславянском (и его потомках) – совершенно не-ИЕ черта, поскольку большинство типов склонения различает два ряда окончаний в зависимости от конечного согласного основы – твердого vs. мягкого (или нейтрального vs. палатального). На это, однако, можно возразить, что ПИЕ, в свою очередь, различал, например, *o*- и *i̯o*-основы, *a*- и *i̯a*-основы и т.д., так что славянское твердое и мягкое склонение, вообще говоря, может рассматриваться как отражение этого состояния. В общеславянском имелось множество палатальных согласных, но еще не было фонологической корреляции по палатализации. Появление этой корреляции относится к истории отдельных славянских языков или к некоторой славянской области, и везде оно происходило за счет противопоставленных друг другу рядов передних и задних гласных фонем. Так, справедливо отмечает Галтон, обстоит дело в русском и, в меньшей степени, в польском. Чешский и словацкий устранили эту корреляцию – возможно, вследствие их "европеизации". В южнославянском, конечно же, никогда не было фонологической корреляции по палатализации, имевшей столь широкий охват, как в севернославянском. А османский тюркский (т.е. турецкий), на протяжении веков выступавший в роли суперстрата по отношению ко многим, – хотя и не всем – южнославянским языкам, вообще никогда не развил эту корреляцию, но в значительной степени сохранил ее на уровне аллофонов согласных. Такова, собственно говоря, суть рассуждений Галтона, в целом тщательно аргументированных. В тех местах, где необходимо, я попытался внести соответствующие поправки.

4. В заключение мы можем сделать некоторые общие выводы относительно славянского, тохарского и алтайского – в терминах как типологического, так и сравнительно-исторического, а также, – в том, что касается типологии, – ареально-типологического языкознания. В некоторых более ранних работах (в первую очередь [Birnbaum 1975a; 1975b; 1983]; но см. теперь также [Birnbaum 1999b]) я утверждал, опираясь на такие авторитеты, как Л. Ельмслев и Э. Бенвенист, что в том, что касается классификации языков, типология имеет преимущество перед генеалогией, потому что любая группа генетически связанных языков ("семья") одновременно представляет собой типологически определимую языковую группу ("тип"), тогда как обратное не обязательно верно: очевидным образом, далеко не всякий языковой тип может рассматриваться также и как языковая семья. Правда, вопрос о том, какие специфические критерии – фонологические, морфосинтаксические, лексические – и в каком количестве необходимы для постулирования языкового типа, остается спорным. Моя собственная точка зрения (как я уже говорил ранее) состоит в том, что первостепенное значение имеет морфосинтаксический компонент (т.е. собственно грамматический строй) языка – в особенности глубинные значимые элементы, выступающие на поверхностном уровне в виде морфем, и их сочетания в границах отдельного слова, равно как и – вне этих границ – их отражение в поверхностно-синтаксических структурах, – обеспечивающий главнейшие типологические критерии, тогда как звуковой строй и лексика как таковая играют в этом плане самое большее вспомогательную роль. Тем не менее,

как было отмечено, точное число типологических критериев (если, конечно, это число вообще может быть установлено), необходимое для определения отдельного языкового типа, остается предметом дискуссий Напротив, генетическая связь между языками устанавливается в первую очередь на фонологическом уровне, т е в терминах соответствий звуков (тождественных или изменившихся с течением времени), и, в меньшей степени, на лексическом уровне – путем выявления в родственных языках лексем или этимонов общего происхождения (нечего и говорить, что речь идет только об исконных единицах, а заимствования не рассматриваются) Совпадения или сходства в области морфологии и синтаксиса при этом играют второстепенную (хотя не всегда совершенно незначительную) роль Разумеется, фундаментальный – и не вполне новый – принцип, утверждающий приоритет типологии перед генеалогией в сфере классификации языков, ни в коем случае не означает, что в случае с языковой группой вроде славянской мы не можем обсуждать отдельно генетические связи входящих в нее языков, а отдельно – типологические сходства между ними, поскольку мы учитываем, что вторые всегда так или иначе обусловлены первыми

Здесь необходимо подчеркнуть еще один момент (я уже сделал это в [Birnbaum 1975c], см особ с 269 со ссылкой на Р Х Робинса), а именно, что "чисто ареальное объединение языков, если оно не является также типологическим, не имеет лингвистической значимости" Соответственно, ареалы подлинной лингвистической конвергенции (или Sprachbunde), сочетающие типологические критерии с четко определенными ареальными характеристиками, составляют подлинные языковые группы, как показывает, в частности, пример балканского Sprachbund (но не плохо определенного якобсоновского, так называемого "евразийского", Sprachbund, целиком основанного на – всего-навсего двух – фонологических характеристиках) Иначе говоря, сам по себе факт присутствия нескольких языков в некоторой географической (геополитической, территориально-культурной) области, в том случае, если эти языки не обнаруживают достаточного количества общих типологических черт, лингвистически не значим Каким образом эти соображения приложимы к трем языковым группам – славянской, тохарской и алтайской, – рассмотренным в настоящем эссе?

Славянский, в особенности общеславянский (и засвидетельствованный в памятниках раннеславянский), равно как и тохарский (в обеих его разновидностях, известных начиная со второй половины первого тыс н э), будучи ИЕ языками – и, добавим, представляя древний ИЕ, – естественно, входят в один генетический класс, а именно, ИЕ семью языков Тем самым они являются также частью особого языкового типа – даже несмотря на то, что их некогда единая фонологическая и морфосинтаксическая структура подверглась существенным изменениям, по крайней мере в некоторых областях их звукового строя и грамматики, хотя и сохранила изначальные черты в других При этом славянские языки являются в целом гораздо менее архаичной языковой семьей в рамках ИЕ, чем их ближайшие родственники, балтийские языки, ведь многие литовские (и древнепрусские) формы могут быть напрямую выведены из ПИЕ, если не непосредственно отождествлены с ними

Что же касается соотношения славянского с алтайским, возможные сходства между ними, по большей части в сфере фонологии, недостаточно показательны (и многочисленны) для вывода о принадлежности двух этих групп языков к одному языковому типу И, учитывая то, что было только что сказано об ареальных группировках, не имеющих существенных общих типологических характеристик, тот факт, что ранние славяне и некоторые алтайские племена могли в определенный момент не просто быть соседями, но и, вполне вероятно, симбиотически занимать один и тот же ареал (или ареалы) обитания, – если, конечно, мы вообще можем говорить о четко определенных ареалах обитания применительно к странствующим по степи кочевникам, – недостаточен для трактовки этих генетически не связанных языков как части единого (ареального) типа, несмотря на мое убеждение в возможном влиянии алтайского на формирование славянского, убеждение, существенно отличное от того, что я думал еще несколько лет назад

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бернштейн 1958 – *С Б Бернштейн* Балто-славянская языковая сообщность // Славянская филология I М , 1958

Бернштейн 1961 – *С Б Бернштейн* Очерк сравнительной грамматики славянских языков М , 1961

Бирнбаум 1997 – *Х Бирнбаум* Еще раз о завоевании Северо-Восточной Европы славянами и о вопросе финно-угорского субстрата в русском языке // Балто-славянские исследования 1988–1996 Сборник научных трудов / Т М Судник, Е А Хелимский (изд) М , 1997

Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Т В Гамкрелидзе Вяч Вс Иванов* Индоевропейский язык и индоевропейцы Тбилиси, 1984

Георгиев 1958 – *В Георгиев* Балто-славянский и тохарский язык // ВЯ 1958 № 3

Зализняк 1962 – *А А Зализняк* Проблемы славяно-иранских отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания 1962 № 6

Иванов 1958 – *Вяч Вс Иванов* Тохарская параллель к славянским уменьшительным формам // Славянская филология Сборник статей / В В Виноградов и др (изд) М , 1958

Иванов 1959 – *Вяч Вс Иванов* (изд) Тохарские языки Сборник статей М , 1959

Иванов, Топоров 1961 – *Вяч Вс Иванов, В Н Топоров* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // Исследования по славянскому языкознанию / Н И Толстой (изд) М , 1961

Мартынов 1963 – *В В Мартынов* Славяно-германские лексические взаимодействия древнейшей поры К проблеме прародины славян Минск, 1963

Порциг 1964 – *В Порциг* Членение индоевропейской языковой общности М , 1964

Трубачев 1967 – *О Н Трубачев* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965 М , 1967

Трубачев 1968а – *О Н Трубачев* Из опыта исследования гидронимов Украины // Baltistica 1968 № 4

Трубачев 1968б – *О Н Трубачев* Названия рек Правобережной Украины Словообразование Этимология Этническая интерпретация М , 1968

Трубачев 1977 – *О Н Трубачев* Лингвистическая периферия древнейшего славянства Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ 1977 № 6

Трубачев 1979 – *О Н Трубачев* 'Старая Скифия 'Αρχαιν Σκυφιη Геродота (IV, 99) и славяне Лингвистический аспект // ВЯ 1979 № 4

Фасмер 1964–1973 – *М Фасмер* Этимологическии словарь русского языка Перевод с немецкого и дополнения О Н Трубачева 1–4 М , 1964–1973

Якобсон 1971 – *Р Якобсон* К характеристике евразийского языкового союза // R Jakobson Selected writings I Phonological studies The Hague, 1971

Anttila 1989 – *R Anttila* Historical and comparative linguistics 2-nd ed Amsterdam, Philadelphia, 1989

Arumaa 1985 – *P Arumaa* Urslavische Grammatik Bd III Formenlehre Heidelberg, 1985

Beekes 1995 – *R S P Beekes* Comparative Indo-European linguistics Amsterdam, Philadelphia, 1995

Birnbaum 1970 – *H Birnbaum* Four approaches to Balto-Slavic // Donum Balticum Festschrift C S Stang Stockholm, 1970

Birnbaum 1975a – *H Birnbaum* Typology, genealogy, and linguistic universals // Linguistics 144 1975

Birnbaum 1975b – *H Birnbaum* Genetische, typologische und universale Linguistik Einige uberlegungen uber ihr hierarchisches Verhaltnis // Folia Linguistica 7 1975

Birnbaum 1975c – *H Birnbaum* Typological, genetic, and areal linguistics An assessment of the state of the art in the 1970s // Foundations of language 13 1975

Birnbaum 1979 – *H Birnbaum* Common Slavic Progress and problems in its reconstruction Columbus (Ohio), 1979

Birnbaum 1983 – *H Birnbaum* Language families, linguistic types, and the position of the Rusin microlanguage within Slavic // Die Welt der Slaven 28 1983

Birnbaum 1993 – *H Birnbaum* Nikolai Sergeevich Trubetzkoy The legacy of Genghis Khan and other essays on Russia s identity // Die Welt der Slaven 38 1993

Birnbaum 1998a – *H Birnbaum* The issue of Balto-Slavic revisited // Политропон К 70-летию Владимира Николаевича Топорова М , 1998

Birnbaum 1998b – *H Birnbaum* Common Slavic in time and space // Scando-Slavica 44 1998

Birnbaum 1999a – *H Birnbaum* Noch einmal zur Dehnstufe im Baltischen und Slavischen und zum sogenannten Winterschen Gesetz // Florilegium Linguisticum Festschrift for Wolfgang P Schmid zum 70 Geburtstag / E Eggers et al (eds) Frankfurt-am-Main, 1999

Birnbaum 1999b – *H Birnbaum* On the relationship of typology and genealogy in language classification Some theoretical considerations and applications to Indo-European // Language change and typological variation / In honor of Winfred P Lehmann on the occasion of his 83 rd burthday / C F Justus and E C Polomé (eds) Austin (Texas), 1999

Birnbaum, Schaeken 1997 – *H Birnbaum, J Schaeken* Das altkirchenslavische Wort Bildung – Bedeutung – Herleitung Munchen, 1997

Blažek 1995 – *V Blažek* Slavic-Tocharian isoglosses // Linguistica Baltica 4. Kraków, 1995

Damborsky 1967 – *J Damborsky* Particípium l-ové ve slovanštine Warszawa, 1967

Galton 1997 – *H Galton* Der Einfluß des Altaischen auf die Entstehung des Slavischen Wiesbaden, 1997

Hilmarsson 1996 – *J Hilmarsson* Materials for a Tocharian historical and etymological dictionary Reykjavik, 1996

Jakobson, Waugh 1979 – *R Jakobson, L R Waugh* The sound shape of language. Bloomington, London, 1979

Kiparsky 1934 – *V Kiparsky* Die gemeinslavischen Lehnworter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934

Kiparsky 1975 – *V Kiparsky* Russische historische Grammatik Bd III Entwicklung des Wortschatzes Heidelberg, 1975

Krause 1952 – *W Krause* Westtocharische Grammatik Bd I Das Verbum Heidelberg, 1952

Krause 1954 – *W Krause* Das Numerussystem des Tocharischen Gottingen, 1954

Krause, Thomas 1960–1964 – *W Krause, W Thomas* Tocharisches Elementarbuch. Bd I Grammatik (von W Krause und W Thomas), Bd II (von W Thomas and W Krause) Texte und Glossar Heidelberg, 1960–1964

Lane 1966 – *G S Lane* On the interrelationship of the Tocharian dialects // Ancient Indo-European dialects / H Birnbaum and J Puhvel (eds) Berkeley, Los Angeles, 1966

Lehr-Spławinski 1957–1958 – *T Lehr-Spławiński* Zur Frage nach der Stellung des Slavischen und des Tocharischen innerhalb der indoeuropaischen Sprachenwelt // Wiener Slavistisches Jahrbuch 6 1957–1958

Mallory 1989 – *J P Mallory* In search of the Indo-Europeans Language, archaeology and myth London, 1989

Meillet 1908 – *A Meillet* Les dialectes indo-européens Paris, 1908

Milewski 1993 – *T Milewski* Dyferencjacja jezyków indoeuropejskich // Teoria, typologia i historia jezyka Krakow, 1993

Pedersen 1941 – *H Pedersen* Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropaischen Sprachvergleichung København, 1941

Pedersen 1944 – *H Pedersen* Zur tocharischen Sprachgeschichte København 1944

Pinault 1989 – *G -J Pinault* Introduction au tokharien // Lalies Actes des sessions de linguistique et de littérature 7 1989

Pohl 1988 – *W Pohl* Die Awaren Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n Chr Munchen, 1988

Polák 1969 – *V Polák* Die Entstehung des Urslavischen im Lichte der neueren Forschung // Das heidnische und christliche Slaventum Wiesbaden, 1969

Reinhart 1992 – *J Reinhart* Die Geschichte des slawischen sigmatischen Aorists // Rekonstruktion und relative Chronologie / R Beekes et al Innsbruck, 1992

Ringe 1996 – *D A Ringe, Jr* On the chronology of sound changes in Tocharian V 1 From Proto-Indo-European to Proto-Tocharian New Haven, 1996

Sadnik, Aitzetmuller 1955 – *L Sadnik, R Aitzetmuller* Handworterbuch zu den altkirchenslavischen Texten Heidelberg, s-Gravenhage, 1955

Schmidt 1992 – *K T Schmidt* Archaismen des Tocharischen und ihre Bedeutung fur Fragen der Rekonstruktion und der Ausgliederung // Rekonstruktion und relative Chronologie / R Beekes et al (Hrsg) Innsbruck, 1992

Schulze 1933 – *W Schulze* Kleine Schriften Gottingen, 1933 IV Abteilum-Tocharisches

Sieg, Siegling 1908 – *E Sieg, W Siegling* Tocharisch, die Sprache der Indo-Skythen Vorlaufige Bemerkungen uber eine bisher unbekannte indogermanische Literatursprache // Sitzungsberichte der Koniglichen Preussischen Akademie der Wissenschaften Berlin, 1908

Sieg, Siegling 1921 – *E Sieg, W Siegling* Tocharische Sprachreste Tl I Berlin, Leipzig, 1921

Sieg, Siegling 1949–1953 – *E Sieg, W Siegling* Tocharische Sprachreste Sprache B Tl I. Die Texte Gottingen, 1949–1953 (новое издание 1983)

Sieg, Siegling, Schulze 1931 – *E Sieg, W Siegling, W Schulze* Tocharische Grammatik Gottingen, 1931
Sławski 1974 – *F Sławski* Słownik prasłowiański T I A–B Wrocław, 1974
Stang 1939 – *C S Stang* Einige Bemerkungen uber das Verhaltnis zwischen den slavischen und baltischen Sprachen // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap 11 1939
Stang 1942 – *C S Stang* Das slavische und baltische Verbum Oslo, 1942
Stang 1963 – *C S Stang* Uber das Verhaltnis zwischen den slavischen und baltischen Sprachen // Prace językoznawcze 5 1963 [= C S Stang Opuscula linguistica Oslo, 1970]
Stang 1966 – *C S Stang* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen Oslo, Bergen, Tromso, 1966
Stang 1972 – *C S Stang* Lexikalische Sonderubereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen Oslo, Bergen, Tromso, 1972
Szemerényi 1990 – *O Szemerényi* Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft Darmstadt, 1990
Thomas 1952 – *W Thomas* Die tocharischen Verbaladjektive auf *-l* Eine syntaktische Untersuchung Berlin, 1952
Thomas 1985 – *W Thomas* Die Erforschung des Tocharischen (1960–1984) Stuttgart, 1985
Udolph 1982 – *J Udolph* Zu slavischen Namen des Lachses // Die Welt der Slaven 27 1982
Vaillant 1950–1966 – *A Vaillant* Grammaire comparée des langues slaves, I, III Paris, 1950–1966
Vaillant 1957 – *A Vaillant* L'unité linguistique balto-slave // Filologija (Zagreb) 1 1957
Vasmer 1923 – *M Vasmer* Untersuchungen uber die altesten Wohnsitze der Slaven, I Die Iranier in Sudrussland Leipzig, 1923
Vasmer 1924 – *M Vasmer* Iranisches aus Sudrussland // Streitberg-Festgabe Leipzig, 1924
Vondrák 1924 – *W Vondrák* Vergleichende slavische Grammatik Bd I Lautlehre und Stammbildungslehre Gottingen, 1924
Watkins 1969 – *C Watkins* Geschichte der indogermanischen Verbalflexion (Indogermanische Grammatik) / Hrsg von J Kuryłowicz Bd III Formenlehre, Erster Teil Heidelberg, 1969
Windekens 1976–1982 – *A J van Windekens* Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes, I La phonétique et le vocabulaire Louvain, 1976, II/1 La morphologie nominale Louvain, 1982, II/2 La morphologie verbale Louvain, 1982
Windekens 1989 – *A J van Windekens* Notes d'etymologie et de phonetique tokhariennes // Tocharian and Indo-European Studies 3 1989
Winter 1992 – *W Winter* Tocharian // Indo-European numerals / Ed by J Gvozdanovič Berlin, New York, 1992.
Winter 1997 – *W Winter* Lexical archaisms in the Tocharian languages // Historical, Indo European and lexicographic studies A Festschrift for Ladislav Zgusta / Ed by H H Hock Berlin, New York, 1997

Перевели с английского *С А Бурлак* и *И Б Иткин*

© 2003 г. Вяч.Вс. ИВАНОВ, С.А. БУРЛАК, И.Б. ИТКИН

ПРИМЕЧАНИЯ

1 С точки зрения сторонников принятия идеи родства ностратических языков славянский как один из индоевропейских языков принадлежит к отдаленным потомкам ностратического праязыка, к которому восходят и алтайские языки Бирнбаум интересовался ностратической гипотезой и не отвергал ее заранее Но здесь он говорит об отсутствии прямого родства славянского и алтайского (а не косвенного – через очень далеко отстоящий во времени праностратический язык, к которому возводится праиндоевропейский, один из диалектов которого в конечном счете развился в праславянский, как в свою очередь праалтайский дает продолжение в праязыках его ветвей, к которым восходят отдельные алтайские языки) Согласно ностратической теории алтайская семья (в которую специалисты обычно включают теперь корейский и японский) входит вместе с уральским в единую ностратическую семью, внутри которой отмечаются специфические урало-алтайские изоглоссы В духе ностратических построений Иллича-Свитыча алтайский и уральский (финно-

угро-самодийский) относятся к восточно-ностратическим языкам в отличие от западно-ностратического индоевропейского. Однако Б. Чоп [Čop 1979] указал на целый ряд явлений, на основании которых он строил систему индоевропейско-уральских соответствий. Гринберг предполагал родство нескольких семей языков внутри евразийской макросемьи, куда кроме ностратических языков, как индоевропейский, уральский, алтайский, входят также на правах ближайших родственников индоевропейского другие языковые семьи Северо-Востока Азии (чукотско-камчатская, эскимосско-алеутская) и такие обособленно стоявшие языки Дальнего Востока, как нивхский и айнский [Greenberg 2000].

2. Родственный элемент **-m-* некоторые ученые находят в тохарских местоименных энклитиках и хеттских местоимениях, в связи с чем предполагается глубокая древность этого явления, иногда возводимого к состоянию, общему у праиндоевропейского с другими ностратическими, или евразийскими, языками: [Čop 1979: 11–14; Greenberg 2000: 139–144; Иванов 2002: 13–14].

3. Не совсем ясно, какие именно славянские примеры имеет в виду автор. Наиболее бесспорные случаи развития и.-е. **K'* > слав. **K* – такие, как *гусь*, *свекор*, *звезда* (праслав. **gvězda*), – как кажется, объясняются законом диссимиляции спирантов Мейе. В то же время в балтийских языках имеется ряд аналогичных примеров, не имеющих общепринятого объяснения: лит. *smãkras*, лтш. *smakrs* "подбородок" при др.-инд. *śmáśru-* "борода", лит. *klausýti*, лтш. *klàusît* "слушать" при рус. *слушать*, лит. *akmuõ*, род. п. *akmeñs* "камень" при др.-инд. *áśman-* тж., ср. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 112].

4. В лувийском индоевропейские палатальные развились в аффрикаты и далее в спиранты (как показали Морпурго-Дэвис и Хокинз в 1986 г. и почти одновременно с ними Мелчерт в 1987 г.), но, в отличие от других языков satəm, лабиовелярные противопоставляются велярным ([Иванов 2001a: 236; Ivanov 1998]; там же см. о палатализации велярных, ниже упоминаемой Бирнбаумом в качестве одного из процессов, которые могут объясняться и параллельным развитием).

5. О проблеме германо-славянских изоглосс в связи с книгой [Stang 1972] см. в последнее время [Бурлак, Мельников, Циммерлинг 2002: 113–126].

6. О лингвистических аспектах славяно-иранского взаимодействия см. статьи Вяч.Вс. Иванова "Славяно-арийские (= индоиранские) лексические контакты" и Д.И. Эдельман "К происхождению иранско-славянских диахронических параллелей" в недавнем сборнике [СЯЭС 2002]. Обе работы содержат обширную библиографию.

7. Для караванных пропусков на тохарском B установлена точная дата – 641–644 гг. н.э.; многие другие тексты могли быть написаны (или, особенно в случае тохарского A, – переписаны с более ранних оригиналов) примерно в это же время: [Pinault 1987: 84–85].

8. Важнейшее значение для исследования тохарского текста "Maitreyasamiti", как и для всей тохаристики в целом, имеет осуществленная Цзи Сянь-линем при участии В. Винтера и Ж.-Ж. Пино публикация обнаруженной в 1974 г. рукописи из Яньци (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) [Ji, Winter, Pinault 1998]; издание снабжено переводом на английский язык и подробным комментарием. См. также статью [Pinault 1999], содержащую полный перечень текстуальных параллелей, выявленных между тохарской и тюркской версиями "Maitreyasamiti".

9. Необходимо отметить выход в 1999 г. "Словаря тохарского B языка" [Adams 1999]. Это издание, готовившееся Д.К. Адамсом на протяжении многих лет, знаменует собой значительный шаг вперед в области лексикологии, текстологии и этимологии не только западно-, но и восточнотохарского языка.

10. Диаграммы Порцига основаны на работах по индоевропейской диалектологии Мейе, Кернса – Шварца и Бонфанте.

11. Ср. [Литвинский 1992: 6–7]. К выводу о раннем отделении тохарского (после анатолийского, но раньше других индоевропейских) приходят авторы новых работ,

применяющих для математической обработки данных индоевропейской диалектологии методы компьютерной кладистики: [Ringe, Warnow, Taylor 2002].

12. Точка зрения Х. Бирнбаума на хронологию истории тохар и носителей других индоевропейских языков представляется спорной. В работе [Бурлак 2000b] на основании глоттохронологических подсчетов обособление пратохарского языка предлагается датировать временем между серединой VII и концом V тыс. до н.э. Такая дата подтверждает типотезу о более раннем, по сравнению с прочими, отделении пратохарского (как и праанатолийского) от праиндоевропейского.

13. Особого внимания заслуживает несомненный параллелизм (вплоть до возможного тождества локативного префикса) между тох. AB *yneś* (тох. A форма заимствована из тох. B) «явно, открыто (букв. "на глазах")» и ст.-слав. **воочию** "лично, своими глазами" [Бурлак 2000a: 253].

14. Шульце отмечает уникальный характер данного образования, отличного от других семантических типов индоевропейских словосложений, и видит в этом слове след доисторических миграций тохар, см. об этом также [Lewy 1961: 84; Литвинский 1992: 12; Абаев 1958: 304]. Однако сопоставление тохарского A *akmal* с упоминаемым Х. Бирнбаумом славянским названием челюсти, а также с построенным точно таким же образом словосложением со значением "рот" в осетинском заставляет отнестись к этому утверждению с осторожностью.

15. В тох. A слово со значением "плуг" (по всей вероятности, заимствованное из тох. B) встречается только в форме мн. ч. и засвидетельствовано не вполне надежно.

16. Тох. B глагол *eṅk-* имеет значение "брать" и не вполне ясным образом соответствует тох. A *ents-* тж.

17. Тох. A *kam* надежно засвидетельствовано только в форме мн. ч.

18. Тох. B *karyor* "торговля" представляет собой производное от глагола *käry-* "покупать" и имеет точную параллель в тох. A *kuryar* тж.

19. Точнее, *kerccī* (plurale tantum).

20. И тох. B *klyaus-* тж.

21. И тох. B *ku* тж.

22. Значение тох. A слова, засвидетельствованного только один раз (в форме инструменталиса ед. ч. *kulmäṃtsyo*), устанавливается не вполне надежно.

23. В названии "имени", общем для индоевропейского, уральского, сино-тибетского видят либо след их очень отдаленного родства, либо результат распространения древнего культурного (мифологического) термина: [Kojvulehto 1999: 356; Иванов 2001б].

24. Согласно точке зрения, обоснованной Х. Стангом [Stang 1970], славянские абстрактные существительные с пространственным значением типа др.-рус. *подъ* содержат общий с древнепрусским суффикс **-d-*; в этом случае сравнение с отраженным в тохарском слове индоевропейским названием ноги невозможно.

25. В славянском, тохарском и хеттском глагол сохранил значение "сохранять заповедь, быть верным словам", которое неизвестно в других диалектах.

26. И тох. B *tuwe*.

27. В тох. A нет глагола *wäl-* "править", но, по-видимому, имеется глагол *wlāw-*, соответствующий тох. B *wlāw-* "держать себя в руках". Возможно, AB *wlāw-* действительно связано с тох. A *wäl*, B *walo* "царь".

28. Последнее из четырех новых славяно-тохарских сближений, предложенных В. Блажеком, представляется несомненно ошибочным. Тох. B *kärkkālle* "грязь" (или "болото, топь"?) и его тох. A соответствие *kärtkāl* – не композит, а субстантивированная форма герундива II от глагола B *kärtk-* "пачкаться (?); испражняться (??)" [Adams 1999: 163]; таким образом, *-l-* в этих словах является не частью корня, а герундивным суффиксом.

Остальные три этимологии, приведенные в работе [Blažek 1995], также кажутся нам в той или иной степени спорными. В то же время В. Блажеку принадлежит це-

лый ряд других тохарских этимологий, многие из которых представляют значительный интерес

29 Предположение о более широкой группе индоевропейских диалектов, характеризовавшейся употреблением *-*l*-, отстаивал ряд лингвистов, в частности, в своих последних работах Розенкранц, для сравнения со славянским особенно примечательны лидийские формы прошедшего времени, образованные с этим суффиксом, см [Rosenkranz 1978 133]

30 В качестве альтернативы ряд лингвистов предполагает сближение с диалектной индоевропейской (греко-индо-иранской) формой инфинитива на *-*dhy*- Выбор одного из этих объяснений зависит и от деталей понимания тохарских процессов палатализации смычных

31 В связи с фигурирующим в самом заглавии соположением трех языковых групп можно заметить, что вопрос о лексических и возможных других свидетельствах контактов алтайских (тюркских и монгольских) языков с тохарским интенсивно изучался, но в большинстве случаев предполагается влияние тохарского на тюркский и монгольский [Владимирцов 1925, Róna-Tas 1974, Литвинский 1992 21, 28–29].

32 В лингвистической и этнологической литературе термин татары" закрепился за целым рядом тюркских народностей, см об истории и употреблении этого слова [Тенишев 1997 357, 532]

33 Предполагается, что авары были ираноязычной группой, лишь позднее тюркизованной

34 О вероятном приурочении гуннов и (возможно, отличных от них) хун-ну см [Pulleyblank 1962] (гипотеза об их принадлежности к носителям енисейских языков, остающаяся дискуссионной), [Тенишев 1997 52–54]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 1958 – *В И Абаев* Историко этимологический словарь осетинского языка Т 1 М , 1958

Бурлак 2000a – *С А Бурлак* Историческая фонетика тохарских языков М , 2000

Бурлак 2000b – *С А Бурлак* История тохарских языков в свете данных глоттохронологии // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия Доклады и тезисы международной конференции М , 2000

Бурлак, Мельников, Циммерлинг 2002 – *С А Бурлак, А С Мельников А В Циммерлинг* Параллели между славянскими и германскими языками индоевропеиское наследие и типологическое сходство // СЯЭС 2002

Владимирцов 1925 – *Б Я Владимирцов* Mongolica I Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук Л , I, 1925

Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Т В Гамкрелидзе Вяч Вс Иванов* Индоевропейский язык и индоевропейцы Реконструкция и историко типологический анализ праязыка и протокультуры Тбилиси 1984

Иванов 2001a – *Вяч Вс Иванов* Хеттский язык 2 изд , исправленное и дополненное М , 2001

Иванов 2001b – *Вяч Вс Иванов* Языковые следы мифологии имени // Имя внутренняя структура, семантическая аура, контекст Ч 1 М , 2001

Иванов 2002 – *Вяч Вс Иванов* Лингвистика третьего тысячелетия вопросы к будущему // Берестнев Г И (ред) Языкознание взгляд в будущее Калиниград, 2002

Литвинский 1992 – *Б А Литвинский* (ред) Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье Этнос, языки, религии М , 1992

СЯЭС 2002 – Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением М , 2002

Тенишев 1997 – *Э Р Тенишев* (ред) Языки мира Тюркские языки М , 1997

Adams 1999 – *D Q Adams* A dictionary of Tocharian B Amsterdam, Atlanta 1999

Blažek 1995 – *V Blažek* Slavic-Tocharian isoglosses // Linguistica Baltica 4 (= Kuryłowicz Memorial Volume, pt 2) Krakow, 1995

Čop 1979 – *B Čop* Indogermanisch-Anatolisch und Uralisch // Hethitisch und Indogermanisch / Ed by E Neu und W Meid (Innsbrucker Beitrage zur Sprachwissenschaft) Innsbruck, 1979
Greenberg 2000 – *J H Greenberg* Indo-European and its closest relatives The Eurasian language family V I Grammar Stanford, 2000
Ivanov 1998 – *V Vs Ivanov* Palatalization and labiovelars in Luwian // Proceedings of the Tenth Annual UCLA Indo-European Conference Los Angeles, May 21–23, 1998 Washington, 1999
Ji, Winter, Pinault 1998 – *Ji Xianlin* (in collaboration with W Winter and G -J Pinault) Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nātaka of the Xingjiang Museum, China Berlin, New York, 1998
Kojvulehto 1999 – *J Kojvulehto* Verba Mutuata // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 237 Helsinki, 1999
Krause 1960 – *W Krause* Handeln und Leiden im Spiegel der Sprache // Forschungen und Fortschritte Jg 34 Hf 5 1960
Lewy 1961 – *E Lewy* Kleine Schriften Berlin, 1961
Pinault 1987 – *G -J Pinault* Épigraphie koutchéenne // C Huashan, S Gaulier, M Maillard, G Pinault Sites divers de la région de Koutcha Mission P Pelliot Documents archeologiques VIII Paris, 1987
Pinault 1999 – *G -J Pinault* Restitution du Maitreyasamiti-Nātaka en tokharien A Bilan provisoire et recherches complémentaires sur l acte XXVI // Tocharian and Indo-European Studies V 8 Copenhagen, 1999
Pulleyblank 1962 – *E Pulleyblank* The consonantal system of Old Chinese Pt II // Asia Maior V 9 Pt 2 1962
Ringe, Warnow, Taylor 2002 – *D Ringe, T Warnow, A Taylor* Indo-European and computational cladistics // Transactions of the Philological Society V 100 № 1 London, 2002
Róna-Tas 1974 – *A Róna-Tas* Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen // Sprache, Geschichte und Kultur des Alten Orients 5 Protokolband der XII Tagung der Permanent International Altaistic Conference 1969 / Hrsg von G Hazai, E Zieme Berlin, 1974
Rosenkranz 1978 – *B Rosenkranz* Vergleichende Untersuchungen der altanatolischen Sprachen The Hague, 1978
Stang 1970 – *Chr Stang* Eine preussisch-slawische (oder baltisch-slawische?) Sonderbildung // Stang Chr Opuscula linguistica 1970
Stang 1972 – *Chr Stang* Lexikalische Sondereubereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen Oslo, Bergen, Tromsø, 1972

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2003

© 2003 г. В. ФИРЕК

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ЕВРОПЫ И ЕГО ВКЛАД В ЕВРОПЕЙСКУЮ ИСТОРИЮ КУЛЬТУРЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ ПРОЕКТА *ATLAS LINGUARUM EUROPAE*

1. Европа и *Лингвистический атлас Европы*: некоторые основные сведения. Лингвистический атлас Европы (*Atlas Linguarum Europae*) существует уже три десятилетия. Не так давно было опубликовано новое введение [Alinei,Viereck 1997], а также пятый том комментариев и карт [Alinei, Viereck 1997]. Вышел сигнальный экземпляр шестого тома, а в нынешнем, 2003 году, завершена подготовка рукописи седьмого тома.

Лингвистический атлас Европы (ЛАЕ) можно назвать лингвистическим атласом четвертого поколения, поскольку ему предшествовали региональные и национальные атласы, а также атласы групп языков. До сих пор не существует атласа пятого типа, охватывающего целую семью языков, например, индоевропейскую, или атласа "последнего типа", т. е. всемирного лингвистического атласа. ЛАЕ является первым лингвистическим атласом целого континента, имеющим не политические и языковые, а географические границы. Причина такого выбора лежит в современном состоянии научных исследований и к евроцентризму никакого отношения не имеет.

Лингвистическая ситуация в Европе весьма сложна. Здесь представлено не меньше шести языковых семей: алтайская, баскская, индоевропейская, кавказская, семитская и уральская. В составе этих семей насчитывается 22 языковые группы, которые, в свою очередь, состоят из многих отдельных языков. Нетрудно себе представить, какие требования предъявляет к ученым интерпретация всех разнородных данных, собранных в 2631 населенном пункте от Исландии до Урала. В разных языках наибольшую ценность для этих исследований представляют самые старые народные названия, которые затем картографируются с помощью символов и получают синхроническую или диахроническую интерпретацию в соответствии с требованиями самого материала.

ЛАЕ является, в первую очередь, интерпретативным лексическим атласом. В нем используются и традиционные, и новые методы. Что касается первых, следует упомянуть ономасиологию и семасиологию. В ономасиологии с помощью информантов разъясняются обозначения определенных предметов и т. п., а в семасиологии задается вопрос о различных значениях одной конкретной формы. Новым методом в области интерпретации лингвогеографических данных является мотивационное картографирование. Оно идет дальше, чем этимологические исследования, задаваясь вопросом о причинах или мотивах обозначения определенных предметов. Этот подход может быть успешным только в таком крупномасштабном проекте, как ЛАЕ. В национальных атласах, не говоря уже о региональных, исследовательская область слишком мала, чтобы быть результативной. Возможно, это одна из причин того, что до появления ЛАЕ эта область науки не вызывала большого интереса. Другой причиной является доминирующая роль де Соссюра в современной лингвистике. Произвольность языкового знака, важная сама по себе для функционального аспекта языка, оставляла слишком мало места для генетического аспекта, т.е. для серьез-

ного исследования мотивации. Однако при ближайшем рассмотрении мотивация языкового знака не противоречит его произвольности, так как выбор определенного мотива сам по себе не является обязательным.

Современные исследования направлены в прошлое, поэтому неудивительно, что от ЛАЕ ожидаются результаты при выяснении вопроса об этнолингвистическом происхождении Европы. В настоящее время это наиболее живо и противоречиво обсуждаемая тема, причем археологи и генетики объединяют усилия с лингвистами, о чем свидетельствуют работы [Renfrew 1987; Cavalli-Sforza, Ammerman 1984; Sokal, Oden, Thomson 1992], а также Гамкрелидзе и Иванова [Gamkrelidze, Ivanov 1995]. В связи с этим следует также упомянуть о ностратической теории, например, [Shevoroshkin 1989a; 1989b; 1990; 1992], о типологии языковых универсалий и о языковых союзах. Относительно ареала уральских языков большинство специалистов в наши дни признает теорию непрерывности, первоначально выдвинутую археологами, а затем и языковедами. В соответствии с этой теорией, уральские народы и их языки уже с эпохи мезолита существовали на своих нынешних территориях. М. Алинеи [Alinei 1996] придерживается подобной точки зрения относительно индоевропейских народов. Он утверждает, что никогда не было индоевропейской экспансии и что индоевропейские языки распространялись так же, как и уральские, что резко отличается от большинства теорий о происхождении индоевропейских народов в научной литературе, см. [Mallory 1989]. Может возникнуть вопрос, как могли передаваться понятия, если люди не мигрировали. Мы встречаем одинаковые понятия во всех обществах, независимо от языка. Этого вопроса я коснусь ниже.

Что касается ЛАЕ, результаты исследований европейской истории культуры основаны, скорее, на внутренней мотивации слов (если она достаточно прозрачна), нежели на заимствованных словах или реконструированных корнях, хотя и в эти области атлас внес значительный вклад: обычно заимствованные слова принадлежат к историческому периоду, и, соответственно, слишком новы, в то время как реконструированные корни относятся к очень ранним периодам, однако зачастую их мотивация непрозрачна и, следовательно, не особенно значима для анализа культуры. Это важный момент, поскольку формальные различия между языками могут тем самым не учитываться, и тогда внимание фокусируется исключительно на идентичности или подобии культурных представлений о реальности. В последующем я буду ссылаться в основном на данные ЛАЕ, а также на собственные исследования при иллюстрации европейской истории культуры.

Не все из разнообразных мотивов, находящих свое отражение в названиях реалий, важны в этом особом контексте. Приведем только один пример: растение Leontodon Taraxacum (одуванчик) называется *dandelion* в английском, *Löwenzahn* в немецком и *pissenlit* во французском языке. Первые два названия мотивированы формой листьев этого цветка (франц. *dent-de-lion* 'львиный зуб' > англ. *dandelion*), в то время как третье название *pissenlit* связано с медицинским действием растения. Стандартный французский термин был заимствован в соседних немецких и нидерландских диалектах как *Bettpisser* и *Bettseicher* 'мочащийся в постель' [Sterck 1987].

2. История культуры и религия. Так как религия лежит в основе каждой культуры, системой отсчета здесь является история религий. Историк религии А. Донини [Donini 1977; 1984] показал достаточно убедительно, что в обществе без классов все является одновременно и естественным, и сверхъестественным. Разделение на 'священное' и 'мирское' произошло позже. Поскольку каждый класс реалий, таких как растения, животные и природные явления, включая планеты, является магическим, они тем самым имеют магически-религиозный характер, самые ранние формы которого проявляются в тотемизме, в тотемных отношениях с разными группами реалий. Это можно наблюдать и в наше время в так называемых примитивных обществах.

Первым, кто доказал, что современная народная литература хранит очень старые мифы и представления, был В. Пропп [Пропп 1946; Propp 1987]. Его "прозрения",

как и наблюдения Р Риглера [Riegler 1937/1987], имеют огромное значение при интерпретации диалектных лингвогеографических данных Эти данные показывают, что европейская история культуры состоит не из отдельных, случайно совпадающих элементов и событий, а соответствует общей прозрачной модели, где можно различить три отдельных слоя

Слой, поддающийся самой легкой идентификации и датировке принадлежит истории, а именно, христианству и исламу Как самый недавний слой он чаще всего представлен среди данных В этом слое христианских мотивов намного больше, чем исламских, что отражает различие в ареальном распространении обеих религий в Европе

В доисторическую эпоху можно различить два слоя один характеризуется 'сверхъестественными', 'сверхчеловеческими' языческими персонажами, а второй, уже без антропоморфизма, еще более ранними зооморфными образами и представлениями о родстве Еще в 1929 г Л Фробениус, основоположник культурной морфологии, отметил, что периоду антропоморфизма должен был предшествовать более древний период зооморфизма" [Frobenius 1929 248] Эта основная структура осталась неизменной с доисторической до современной эпохи

В то время как датировка первого упомянутого слоя не представляет проблем, Алинеи допускает ' что антропоморфные представления о действительности связаны с социально стратифицированными обществами, что типично для железного века, в то время как зооморфные представления и представления о родстве связаны с более примитивными обществами каменного века" [Alinei 1997 27]

В отличие от вертикальной мертвой археологической стратиграфии, лингвистические стратиграфии, представленные на мотивационных картах ЛАЕ, являются горизонтальными, и все слои, упомянутые выше, до сих пор являются живыми

2.1. Христианский/исламский слой. "Довольно любопытно, что мы можем извлечь языковые данные о христианской культуре в Европе не из такой карты, как 'Рождество' [ ] (за исключением, разумеется, очевидного распространения или отсутствия в исламских ареалах самого референта) Наиболее очевидные свидетельства для идентификации христианского (и исламского) слоя, распространенного по всей Европе, имеются в мотивационных картах ЛАЕ, которые не имеют отношения к христианскому миру или исламу это карты, посвященные 'божьей коровке' [ ], другим насекомым [ ] и 'радуге' [ ] Почему именно эти карты? Потому что их референты принадлежат к двум понятийным категориям – диким животным и природным явлениям, – которые часто получают магически-религиозные названия [Alinei 1997a 3]

Ограниченный объем статьи позволяет привести лишь следующие из многочисленных примеров Так, среди животных можно упомянуть названия самого маленького и слабого поросенка из приплода Англия и Уэльс, помимо *Daniel*, дали название *Anthony(pig)*, иногда в форме *Tanthony*, что является искаженной передачей *Saint Anthony* Святой Антоний был покровителем свинопасов, и ему по традиции посвящали самого маленького и слабого поросенка каждого помета

Бабочка также представляет в этом смысле интерес Странно, что в Оксфордском словаре английского языка [OED 1989] мы читаем Причина такого названия (то есть 'butterfly' – *В Ф*) неизвестна" Однако в германском ареале было широко распространено верование, что колдуньи в обличье бабочек крадут масло, молоко и сливки Часто встречаются сложные слова с начальным словом *butter-*, как, например, в нидерландском *botervlieg*, в немецком *Butterfliege* и в английском *butterfly* 'масляная муха' Нидерландские слова *boterhex, boterwijf* 'масляная колдунья' ясно указывают на веру в ведьм Однако в Европе встречаются также и христианизированные обозначения бабочки, прежде всего на юге, как это видно, например, по названиям 'маленький ангел', 'маленькая пасха' или 'жена папы', или 'птица святой Бригитты' (Финляндия)

Огромное множество названий имеет в Европе божья коровка Очень часто существо или понятие, принадлежащее христианской или исламской религии, бывает связано с каким-либо животным, как например птица (англ *lady-bird*, буквально 'птица Богородицы'), курица (дат *marihøne* 'курица Марии', франц *poulette au bon Dieu* 'божья курочка'), корова (англ *lady-cow* или *cow-lady* 'корова Богородицы', русск *божья коровка*, франц *vache a Dieu* 'божья корова', итал *vacheta de la Madyna* 'коровка Мадонны'), с волом (исп *buey de Dios* 'божий вол'), с жуком (нем *Marienkafer* 'жук Марии', англ *lady-bug* 'жук богородицы') или маленькое животное (нидерл [*Onze*] *Lieveheersbeestje* 'маленькое животное Господа') Таким существом или понятием может быть 'Бог' – ниже даются только дополнительные примеры – (бретон [*aotrou*] *doue* 'Бог' или 'Господь'), 'ангел' (бретон *elik doue* 'божий ангелок'), 'Иисус' (швед *Jesu vallflicka* 'пастух Иисуса'), '(Дева) Мария' (швед *jungfru marias nyckelpiga* 'ключарь Девы Марии', итал *anima de la Madona* 'душа Мадонны', франц *bête de la vierge* 'животное святой Девы', англ *Virgin Mary* 'Дева Мария', *Sunny Mary* 'блаженная Мария', или имена святых, как, например, в Италии *San Martino, San Giovanni San Nicola*, во Франции *Saint Jean, Saint Jacques, Sainte Catherine*, в Испании *San Anton*[1] (В исламских ареалах мы встречаем названия 'Аллах', 'мечеть' и 'Фатима') Например, светлячок в чешском, словацком, словенском, латышском, литовском, немецком, датском, венгерском, эстонском, французском, испанском и корсиканском обозначается названиями 'святой Иоанн', 'костер Святого Иоанна', 'огонь святого Иоанна', 'искра святого Иоанна'

Количество религиозно мотивированных обозначений растений гораздо больше Анютины глазки (Viola tricolor) в немецком называются *Heiliges Dreifaltigkeitsblumchen* 'цветочек Святой Троицы' В Уэльсе нарцисс (Narcissus Pseudo-Narcissus) называется *Saint Peter's bell* 'колокол святого Петра', а *Saint Peter's herb* 'трава святого Петра' является названием для примулы (Primula veris) в некоторых частях Англии Среди растений, названных по именам христианских святых, можно также отметить лат *herba sancti Johannis* 'трава святого Иоанна', нем *Johanniskraut* 'трава святого Иоанна', англ *Saint John's wort* (Hypericum), *Saint Bridget s anemone* (Anemone coronaria), *Saint Bruno's lily* (Paradisea liliastrum), *Saint Bernard's lily* (Anthericum liliago), *Saint Dabeoc's heath* (Dabœcia cantabrica), *Saint George's beard* (Sempervivum tectorum), как и *Saint Barnaby's thistle* (Centaurea solstitalis) Много английских названий растений относится к Деве Марии *Our Lady's bedstraw* 'солома постели пресвятой Богородицы' (Galium), *Lady's candlesticks* 'подсвечники Богородицы' (Primula), *Our Lady's cushion* 'подушка пресвятой Богородицы' (Armeria), *Our Lady's hands* 'руки пресвятой Богородицы' (Lamium maculatum), *Lady's mantle* 'накидка Богородицы' (Alchemilla), *Lady's seal* 'печать Богородицы' (Polygonatum multiflorum), *Lady's smock* 'сорочка Богородицы' (Cardamine pratensis), *Our Lady's gloves* 'перчатки пресвятой Богородицы' (Digitalis purpurea), *Our Lady's purse* 'кошелек пресвятой Богородицы' (Portulaca oleracea) и *Our Lady's ribbons* 'ленты пресвятой Богородицы' (Phalaris) Чертополох (Silybum marianum) это *Lady's thistle, Marian thistle, Mary thistle* 'чертополох Марии, чертополох Богородицы' в английском и *Marienditel* 'чертополох Марии' в немецком

Названия растений с течением времени также могут меняться Подходящими примерами могут служить дикий мускатный шалфей (Salvia verbenaca), который В Тернер назвал 'Христовым оком' (*Oculus Christi*), опубликовавший в Англии первый научный ботанический трактат в 1538 г , или *Holy oke* – тоже название, данное Тернером для алтея (Althaea officinalis)

Многие названия растений на Британских островах имеют мотивацию 'черт', о чем свидетельствует соответствующий раздел в словаре английских диалектов [EDD 1898–1905, s v 'devil' II 2] Большой рогоз (Typholia latifolia) и млечный чертополох

---

[1] Святых очень много Многие из них имеют только региональное или местное значение Поклонение святым считается уступкой христианства языческому политеизму

(Silybum marianum) засвидетельствованы с определением 'святой', как и Glastonbury thorn, Crataegus Oxyacantha, в то время как одуванчик (Leontodon Taraxacum) и родиола розовая (Rhodiola rosea) обнаруживают мотивационные связи со словом 'священник' в Британии, а чертополох шерстистый (Carduus eriophorus) – с 'монахом'. *Archangel* 'архангел' употребляется в английском в применении к разным видам яснотки и родственным растениям: *red archangel* 'красный архангел' (Lamium purpureum), *yellow archangel* 'желтый архангел' (Lamium galeobdolon). Алинеи [Alinei 1997] нашел те же в своей основе мотивы в Италии и приводит множество соответствующих примеров.

О христианизации и исламизации в Европе также свидетельствуют и названия природных явлений и планет. Классическим примером в ЛАЕ является радуга – и не только для самого недавнего слоя, но и всей лексико-географической стратиграфии. Везде в Европе мы встречаем сложные слова с компонентами 'пояс', 'арка', 'мост', 'лента', 'кольцо' в сочетании с религиозной мотивацией, например, 'божий пояс', 'дуга Ноя', 'корона Св. Варнавы' или 'дуга Аллаха'. Достаточно привести здесь латышское *dieva juosta* 'божий пояс'. Когда базовая структура системы классификации была установлена, стало ясно, что радуга у европейских народов считалась священной и что вместе с появлением лексических инноваций новых религий вырабатывались выражения тех же отношений, что существовали и ранее. То же можно сказать и о Луне, которая раньше была объектом религиозного почитания, о чем свидетельствует венгерское выражение *istenkalácsa* 'пирог бога'. По мнению Алинеи [Alinei 1997], это название является ироническим и, соответственно, современным, что, разумеется, не так. Другой пример в карельском языке 'святой Илия' употребляется применительно к грому[2]. Даже Рождество относится к природным явлениям, так как в основе этого христианского праздника лежит дохристианский праздник зимнего солнцестояния. Лишь несколько обозначений Рождества имеют собственно христианское происхождение. К ним принадлежат, например, мотивы 'Христова месса', 'рождение Христа' и 'день Христа', которые встретились в английском, нидерландском, немецком, испанском, баскском, сардском, греческом и албанском языках.

Иногда даже сверхъестественные существа принимают христианский вид. В Швейцарии духу зерновых дали, например, название *Michel* (по святому Михаилу), в Нижней Баварии – *Oswald* (по святому Освальду).

2.2. Антропоморфный слой. Те же понятия, служащие примером других слоев, можно привлечь и к исследованию антропоморфного слоя, так как этот слой охватывает и дохристианский/доисламский, и постзооморфный периоды.

Среди названий животных много наименований магически-религиозного происхождения. К обозначениям ласки относятся, например, англ. 'фея', франц. 'колдунья', нем. 'девушка', сардское 'Диана' и русск. 'домовой'. Сверх того, были найдены следующие мотивы, связанные с табуированием: итал. *donnola* 'девчонка', франц. *belette* 'красивая девушка'. Божья коровка связана в финно-угорских языках с богом *Ukko* 'старик', в северной Германии с духом-проказником *Pucken*, в итальянском языке с эльфом *Monachello*, в румынском с *Paparuga* или 'ведьмой' и в греческом языке с *Moira*. Русское название *бабочка* восходит, возможно, к божеству Баба [Alinei 1988: 41–51]; в Австрии бабочка представляется как 'лесной эльф'. Кузнечик обозначается в Италии как 'беременная мать' или 'дама', во Франции как 'девушка'. Эти названия свидетельствуют о 'древнем священном женском существе' [Alinei 1997a: 6]. В Ирландии самому маленькому поросенку из помета дают название *siyg* или *siabhra* 'фея'. Ту же мотивацию имеет в Англии название светлячка; ласточка же там называется 'ведьмой'. *Mucc* и *moch* – староирландское и старобретонское на-

[2] В африканском диалекте карекаре гром называется 'божий крик' (отмечено Д. Ибришимовым).

звания свиньи, восходящие к галло-латинскому божеству *Moccus* и в конечном итоге к *Mercurius*.

Что касается растений, то в английском встречается мотив 'фея' в связи с названиями Primula veris (*fairy cups* 'чашки феи'), Linum cathaarticum (*fairy flax* 'лен феи') и Digitalis purpurea (*fairy petticoats* 'юбки феи', *fairy bell* 'колокол феи', *fairy cap* 'шапка феи', *fairy thimble* 'наперсток феи'). *Fairy thimble* также встречается в Ирландии и Шотландии вместе с выражением *fairy finger* 'палец феи'. В прежние времена изгиб длинных стеблей этих растений связывался с невидимым присутствием сверхъестественных существ. В некоторых английских диалектах мы встречаем мотив 'ведьма': Digitalis purpurea – *witch('s) thimble* 'наперсток ведьмы'; Pyrus Aucuparia – *witch-beam* 'луч ведьмы'; Campanula rotundifolia и Centaurea cyanus – *witch bells* 'колокольчики ведьмы'. Одуванчик (Leontodon Taraxacum) называется *witch-gowan* в Англии и Шотландии; соответствующее украинское название *кульбаба* восходит к божеству *Баба* [Alinei 1988]. Среди английских обозначений лука (Sempervivum tectorum), представленных в словаре [EDD 1895–1905], находим выражение *Jupiter's beard* 'борода Юпитера'. С той же мотивацией этого растения мы встретились в Италии. Мотив 'Венера' лежит в основе названия растения Dipsacus sylvestris в обоих языках (по-английски *Venus's basin* 'бассейн Венеры', *Venus's bath* 'ванна Венеры'). *Venus' doves* 'голуби Венеры' – народное английское название растения Aconitum napellus. Русское и украинское обозначения растения Narcissus Pseudo-Narcissus *нарцисс* также указывают на антропоморфный слой. Другими примерами, мотивированными мифическими существами, являются английское и немецкое название *daphne* или *Daphne*, как и немецкое *Adonisröschen* (Adonis vernalis). Английские слова *Adonis* и *Andromeda* обозначают растения рода N.O. Ranunculaceæ и N.O. Ericaceæ соответственно.

"Гроздь гиацинта (Muscari atlanticum Boiss и Reut.) напоминает британцу прекрасную возлюбленную Аполлона, из крови которой, по мифу, пророс этот цветок. Аполлон был также связан [...] с горой Парнас [...] , откуда Grass of Parnassus (Parnassa palustris) 'трава Парнаса'. Ирида, богиня радуги, имеет целый ботанический *род*, и самые разные дикие ирисы произрастают на Британских Островах, помимо привозных, садовых" [Ashley 1974: 117–118].

Мы также встречаем разные антропоморфические мотивации в связи со сверхъестественными явлениями. В Ирландии дух зерновых носит, например, названия *carlin* или *seanbhean* 'старуха', *old maid* 'старая дева', *(old)hag* 'старая колдунья', *cailleach* 'старая колдунья' или 'старуха'. Слова *cailleach* и *carlin* встречаются и в Шотландии. В Ирландии и Шотландии известно слово *maid(en)* 'девица', как и в Германии слово *Kornjungfer* 'зерновая дева'. Широко распространены в Германии мифические обозначения 'старик' 'зерновой старик' (*der Alte, der Kornalte, der Kornmann*) и 'старуха' (*die Alte, altes Weib, Gerstenweib* 'ячменная женщина') [Beitl 1987]. В некоторых славянских диалектах дух злаков называется *баба* или *старый* [Alinei 1988].

По всей Европе среди природных явлений и планет чрезвычайно большим количеством антропоморфных мотиваций отличается радуга. Соответствующие обозначения связаны с Taengri в калмыцком языке, с Ukko и Tiermes в уральских языках, с Laume в балтийских языках, с Iris и 'старухой' в романских и славянских языках, с Soslan в осетинском языке. Они часто связаны со словами 'арка', 'пояс' или 'лента'. Символом грома и молнии являются кельтский бог грозы Taranus, германский бог Thorr, литовский бог Perkunas, угро-финский бог Ukko, лапландский бог Tiermes и славянский Перун. Шведское обозначение облака связано с понятием 'старик'. Для луны в ненецком встречается название с понятием 'старик'; для солнца русский и украинский бог Ярило.

2.3. Зооморфный слой. Наиболее архаический, т. е. зооморфно-тотемный слой, характерен для бесклассовых обществ, где для обозначения различных реалий ис-

пользуются названия животных или термины родства. По сравнению с антропоморфным или христианско-исламским слоем количество данных, относящихся к более раннему зооморфному слою, относительно невелико.

Что касается сверхъестественных, магически-религиозных существ, хорошим примером может послужить название последнего снопа, связанного в конце жатвы, который, по народным верованиям, становился прибежищем духа растительности. В связи с этим в Ирландии встречается название *granny* 'бабушка'; в Германии *Mutter* 'мать', *Erntemutter* 'мать урожая', *Kornmutter* 'мать зерновых', *Kind* 'ребенок', *Erntekind* 'ребенок урожая', *Braut* 'невеста' и *Große Mutter* 'большая мать, бабушка'. Другой тип представляют те названия, которые восходят к животным, в лице которых дух растительности мог бы появиться. Встречаются, например, следующие немецкие названия: *Bär* 'медведь', *Bock* 'козел', *Hase* 'заяц', *Rind* 'бык', *Kuh* 'корова', *Geiß* 'коза', *Hahn* 'петух', *Wolf* 'волк', *Kater* 'кот'. Название 'кот' в значении последнего снопа также встречается во Франции (*chat*). В Ирландии были найдены обозначения *gi(o)rria* 'заяц', *hare's bite/sheaf/tail* 'заячий укус/сноп/хвост', *rabbit* 'кролик', *cow* 'корова', *hog* 'откормочная свинья', *piardóg* 'речной рак' и *swallow* 'ласточка'. В некоторых частях Англии и Шотландии в этом значении встречается слово *hare*. Сопоставимые явления встречаются и в славянских языках, см. [Beitl 1987: 250–314].

Уже Риглер [Riegler 1987] истолковывал названия диких животных и насекомых как реликты древнего тотемного взгляда на мир, согласно которому животные и насекомые являются ближайшими родственниками человека. Это отношение отражается в соответствующем употреблении терминов родства. Пропп [Пропп 1946; Рторр 1987] установил, что тотемное животное первоначально представляется 'матерью' или родственником по женской линии. Свидетельства этого отмечены в большинстве европейских диалектов[3]. Большое количество терминов родства встречается в связи с названиями божьей коровки: 'бабушка' встречается, например, в польском, русском, боснийском, сербском, хорватском, в мордовских, удмуртском, финском и коми-зырянском языках; 'мать', например, в румынском, белорусском, татарском, башкирском и ливском; 'тетка' в немецком и итальянском; 'невеста и жена', например, в турецком, албанском, македонском и итальянском языках; 'невестка' в болгарском. 'Дедушка' в значении божьей коровки употребляется в шведском, комизырянском и мальтийском, 'дядя' – в албанском языке для того же понятия.

В виде родственницы бабочка появляется в ретороманском слове *mammadonna* 'бабушка', как 'мать' – в немецком и сардском, и в уральских языках как 'отец' и 'дедушка'.

Названия ласки также включают многочисленные термины родства: слово 'невеста' встречается в турецком, болгарском, румынском, итальянском, греческом, албанском и немецком; 'крестная', например, в галисийском и испанском; обозначение 'невестка' – в португальском, окситанском, итальянском, турецком и венгерском языках; 'мать' в английском; 'крестная' в испанском (*comadreja*), 'крестный' в немецком.

Можно привести еще много примеров подобного рода: медведь называется 'мать', 'отец' и 'дед' у турок и татар, и 'дорогой дедушка' у шведов. У венгров его называют 'крестный', у саамов 'умный отец'. Волк появляется в виде термина 'братец как в русском, так и в украинском языке. Для лисы имеется немецкое слово

---

[3] В словаре [EDD 1898–1905] перечислены двадцать названий растений со словом mother 'мать', шесть названий со словом *grandmother* 'бабушка', но только одно название со словом *father* 'отец' и ни одного названия со словом *grandfather* 'дед'. Такое распределение характерно и для народных обозначений болезней: лихорадка обозначается в русских диалектах как *крестная, мать, сестрица* и *тетка*. В связи с названиями бубонной чумы нам встретился сербохорватский термин 'крестная', в связи с оспой русское *бабушка* и якутское обозначение 'тетенька' [Viereck W., Viereck K. 1999]. Все – результат табу (умилостивления).

'крестный' (*vaddermann voss* или *Herr gevatter*), русское и украинское обозначение 'сестрица', как и французское 'мой двоюродный брат' (*mon cousin*). *Parent* 'родственник' является французским обозначением кукушки, а в нижненемецком жаба называется *grossmudder* 'бабушка'.

Древний обычай переносить названия животных на племена и их вождей также восходит к доисторическому тотемизму. Примером служат вожди ютов *Hengist* 'жеребец' и *Horse* 'конь', готский вождь *Berige* 'медведь', германский вождь *Wylfingas* 'волк', итальянские вожди *Hirpi* (от латинского слова *hirpus* 'волк') и *Piceni* (от латинского слова *picus* 'дятел').

По сравнению с животными растения играют относительно небольшую роль в тотемизме. Одни названия растений восходят к термину родства, другие к названиям животных. В немецком языке анютины глазки (Viola tricolor) называются, например, *Stiefmütterchen* 'мачеха' или *Stiefkind* 'пасынок' [Ветвички 1987]; одуванчик (Leontodon Taraxacum) – *mammpap(p)or* 'дед мамы' = 'дедушка' в шведском и 'бабушка' или 'дедушка' в белорусском. В связи с анютиными глазками в украинском языке одновременно встречаются и термины родства, и названия животных, например, 'братья', 'братья и сестры', 'сирота' и 'кукушки' [Мамчур 1987]. Что касается английского языка, то в словаре [EDD 1898–1905] встречается большое количество названий с мотивом 'свинья', 'лиса', 'коза', 'жаба', 'кот' и 'конь' (итальянские эквиваленты см. в [Alinei 1997: 25–26]). Магически-религиозные верования не всегда очевидны. Например, в английских терминах *bird's foot* 'птичий коготь' (Ornithopus), *crowfoot* 'вороний коготь' (Ranunculus) и *goosefoot* 'гусиная нога' (Chenopodium) мотивом является скорее внешнее сходство между листьями растений и птичьими когтями.

На уровне природных явлений и планет примером тотемной мотивации служат финно-угорские термины родства 'отец' и 'дедушка', употребляемые для обозначения грома, как и ненецкое слово 'дедушка', употребляемое для обозначения луны. Часто встречаются названия животных: в связи с обозначением радуги нам встретились например слова 'дракон', 'змея', 'бык', 'корова', 'лиса' и 'пьющее животное' в большинстве европейских языков и диалектов[4]. Другими представителями зооморфной мотивации являются 'дракон' или 'змея' для обозначения грома, а также 'кит' или 'дельфин' для обозначения молнии. Туман связан с 'лисой' и 'волком' во Франции и Германии; буря – с 'орлом' в северной Европе, а воздух, дрожащий от жары, с 'котом' в некоторых частях Германии.

3. Заключение. В истории культурного развития Европы бросается в глаза следующая повторяющаяся структура: за терминами родства или зооморфного названия одной и той же реалии следовало, как правило, антропоморфное, а затем христианское или исламское именования, о чем свидетельствуют многочисленные примеры в отдельных языках и диалектах Европы. С той же моделью мы встретились и в связи с названиями болезней и хлеба [Viereck W., Viereck K. 1999; Viereck, в печ. b]. Правда, в рамках ЛАЕ собраны только данные по слову 'простуда'; название хлеба вообще отсутствует. Другие примеры могли бы явиться основой сравнительного словаря мотивации.

Все эти упомянутые периоды начинались и кончались не сразу: каждый из них существовал тысячелетиями. Археологические находки свидетельствуют о плавных переходах от каменного века к железному. Одновременно мы встречаем антропоморфные пережитки, относящиеся к новому каменному веку [Müller-Karpe 1998]. Более близкий к нам по времени переход от языческого к христианскому слою документирован гораздо лучше. Еще в начале четвертого века нашей эры христианская

[4] Заслуживает упоминания, что представление о радуге как пьющем животном встречается также в Японии и в Китае. В китайской культуре радуга изображается в виде двухголового дракона, пьющего воду по обоим берегам реки.

церковь была гонима, и прошло много лет, пока христианская вера распространилась по всей Европе Только в VIII в нашей эры в Германии был составлен документ под названием Indiculus superstitionum et paganarum", содержащий инструкции о том, как следует обращаться с языческими культами, волшебством и гаданиями [Muller-Kaspar 1996 419]

С усвоением новой религии начался период изменений старых обозначений, однако старые представления во многих случаях сохранялись Вот один из многочисленных примеров Когда христианство пришло в Британию, ярко-желтые цветы растения семьи *Hypericum*, ассоциирующиеся с золотой яркостью бога солнца Бальдура, стали называться травой Св Иоанна, так же, как День Бальдура стал Днем Св Иоанна По-прежнему считалось, что растение лечит раны, и в канун дня Св Иоанна добрые христиане имели при себе его ветки для изгнания злых духов и, в особенности, для защиты от богов, поражающих молниями [Ashley 1974 116] Иванов день является христианским эквивалентом летнего солнцестояния, одной из важнейших дат доисторической эпохи Пример показывает, насколько жив и устойчив был языческий мир представлений в начале христианской эры Некоторые реликты того времени сохранились до сегодняшнего дня еще в наше время в католических областях Германии шестого января каждого года на входной двери домов пишутся начальные буквы имен трех королей Caspar + Melchior + Balthasar + год, чтобы защитить жителей от всякого зла[5] В некоторых странах Европы, например, на Украине или в Германии, водители вешают в своих машинах маленькие изображения Святого Христофора Кажется, что просвещение никак не повлияло на народную веру

В основе ЛАЕ, естественно, лежат диалекты языков Европы, и принятый мотивационный подход раскрыл для нас часть важных элементов мозаики культурного развития Европы Разумеется, их значение выходит за границы Европейского континента Учитывая комплементарность природы мировых культур, было бы чрезвычайно желательно дополнить представленную картину достижениями в исследовании других культур

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ветвички 1987 – *В Ветвички* Растения лесов и полей Прага 1987

Мамчур 1987 – *Ф Мамчур* Цвів на полонині верес Київ, 1987

Пропп 1946 – *В Пропп* Исторические корни волшебной сказки Л , 1946

Alinei 1988 – *M Alinei* Slavic BABA and other 'Old Women' in European dialects A semantic comparison // Rozprawy i studia poswięçone pamięci profesora Mieczyslawa Szymczaka Wroclaw 1988

Alinei 1996 – *M Alinei* Origini delle lingue d'Europa V 1 La teoria della continuita Bologna, 1996

Alinei 1997 – *M Alinei* Magico-religious motivations in European dialects A contribution to archaeolinguistics // Dialectologia et geolinguistica 1997 № 5

Alinei 1997a – *M Alinei* The Atlas Linguarum Europae after a quarter century A new presentation / Eds M Alinei, W Viereck Atlas Linguarum Europae Perspectives nouvelles en geolinguistique Rome, 1997

Alinei, Viereck eds 1997 – Atlas Linguarum Europae V I – cinquieme fascicule Commentaires Cartes / Eds M Alinei W Viereck Rome 1997

Ashley 1974 – *L Ashley* Uncommon names for common plants The onomastics of native and wild plants of the British Isles // Names 1974 № 20

Bachtold-Staubli, Hoffmann-Krayer 1987 – Handworterbuch des deutschen Aberglaubens / Eds H Bachtold-Staubli, E Hoffmann-Krayer 10 v Berlin, 1987

Beitl 1987 – *R Beitl* Korndamonen // Handworterbuch des deutschen Aberglaubens V 5 Berlin, 1987

[5] Объяснение, что этот обычаи восходят к библейскому тексту (Christus benedicat mansionem), вряд ли приемлемо Оно даже не упомянуто в справочной литературе, ср например в [Erich, Beitl 1981], s v Dreikonig

Cavalli Sforza, Ammerman 1984 – *L Cavalli-Sforza A J Ammerman* The Neolithic transition and the genetics of populations in Europe Princeton, 1984
Donini 1977 – *A Donini* Enciclopedia delle religioni Milano, 1977
Donini 1984 – *A Donini* Lineamenti di storia delle religioni Roma, 1984
EDD 1898–1905 – The English Dialect Dictionary / Ed Joseph Wright 6 v London 1898–1905
Erich, Beitl 1981 – *O Erich R Beitl* Worterbuch der deutschen Volkskunde Stuttgart, 1981
Frobenius 1929 – *L Frobenius* Monumenta Terrarum Der Geist uber den Erdteilen 2nd edition of Festlandkultur Frankfurt 1929
Gamkrelidze, Ivanov 1995 – *Th V Gamkrelidze Vjaceslav V Ivanov* Indo-European and the Indo-Europeans 2 v Berlin, 1995
Mallory 1989 – *J P Mallory* In search of the Indo-Europeans language, archaeology and myth London, 1989
Muller Karpe 1998 – *H Muller Karpe* Grundzuge fruher Menschheitsgeschichte 5 Bde Darmstadt, 1998
Muller-Kaspar et al 1996 – *U Muller Kaspar et al* Handbuch des Aberglaubens 3 Bde Wien, 1996
OED 1989 – The Oxford English Dictionary / Comp J A Simpson, E S C Weiner 20 v Oxford 1989
Propp 1987 – *V Propp* Die historischen Wurzeln des Zaubermarchens Munchen, 1987
Renfrew 1987 – *C Renfrew* Archaeology and language the puzzle of Indo-European origins London 1987
Riegler 1987 – *R Riegler* Tiergestalt and Tiernamen // Handworterbuch des deutschen Aberglaubens V 8 Berlin, 1987
Shevoroshkin, ed 1989a – *V V Shevoroshkin*, ed Reconstructing languages and cultures Bochum 1989
Shevoroshkin, ed 1989b – *V V Shevoroshkin*, ed Explorations in language macrofamilies Bochum, 1989
Shevoroshkin, ed 1990 – *V V Shevoroshkin*, ed Proto-languages and proto cultures Bochum, 1990
Shevoroshkin, ed 1992 – *V V Shevoroshkin*, ed Nostratic, Dene-Caucasian, Austric, and Amerind Bochum, 1992
Sokal, Oden, Thomson 1992 – *R R Sokal N L Oden B A Thomson* Origins of the Indo-Europeans genetic evidence // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America 1992 № 89
Stearn 1975 – *W T Stearn* History of the British contribution to the study of the European flora / Ed S M Walters European floristic and taxonomic studies Faringdon, 1975
Stearn 1996 – Stearn's Dictionary of plant names for gardeners London, 1996
Sterck 1987 – *A A Sterck* Paardebloemen planten zonder vader, variatie, evolutie en toepassingen van het geslacht paardebloem (Taraxacum) Utrecht, 1987
Turner 1999 – *W Turner* Libellus de re herbaria novus // Acta Societatis Litterarum Humaniorum Regiae Upsaliensis 1999 № 50
Viereck в печ a – *W Viereck Hg* Atlas Linguarum Europae V I – sixième fascicule Commentaires et Cartes Rome, в печ
Viereck, в печ b – *W Viereck* Bemerkungen zur Kulturgeschichte Europas // Juzhnoslovenski filolog № 56 [Issue in memory of Pavle Ivić], в печ
Viereck W , Viereck K 1999 – *W Viereck, K Viereck* 'Die seltzamen namen all' Zu einigen Ergebnissen des Forschungsprojekts Atlas Linguarum Europae // Hrsg von Eun Kim Aktive Gelassenheit Festschrift fur Heinrich Beck zum 70 Geburtstag Frankfurt,1999
Wagner Hasel, Hg 1992 – *B Wagner Hasel, Hg* Matriarchatstheorien der Altertumswissenschaft Darmstadt, 1992

Перевод с английского *Н З Донадзе*

№ 5 2003

© 2003 г. Д.В. СИЧИНАВА

К ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМ С НЕСКОЛЬКИМИ ФОРМАМИ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА: CASUS LATINUS

1. СЕМАНТИКА ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Плюсквамперфект (то есть глагольная форма, основным значением которой является выражение предшествования в прошедшем) является весьма интересным предметом исследований в рамках грамматической типологии. Причиной этого является тот факт, установленный уже в одновременно появившихся работах по видовременной типологии [Comrie 1985; Dahl 1985], что для этой формы в языках мира характерно, помимо основного (таксисного), наличие и дополнительных значений; более того, практически неизвестны языки с плюсквамперфектом, в которых бы не было плюсквамперфектной формы, развивающей хотя бы одно дополнительное значение.

Круг этих значений весьма устойчив типологически. В большом количестве языков (75% из выборки Даля) плюсквамперфект выражает значение "прекращенной ситуации" ('ситуация, имевшая место в некоторый момент в прошлом, в настоящий момент уже места не имеет', пример (1)) или "аннулированного результата" ('результат некоторой ситуации достигнут, но потом аннулирован', пример (2)).

(1) **дьола (Сенегал)** esukey eniilo-ɛɛn-ɛɛn [Шошитайшвили 1998: 37]
'Раньше наша деревня была маленькой [а теперь это не так]'
(2) **итал.** Mi ero comprata delle scarpe rosse, ma mi è toccato riportarle indietro perché mi stavano piccole. [Fici Giusti forthcoming]
'Я [было] купила себе красные туфли, но мне пришлось отнести их обратно, потому что оказались малы'.

Очень распространено употребление плюсквамперфекта в условных ирреальных конструкциях, как в условной части (протасисе), так и в главном предложении (аподосисе):

(3) **англ.** If the boy had got the money yesterday, he would have bought a present for a girl.
'Если бы мальчик получил деньги вчера, он купил бы девочке подарок'.
(4) **хинди** yadi ek bhī kṣaṇ kā valamb ho jātā to Jasminh mārā jā cukā thā
'Если было бы допущено хоть малейшее промедление, то с Джасминхом было бы покончено'. [Липеровский 1984]

Употребление плюсквамперфекта в ирреальных контекстах связано с более общей типологической тенденцией к метафоризации прошедшего времени, на которую обращал внимание еще Отто Есперсен [Jespersen 1924], использовавший для подобных значений название "претерит и плюсквамперфект воображения". В современных типологических исследованиях, например [Fleischman 1989], центральным для объяснения этой метафоры выступает понятие "эгоцентричности" языка, кото-

рый стремится оценивать ситуации с точки зрения их расстояния от «"здесь-и-сейчас" говорящего».

К числу других, не столь массово, но все же засвидетельствованных в языках мира дополнительных значений и функций плюсквамперфекта относятся:

– 'давнопрошедшее' (значение категории временной дистанции); это значение отмечено, например, в армянском [Козинцева 1998] или багвалинском (нахско-дагестанские [Майсак, Татевосов 2001]) языках; далеко не всегда примеры, приводимые исследователями некоторых других языков, позволяют отграничить это значение от значения 'прекращенная ситуация' или 'аннулированный результат';

– 'смягчение категоричности утверждения', также связанное с ирреальной метафорикой прошедшего (ср. англ. *I had been thinking about asking you to dinner* 'Я хотел бы пригласить вас на обед' [Fleischman 1989:10]);

– эвиденциальное ("заглазное" или "пересказывательное") значение, связанное с различными типами косвенной засвидетельствованности; оно выражается плюсквамперфектом в таких языках, как боливийский испанский [Fleischman 1989], албанский [Friedman 1981];

– проксимативное ('результат действия не был достигнут'; прототипический контекст – *он чуть было не умер*); отмечено в корейском [Kim 1974] и сантали (Восточная Индия, относится к группе мунда австроазиатских языков) [Сичинава 2001][1];

– дискурсивная функция (названная нами в [Сичинава 2001; 2002] "сдвиг начальной точки"), связанная с отнесением нарратива в неактуальный временной план. Примером может служить русский сказочный зачин *жили-были*, генетически связанный с древнерусским плюсквамперфектом (здесь обоснованно предполагается также влияние соответствующих финно-угорских форм, см. [Ткаченко 1979] или [Вайс 2001]); начальная предикация нарратива оформляется плюсквамперфектом, затем идет изложение в обычном прошедшем времени; "первая фраза уже относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого" [Зализняк 1995: 158].

Таким образом, плюсквамперфект помещает ситуацию в семантическую зону, элементы которой противопоставляются не только временному плану настоящего, но и аспектуальному значению результативности, и модальному индикативности, и эвиденциальному – прямой засвидетельствованности. Для этой устойчивой области можно ввести обозначение "зона сверхпрошлого" [Плунгян 1998] (superpassé [Arnavielle 1978: 620], ср. также emphasized past time [Steele 1975: 211]), хотя, конечно, семантические особенности, допустим, значений 'давнопрошедшее' и 'вежливость' не могут быть выражены одним кратким "ярлыком". Более нейтральное обозначение, которое мы также будем использовать в данной работе – "каноническая область значений плюсквамперфекта" ("каноническая полисемия").

2. ГЛАГОЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ С НЕСКОЛЬКИМИ ФОРМАМИ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА

Многообразие набора значений плюсквамперфекта служит одним из объяснений того факта, что в очень многих языках существует несколько форм с базовым значением 'предшествование в прошедшем', каждая из которых развивает то или иное подмножество из канонической полисемии плюсквамперфекта (причем эти подмножества могут пересекаться). Роберт Салки, автор одного из наиболее значительных исследований семантики этой глагольной формы, замечает: «...английский язык,

---

[1] Для множества значений, связанных с тем или иным нарушением развития ситуации, в нормальном случае имеющей результат – то есть для значений 'аннулированный результат', 'проксиматив' и 'к о н а т и в' (ситуация не достигла результата, ср. рус. *учил, но не выучил*), в работе [Плунгян 2001] предложен удачный термин "а н т и р е з у л ь т а т и в" (там же – очерк типологии выражения антирезультативных значений, в том числе с помощью плюсквамперфекта).

имеющий только одну форму плюсквамперфекта (или две, если считать прогрессив), в этом отношении нетипичен среди языков, имеющих плюсквамперфект. Языки с различием "перфектив/имперфектив", а также те, которые используют в качестве вспомогательного эквиваленты как глагола БЫТЬ, так и глагола ИМЕТЬ, часто располагают большим количеством различных форм. Учитывая, что многие языки обходятся без плюсквамперфекта вовсе, и что он не так уж часто используется в языках, в которых он есть, подобное изобилие форм нуждается в объяснении» [Salkie 1989: 13].

Типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта посвящена наша работа [Сичинава 2002], в которой подробно рассматривается материал сорока языков (а также дополнительно привлекаются данные еще тридцати). В ней установлено, в частности, что плюсквамперфекты, образованные из сходного морфологического материала, обладают достаточно нетривиальным семантическим сходством, которое имеет типологический характер и проявляется в рамках системы. Например, в тех языках, в которых имеется и перфект, и простое прошедшее время (претерит), плюсквамперфекты, образованные от основы претерита, развивают больше дополнительных значений, чем образованные от основы перфекта (причем часто эти последние дополнительных значений не развивают вовсе). Общие черты обнаружены и у плюсквамперфектных форм, образованных при помощи различных видовых форм вспомогательного глагола (романские пары вроде фр. *eut vu – avait vu* 'увидел' и их генетически независимые аналоги в старославянском или албанском языках).

Особый интерес для типологических исследований в этом освещении представляет латинский язык, в котором имелись две формы плюсквамперфекта – Plusquamperfectum Indicativi и Plusquamperfectum Coniunctivi – образованные от разных модальных основ. Если рассмотреть эти формы с учетом достижений, уже имеющихся в типологии плюсквамперфекта, то некоторые особенности "поведения" этих форм получат объяснение в типологической перспективе; появится возможность учесть значения, которыми зачастую пренебрегают в традиционных описаниях латинского языка; по-новому можно будет взглянуть на судьбу соответствующих форм в языках-потомках латыни.

Лучшие описания семантики глагола в латинском языке (прежде всего [Hofmann, Szantyr 1965; Ernout, Thomas 1972] и, особенно, работы С. Мелле [Mellet 1988; 1994; 2000]) обращают внимание на особенности семантики форм латинского плюсквамперфекта, которые не могут быть сведены к традиционным семантическим ярлыкам 'предшествование в прошедшем' и 'давнопрошедшее'. Многие наблюдения и трактовки, предлагаемые этими исследователями, мы используем в настоящей работе.

3. ЛАТИНСКИЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ ИНДИКАТИВА КАК "СВЕРХПРОШЛОЕ"

Основным значениями латинского Plusquamperfectum традиционно считается таксисное, то есть 'прошедшее в прошедшем':

(5) Et iam Romanus non adpropinquabat modo, sed derexerat etiam in pugnam naves (Т. Ливий, XXII, 19, 11; [Mellet 1994: 109]).
'И уже римляне (букв. римлянин) не только приближались, но даже выстроили (уже успели выстроить) корабли для боя'.

Вместе с тем таксисное употребление Plusquamperfectum, как показывает анализ [Ernout, Thomas 1972; Mellet 1994; 2000] даже классических текстов, не говоря о памятниках доклассических (Плавт) или более позднего времени, но также отражающих народную речь ("Сатирикон" Петрония, надписи), не было обязательным. В контекстах, где в английском или французском обязательно относительное время, широко употреблялся латинский Perfectum:

(6) Dedi equidem quod mecum egisti (Плавт, *As.* I,3.19; [Mellet 2000: 101])[2].
'Я дал столько, сколько мы с тобой условились (букв. "ты со мной условилась")'.
(7) Ab iis Caesar haec facta cognovit, qui sermoni interfuerunt (Цезарь, *Bell. C.*, III, 18, 5; [Ernout, Thomas 1972: 225]).
'Цезарь узнал это от тех, кто присутствовал на переговорах'.

Плюсквамперфект же, согласно [Väänänen 1967], в "простонародном и позднем языке" (dans la langue populaire et tardive) употреблялся абсолютно, "со значением имперфекта"; примеры, приводимые исследователями, соответствуют различным значениям канонической полисемии; так, "значению имперфекта" соответствует значение прекращенной ситуации:

(8) Non sum ego qui fueram: mutat via longa puellas [Проперций, I, XII, 12].
'Я не тот, что был [раньше]: и юные девы меняются в разлуке'[3].
(9) Incipiunt odisse quod fuerant et profiteri quod oderant [Тертуллиан, *Apol.*, I, 6].
'[Новокрещенные] начинают ненавидеть то, чем они были, и исповедовать то, что они ненавидели'; комментарий С. Мелле к подобным контекстам, частотным у христианских авторов: «точка отсчета здесь выводится из контекста, и легко можно восстановить что-то вроде "до их обращения", оправдывающее выражение предшествования; кроме того, употребление плюсквамперфекта, как кажется, **подчеркивает разрыв** между двумя периодами» [Mellet 1994: 120, выделение наше. – *Д.С.*].

Очень частотно и уже известное нам значение аннулированного результата:

(10) Repudio quod concilium primum intenderam (Теренций, *Andr.* 733; [Mellet 1994:111]).
'Отказываюсь от плана, который раньше составил'.

Плюсквамперфект в латинском языке употребляется и в антирезультативных (см. сноску 1) конструкциях другого типа; причина, воспрепятствовавшая достижению результата, вводится в придаточном предложении с темпоральным союзом *cum*, который традиционно называется *cum inversum*, букв. "обратное, противоположное cum". В конструкциях с cum inversum возможен как имперфект, так и плюсквамперфект; если имперфект в главном предложении носит чисто к о н а т и в н ы й характер ('результат ситуации не был достигнут', подробнее о латинском imperfectum de conatu см. [Mellet 1988: 288–292]), не указывая на стадию, на которой вмешалось непредвиденное обстоятельство, то плюсквамперфект подчеркивает прерывание нормально развивающейся ситуации на этапе, очень близком к достижению результата, привнося п р о к с и м а т и в н о е значение "чуть не"[4]:

(11) Moderatione plura quam vi composuerat, cum redire in Syriam iubetur (Тацит, *Ann.*, XII, 49, 2; [Mellet 1994: 113]).
'Он уже почти утихомирил [провинцию], скорее с помощью умеренности, нежели силы, когда получил (букв. получает) приказ возвращаться в Сирию'.

---

[2] Примеры из классических авторов выверены по электронному корпусу латинских текстов "Perseus" (http://www.perseus.tufts.edu/), материалы которого опираются на авторитетные издания. Названия произведений записаны с использованием сокращений, принятых в классической филологии. Примеры из христианских авторов (Тертуллиан, Григорий Турский) также сверены по электронным изданиям.

[3] Ср. также: Quod fueram, non sum 'Чем был – не есмь' (надпись-эпитафия, [Väänänen 1967: 140]).

[4] В языке сантали [Сичинава 2001] дуратив прошедшего времени (семантически близкий европейскому имперфакту) также передает конативное, а одна из плюсквамперфектных форм – проксимативное значение.

У классических авторов распространено употребление плюсквамперфекта с дискурсивным значением 'сдвиг начальной точки', относящим все дальнейшее повествование в закрытый интервал прошедшего [Mellet 1994: 112; 1988: 294, где этот феномен называется "плюсквамперфектом начала", le plus-que-parfait d'ouverture]

(12) Bello Punico secundo (.), Masinissa rex Numidarum (..) multa et praeclara rei militaris facinora fecerat (Саллюстий, *B Iug* , 5, 4, [Mellet 1994: 112]).
'Во время второй пунической войны (..) Масинисса, царь нумидийцев, ( ) совершил немало славных воинских подвигов' [и далее идет рассказ о подвигах Масиниссы с употреблением форм Perfectum].

4 МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА ИНДИКАТИВА

Развиваются и оба модальные значения, характерные для "зоны сверхпрошлого" уже с достаточно раннего периода засвидетельствовано значение 'смягчение категоричности утверждения':

(13) Hegio, hoc te monitum, nisi forte ipse non vis, volueram (Плавт, *Capt* , 309, [Mellet 1994: 117]).
'Гегион, мне бы хотелось, если ты не против, обратить твое внимание на это'.

и становится характерным употребление плюсквамперфекта в аподосисе (главном предложении) ирреальной условной конструкции. Первоначально плюсквамперфект индикатива в таких конструкциях употреблялся "с целью выразительности" [Ernout, Thomas 1972 380], недостигнутый результат тем самым (благодаря семантике индикатива) представлялся как достигнутый; согласно С. Мелле [Mellet 1994 117], «для логики рассказа важнее сама квазизавершенность действия, чем досадное обстоятельство (grain de sable, букв. "песчинка"), которое помешало действию»; таким образом, перед нами не только модальное, но также и одно из антирезультативных, а именно проксимативное, употребление плюсквамперфекта.

(14) Praeclare viceramus, nisi... fugientem Lepidus recepisset Antonium (Цицерон, *ad Fam* , XII, 10, 3, [Ernout, Thomas 1972: 380–381]).
'Мы одержали бы славную победу, если бы [только] Лепид не принял у себя бежавшего [с поля боя] Антония'.

В раннесредневековой латыни плюсквамперфект индикатива в ирреальных контекстах становится [Ernout, Thomas 1972. 383] еще более распространенным, нейтральным способом выражения·

(15) Si fas fuisset, angelum de caelo evocaveram [Григорий Турский, *Hist Fr* , V, 18]
'Если б было это дозволено, я бы призвал ангела с небес'.

В романских языках она, как увидим, станет основной (и – кроме Иберии – единственной) функцией формы-наследницы латинской *cantaveram*.

5. ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ КОНЪЮНКТИВА И ЕГО ЭКСПАНСИЯ В МОДАЛЬНОЙ ЗОНЕ ЗНАЧЕНИЙ

Латинский конъюнктив (как и современные французский и немецкий), как известно, сильно грамматикализован и носит в значительной степени синтаксический характер, маркируя определенные типы зависимых предложений вне зависимости от референциального статуса (то есть параметра "реальность/гипотетичность/ирреальность") соответствующих ситуаций Это верно и для плюсквамперфекта

конъюнктива; в нижеприведенных примерах выбор наклонения ничем – кроме типа соответствующей предикации, чаще всего связанного с употребленным союзом – не обусловлен, а значения соответствуют рассматривавшимся выше для плюсквамперфекта индикатива·

(16) Nuper cum morte superioris uxoris novus nuptiis domum vacuefecisses, nonne etiam alio incredibili scelere hoc scelus cumulavisti? (Цицерон, *Cat 1*, 14; [Mellet 1994: 240])
'Некогда, после того, как ты смертью прежней своей жены освободил дом для нового брака, не добавил ли ты к этому преступлению новое невероятное преступление?' (таксисное значение)[5].

(17) Itaque in intimis est meis, cum antea mihi notus non fuisset (Цицерон, *Att* IV, 16, 1; [Mellet 1994 241]).
'И вот он в числе моих близких друзей, а раньше был мне незнаком' (значение прекращенной ситуации)

Собственно модальные употребления латинского конъюнктива связаны с употреблением как в независимых (оптатив Fiat lux! 'Да будет свет'), так и в некоторых типах зависимых предикаций (прежде всего условных периодах: Si sim Iuppiter, iam hercle ego uxorem ducam 'Если б я был Юпитером, то тотчас бы, клянусь, взял ее в жены').

Парадигма конъюнктива в латинском языке включает четыре формы: Praesens, Perfectum, Imperfectum и Plusquamperfectum, формы будущего времени оказываются вне модальной оппозиции, и таким образом, формы презенса конъюнктива получают и футуральную интерпретацию Данные [Ernout, Thomas 1972; Vaananen 1967] позволяют построить нам таблицу (см. табл. 1) "распределения" этих форм в собственно модальном значении для трех периодов развития латинского языка (полужирным выделены преобладающие формы).

Таблица 1

	Гипотетический статус, настоящее	Ирреальный статус, настоящее	Гипотетический статус, прошедшее	Ирреальный статус, прошедшее
Доклассическая эпоха	Praesens	Praesens, Perfectum	Imperfectum	Plusquamperfectum
Классическая эпоха	**Praesens** Perfectum	**Imperfectum**, Praesens, Perfectum, Plusquamperfectum	**Imperfectum**, Praesens, Perfectum, Imperfectum, Plusquamperfectum	Plusquamperfectum
Позднелатинская/раннероманская	Praesens, **Perfectum**, Imperfectum	Plusquamperfectum (переход в письменном языке закончился в VIII веке)		

[5] С Мелле выводит и это употребление из постулируемого ей семантического инварианта конъюнктива, согласно ее трактовке, здесь вводится в рассмотрение некоторое множество альтернативных ситуаций, в данном случае {убить жену и раскаяться / убить жену и быть осужденным / убить жену и совершить новое преступление}, и употребление конъюнктива подчеркивает, что Катилина сделал наименее ожидаемый для честного человека выбор Нам не кажется целесообразным рассматривать для всех без исключения латинских конструкций с конъюнктивом в зависимой предикации (по крайней мере, для подобных примеров) какой-либо модальный механизм выбора наклонения

Форма плюсквамперфекта конъюнктива в доклассическую эпоху сравнительно редка [Mellet 1994]; в доклассическую и классическую эпоху наиболее частотным ее значением является ирреальная ситуация, относящаяся к прошедшему:

(18) Si quiessem, nihil evenisset mali (Теренций, *Andr* III, 4, 25, [Ernout, Thomas 1980: 378])
'Если б я был спокоен, ничего дурного бы не произошло' [но спокоен я не был]
(19) Utinam ille omnes secum suas copias eduxisset! (Цицерон, *Cat.* II, 4, [Mellet 1994 242])
'О, если бы он только увел свои войска вслед за собой!' [но он не увел]

Плюсквамперфект конъюнктива употреблялся и для выражения не ирреальной, но гипотетической модальности (событие относится к будущему), с добавлением идеи "смягчения", "осторожного выражения гипотезы"; таким образом, перед нами и здесь не что иное, как параллель к индикативному употреблению этой формы:

(20) Quid, tu, Brute? possesne dicere, si te, ut Curionem quondam, contio reliquisset? (Цицерон; *Br.*, 192; [Ernout, Thomas 1972: 379]).
'Что, Брут? смог бы ты говорить, если бы тебя, как некогда Куриона, покинуло собрание?' (комментарий Эрну и Тома: "гипотеза представлена как ирреальная из учтивости к лицу, которому задается вопрос"; сам Брут далее отвечает, употребляя "гипотетический" перфект конъюнктива: si a corona relictus sim, non queam dicere 'если б меня покинули слушающие, я не смог бы говорить') [Там же].

Достаточно рано (первые примеры [Väänanen 1967] еще у Витрувия, II столетие до Р.Х.) плюсквамперфект конъюнктива начинает захватывать вышеозначенную сферу имперфекта конъюнктива, вплоть до ирреализа настоящего; процесс этот завершается в письменном языке, однако, не раньше VIII столетия [Mellet 1994] Согласно [Ernout, Thomas 1972: 383], этот процесс связан с "общей тенденцией плюсквамперфекта замещать имперфект" – то есть с постоянно присутствовавшей, а к концу латинской эпохи ставшей преобладающей тенденцией плюсквамперфекта индикатива употребляться в контекстах, связанных с неактуальными замкнутыми временными интервалами. Свидетельством экспансии форм плюсквамперфекта в ущерб другим формам конъюнктива может служить грамматика "Ars Minor" Доната, созданная в IV веке; этот автор не выделяет особых форм Perfectum конъюнктива, считая, что они совпадают с формами плюсквамперфекта: "*Lego* verbum activum .. quod declinabitur sic: .. optativo modo.. praeterito perfecto et plusquamperfecto *utinam legissem, legisses, legisset*" (в переводе М.С. Петровой "*Lego* – действительный глагол. будет спрягаться так: ...в желательном наклонении.. в предшествующем законченном времени и предшествующем предпрошедшем *utinam legissem, legisses, legisset*") [Donatus 1999]

Семантически плюсквамперфект конъюнктива распространяется на всю модально-временную семантическую зону, отделенную от "здесь и сейчас" говорящего или во временном (прошедшее), или в модальном (ирреалис) отношении, или в обоих Подобная эволюция этой формы получила, помимо семантической, и морфологическую поддержку, как отмечается в [Togeby 1966. 177] и [Vaananen 1967 142], формы Perfectum конъюнктива *cantaverim-cantaverit*, имперфекта конъюнктива *cantarem-cantaret* и предбудущего (имевшего и модальные значения, в значительной степени пересекающиеся с Perfectum конъюнктива; о них см. подробнее, напр , в [Hofmann, Szantyr 1965. 322, Mellet 1994: 162–167]) *cantavero-cantaverit*, на значительной части латинской территории в силу фонетических процессов контаминируются, образуя единую парадигму т. н. потенциалиса.

Таким образом, плюсквамперфект индикатива в поздней латыни призван выражать ситуации с реальным референциальным статусом, несомненно, с точки зрения говорящего, имевшие место в прошлом, но отнесенные в неактуальный временной

интервал; плюсквамперфект конъюнктива объединяет все ирреальные и гипотетические модально-временные сочетания, кроме гипотетического настоящего. Итак, обе эти формы образуют парадигму неактуальной "зоны сверхпрошлого", однако нельзя постулировать между ними четкую оппозицию "гипотетичность vs ирреальность"; из прагматических соображений и форма конъюнктива "вторгается" в гипотетический контекст, и форма индикатива – в ярко ирреальный (см. примеры (20) и (14)), причем это последнее употребление грамматикализуется и становится основным для данной формы

6. КОНВЕРГЕНЦИЯ ДВУХ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТОВ НА ПЕРИФЕРИИ РОМАНИИ

Появление и развитие нового, аналитического плюсквамперфекта, опирающегося на новый, также аналитический перфект, а также, по мнению К. Тогебю [Togeby 1966: 179] некоторые фонетические изменения, способствующие контаминации с парадигмой романского аориста (бывшего Perfectum), привели к тому, что в языках-потомках латыни форма плюсквамперфекта индикатива почти повсеместно ограничивается значением условного наклонения, таким образом, генерализуется употребление этой формы в аподосисе условной конструкции, отмечавшееся еще у Цицерона (пример (14)). К идиомам, где прослеживается такая эволюция, относятся далматинский, южноитальянские говоры, франко-провансальский[6], окситанский, гасконский и каталанский [Togeby 1966: 177–180]. В настоящее время все эти формы вымерли, уступив место новому кондиционалису, образовавшемуся из аналитической конструкции "инфинитив + имперфект глагола 'иметь'" (фр. *devrait* < *debere habebat*).

Наследник латинского *cantavissem* во всех романских языках (кроме сардинского, где сохраняется старый имперфект конъюнктива) ограничивается развившимся в позднелатинский период значением претерита косвенного наклонения, однако 'отнесенность к прошлому' становится преобладающей составляющей его значения, эта форма распространяется на целевую ("проспективную", по С. Мелле) модальность в прошедшем (уже начиная с позднелатинской эпохи, например, у бл. Августина):

(21) Saint Hildegarde, l'abbe, voulut [...] que les prieurs la racontassent dans les couvents réguliers [Гюго, "Легенда о монахине"].
'Святому Ильдегарду, аббату, было угодно, чтобы начетчики рассказали [эту историю] во всех монастырях регулярного устава'.

(22) Y habiendo mandado el duque que delante de la plaza del castillo se hiciese un espacioso cadahalso .. [Сервантес, "Дон Кихот", часть II, гл 56]
'И когда герцог приказал, чтобы на площади перед замком был построен просторный помост .'

и на чисто синтаксические употребления конъюнктива:

(23) Bien qu'il fût aveugle, aucun ne l'égalait dans la connaissance des écritures [Флобер, "Искушение св Антония"]
'Хотя он и был слеп, но в знании писаний ему не было равных'

в то время как ирреалис в настоящем начинает передаваться уже имперфектом индикатива

(24) Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait.
'Если б молодость знала, если б старость могла'

---

[6] В литературных франко-провансальских текстах деграмматикализованная и лексикализовавшаяся форма глагола 'долженствовать' *doire* < *debuerat* встречается вплоть до XVII века – подробнее см [Duraffour 1934]

(В современном итальянском языке имперфектом могут кодироваться и ирреальные ситуации, относящиеся к прошедшему

(25) Si venivi, ti divertivi
'Если бы ты пришел, ты бы обрадовался' [Bertinetto 1994])

Таким образом, обе формы-наследницы латинского плюсквамперфекта являются формами различных косвенных наклонений, причем если для *cantaveram* при выборе формы преобладает модальная, то для *cantavissem* – темпоральная составляющая семантики

На этом фоне выделяется судьба латинского плюсквамперфекта в двух окраинных языках романской зоны – в испанском и в румынском

Испанская форма на *-ra*, ставшая предметом обширной литературы (библиографию см в [Togeby 1966, Lunn, Cravens 1991, Klein-Andreu 1991]), засвидетельствована на протяжении многих веков как в темпоральных, так и в модальных значениях В староиспанских памятниках ("Сиде" и романсах) форма на *-ra* носит в основном таксисный·

(26) Demando por Alffonso, do lo podrie fallar, // Fuera el rey a San Fagunt aun poco ha
("Поэма о моем Сиде", [Lunn, Cravens 1991])
'Он спросил, где он мог бы найти Альфонса, // Король незадолго до этого удалился в Сан-Фагунт'

но и антирезультативный характер:

(27) Firme estido Pero Vermudez, por esso nos encamo, // Un colpe reçibiera, mas otro firio
("Поэма о моем Сиде", ibid).
'Храбро держался Педро Бермудес, он не дрогнул, // Один удар получил [было], но ответил на него своим (букв. еще одним)'

а формы с модальным (кондициональным) значением находятся в меньшинстве ([Togeby 1966 180] с ссылкой на результаты [Becker 1928]).

Развитие аналитического плюсквамперфекта оттеснило испанский синтетический плюсквамперфект дальше в план прошедшего; ср вывод Ф Клейн-Андреу, исследовавшей текст XIV века «форма индикатива на *-ra* становится все более и более связанной с "низкофокусной" референцией (то есть с фоновыми событиями), в то время как новый аналитический плюсквамперфект предпочитается для событий переднего плана (foregrounding)» [Klein-Andreu 1991. 173]. Синтетическая форма стала, в частности, выражать предшествование во времени по отношению к ситуации, выраженной аналитическим плюсквамперфектом

(28) Enrique III, al subir al trono a los catorce años para dar fin a la anarquía, que en el Estado alimentaran sus poderosos tutores, había ratificado las ligas hechas por su padre
'Генрих III, вступив на престол в возрасте четырнадцати лет, чтобы положить конец анархии, которую развели в государстве его могущественные опекуны, подтвердил договоры, заключенные ранее его отцом' (де Ларра, XIX век, [Lunn, Cravens 1991 156])

Заметим, что мнение, согласно которому темпоральное значение формы на *-ra* "искусственно восстановлено романтиками в XIX веке" (ср. указания на это в [Squartini 1999, Togeby 1966]), нуждается в корректировке, во всяком случае, академическая грамматика дает два примера на таксисное значение этой формы уже для XVIII столетия – один из них связан именно со "второй степенью предшествования":

(29) A la mitad del siglo, la paz había ya restituído al cultivo el sosiego que no conociera jamás, y a cuyo influjo empezó a crecer y prosperar (Ховельянос, "Доклад об аграрной реформе", [Gramatica 1931. 273]).
'К середине века мирная жизнь уже вернула сельскому хозяйству спокойствие, которого оно никогда не знало [ранее] и благодаря влиянию которого оно начало расти и процветать'

в то же время как, начиная с XVII столетия, преобладает модальная, ирреальная трактовка

(30) También pudieran callarlos por equidad [Сервантес, "Дон Кихот", ч II, гл 3, ibid]
'И все же они могли бы умолчать об этом из чувства справедливости' (пер Н. Любимова)

и наконец, начиная с Кальдерона (XVII век, [Togeby 1966: 180] с ссылкой на результаты [Becker 1928]) господствует употребление в аподосисе (спорадически отмечаемое, повторим, на протяжении всей истории испанского языка) и протасисе ирреальных условных предложений. В первом случае форма конкурирует с "новым" романским кондиционалисом (от *amare habebat*), во втором – с ирреальным имперфектом конъюнктива (произошедшем, как мы знаем, в испанском от плюсквамперфекта конъюнктива)

(31) Yo amara/amaría las riquezas, si mi dieran/diesen la salud que mi falta.
'Я (по)любил бы богатства, если они бы дали мне здоровье, которого мне недостает' [Gramática 1931].

В дальнейшем форма на *-se* повсюду становится заменимой на форму на *-ra*, в частности, в "подчиненных предложениях, содержащих глагол в конъюнктиве" [Gramática 1931 274], иными словами, в случае синтаксического употребления косвенного наклонения

Между тем в современном языке сохраняется и значение формы на *-ra*, как представляется, не связанное с модальностью, это, во-первых, контексты, где она получает таксисную интерпретацию ("прошедшее в прошедшем").

(32) La petición de suspender la cotización fue presentada por el Banco Central después de que a las diez se iniciara la sesión de la bolsa [Squartini 1999 83, модифицированный пример из Hermerén 1992].
'Предложение остановить котировки было внесено Центральным банком после того, как в десять часов началась биржевая сессия'

во-вторых, антирезультативные значения

(33) Naciera en Barcelona en 1910
'Он/она родился (родилась) в Барселоне в 1910 году' ["подразумевается, что этого человека больше нет в живых"][7].

в-третьих, некоторые употребления (как форм на *-ra*, так и на *-se*), модальный характер которых сомнителен

[7] За этот пример, а также за консультацию, мы благодарим Э Оливан Гарсиа и К Уитли (Барселона)

(34) La pareja, que se hiciera famosa por interpretar el papel de marido y mujer en El pájaro espino", es en la vida real un matrimonio feliz (Журнал "¡Hola!", 6 7.1985 [Lunn, Cravens 1991 149])
'Супруги, которые прославились исполнением роли мужа и жены в "Поющих в терновнике", в действительности представляют собой счастливую пару'

(35) Al día siguiente de que Isabel Preysler iniciase en un chalet de Marbella su veraneo, según informamos en la página 44 de este número (Журнал ¡Hola!, 17 8 1985 [Lunn, Cravens 1991 150])
'На другой день после того, как Исабель Прейслер начала свой летний отпуск в коттедже в Марбелье, о чем мы писали на стр 44 этого номера

В исследовании [Lunn, Cravens 1991] эти последние отнесены к "модальным", конъюнктив, согласно авторам, в испанском языке объединяет как гипотетические и ирреальные, так и "хорошо известные читателю" ситуации, но в таком случае аналогичное употребление ожидалось бы и для презенса испанского конъюнктива. На наш взгляд, вряд ли эти примеры из 'желтого" журнала могут говорить о некоторой специфической модальной функции конъюнктива, пока корпус примеров не будет расширен, правомерно говорить о десемантизировавшемся наклонении, которое автоматически вызывается союзом *que* и сложными союзами, его содержащими В таком случае подобный анализ может быть распространен и на пример (32), хотя мы все-таки вправе рассматривать форму в этом примере как несущую и таксисную семантику, потому что в нем употреблена синтетическая *ra*-форма, а не "новый" аналитический плюсквамперфект конъюнктива (*hubiera/hubiese iniciado*).

Не столь долгую историю имело расхождение форм, восходящих к *cantaverat* и *cantavisset*, в румынском языке (о румынском плюсквамперфекте см также [Marin 1975]) В этом языке форма *cântase*[8] "сохраняет значение плюсквамперфекта *cantavisset*, в то же время приобретая модальное значение формы *cantaverat*" [Togeby 1966 175], иными словами, меняет свою принадлежность к наклонению, это связано, согласно К Тогебю [Там же: 183–184], с тем, что балканские языки обладают ограниченным набором форм наклонения, поэтому румынский утеряв имперфект конъюнктива и плюсквамперфект индикатива, воспользовался формой на *-se* для заполнения второй лакуны, а не первой, скорее всего, это также было обусловлено семантической близостью плюсквамперфекта и ирреалиса, но к сожалению, плохая документированность румынского языка вплоть до позднего Средневековья затрудняет детальное изучение этого феномена

Итак, в испанском языке два потомка двух латинских плюсквамперфектов, один из которых продолжает сохранять плюсквамперфектные значения, а другой прошел через их утрату и ограничение чисто модально-временными функциями, становятся в значительной степени (хотя и не целиком) взаимозаменимыми выразителями значений "зоны сверхпрошлого" (предпрошедшее, антирезультатив, ирреалис), в румынском языке одна из этих форм – изначально форма конъюнктива – становится плюсквамперфектом индикатива Возможность возникновения обоих распределений была уже заложена в распределении этих форм, имевшемся в латинском языке накануне распада

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели в типологическом освещении две плюсквамперфектные формы латинского языка, образованные от различных модальных основ, а также их судьбу в процессе эволюции системы Модальные значения, развиваемые латинским плюсквамперфектом индикатива (среди употреблений которого велик удельный вес упо-

[8] В принятой в 1950–90-х годах орфографии *cîntase*

треблений, соответствующих типологически устойчивой "зоне сверхпрошлого"), "наложились" на десемантизированный, синтаксический характер конъюнктива в этом языке, это привело к частичному стиранию семантической границы между обеими формами и к тому, что в двух языках-потомках латыни, относящихся к двум периферийм романского мира, форма-наследник одного из двух латинских плюсквамперфектов 'дрейфует" из одного наклонения в другое

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайс 2001 – *Д Вайс* Двойные глаголы в русском языке // Конференция Языкознание sub specie русистики" ИРЯ РАН 16 VI 2001 (распечатка к докладу)

Зализняк 1995 – *А А Зализняк* Древненовгородский диалект М , 1995

Козинцева 1998 – *Н А Козинцева* Плюсквамперфект в армянском языке // Типология вида проблемы, поиски, решения М , 1998

Майсак, Татевосов 2001 – *Т А Майсак, С Г Татевосов* Ядерные формы глагольной парадигмы // Багвалинский язык Грамматика Тексты Словари / А Е Кибрик (ред -сост) М , 2001

Липеровский 1984 – *В П Липеровский* Глагол в языке хинди М , 1984

Плунгян 1998 – *В А Плунгян* Плюсквамперфект и показатели "ретроспективного сдвига" // Язык Африка Фульбе сб научн статей в честь А И Коваль СПб 1998

Плунгян 2001 – *В А Плунгян* Антирезультатив до и после результата // Исследования по теории грамматики Вып 1 Грамматические категории М , 2001

Сичинава 2001 – *Д В Сичинава* Плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали // Исследования по теории грамматики Вып 1 Грамматические категории М , 2001

Сичинава 2002 – *Д В Сичинава* Типология глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта Дипломная работа МГУ, 2002

Ткаченко 1979 – *О Б Ткаченко* Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков К , 1979

Шошитайшвили 1998 – *И А Шошитайшвили* Функции и статус плюсквамперфекта в глагольной системе Дис канд филол наук РГГУ, 1998

Arnavielle 1978 – *T Arnavielle* Remarques sur l'emploi du plus-que-parfait de l'indicatif en français moderne // Melanges de philologie romane offerts a Charles Camproux V 2 Montpelier, 1978

Becker 1928 – *O Becker* Die Entwicklung des lateinischen Plusquamperfekt-Indikativs im Spanischen Leipzig, 1928

Bertinetto 1994 – *P M Bertinetto* Temporal reference, aspect and actionality their neutralization and interactions, mostly exemplified in Italian // Tense, Aspect and Action Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology / Eds C Bachs, H Basbøll, C E Lindberg B , 1994

Comrie 1985 – *B Comrie* Tense Cambridge, 1985

Dahl 1985 – *O Dahl* Tense and Aspect Systems Oxford, 1985

Donatus 1999 – Donati de partibus orationis ars minor (с параллельным переводом М С Петровой Донат Краткая наука о частях речи) // Диалог со временем 1 М , 1999 (электронная версия http //www krotov org / acts / 04 / 1999petr html)

Duraffour 1934 – *A Duraffour* La survivance du plus-que-parfait de l'indicatif latin en franco provençal // Romania 60 1934

Ernout, Thomas 1972 – *A Ernout Fr Thomas* Syntaxe latine 2-eme ed P , 1972

Fici Giusti, в печ – *F Fici Giusti* Struttura semantica e sintattica dell'imperfetto composto in italiano e in russo В печ

Fleischman 1989 – *S Fleischman* Temporal distance a basic linguistic metaphor // Studies in language, 13 1, 1989

Friedman 1981 – *V A Friedman* The Pluperfect in Albanian and Macedonian // Folia Slavica Columbus OH V 4 1981 № 2–3

Gramática 1931 – Gramática de la lengua española Madrid, 1931

Hermeren 1992 – *I Hermeren* El uso de la forma en *ra* con valor no subjuntivo en el español moderno (Etudes romanes de Lund, 49) Lund, 1992

Hofmann, Szantyr 1965 – *J B Hofmann* Lateinische Syntax und Stilistik / Neubearbeitet von A Szantyr Munchen, 1965

Jespersen 1924 – *O Jespersen* The Philosophy of Grammar L , 1924

Kim 1974 – *N -K Kim* The double past in Korean // Foundations of Language 12 1974

Klein-Andreu 1991 – *F Klein-Andreu* Losing ground. A discourse-pragmatic solution to the history of *-ra* in Spanisch // Discourse-Pragmatics and the Verb The evidence from Romance / Eds S Fleischman, L. Vaugh L , 1991.

Lunn, Cravens, 1991 – *P V Lunn, T D Cravens* A contextual reconsideration of the Spanish *-ra* "indicative" // Discourse-Pragmatics and the Verb The evidence from Romance / Eds S Fleischman, L Vaugh L , 1991.

Marin 1985 – *M Marin* Formes verbales periphrastiques de l'indicatif dans les parlers dacoroumains // Revue roumaine de la lingustique 30 1985

Mellet 1988 – *S Mellet* L'imparfait de l'indicatif en latin classique temps, aspect, modalite Louvain, 1988

Mellet 1994 – *S Mellet* Les temps du passé le plus-que-parfait; Les temps du futur le futur du perfectum, Les temps du subjonctif le subjonctif plus-que-parfait // S Mellet, M D Joffre, G Serbat Grammaire fondamentale du latin: le signifié du verbe. Louvain, 1994.

Mellet 2000 – *S Mellet* Le parfait latin, un preteritum perfectum // Passé et parfait (Cahiers Chronos, 6) / Eds A Carlier, V. Lagae, C Benninger Amsterdam–Atlanta, 2000

Salkie 1989 – *R Salkie* Perfect and Pluperfect: What is the relationship? // Journal of linguistics V 25 1989 № 1

Squartini 1999 – *M Squartini* On the semantics of pluperfect evidences from Germanic and Romance // Linguistic typology 1999 № 3.

Steele 1975 – *S Steele.* Past and irrealis just what does it all mean? // International Journal of American linguistics V 41 1975. № 3

Togeby 1966 – *K Togeby* Le sort du plus-que-parfait latin dans les langues romanes // Cahiers Ferdinand de Saussure 22 1966

Vaananen 1967 – *V Vaananen* Introduction au latin vulgaire Nouvelle éd revue P , 1967.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2003

© 2003 г. М.В. ДЬЯЧКОВ

ФРИЗСКИЙ ЯЗЫК И ФРИЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

В современной Европе в наши дни существует три крупных фризских ареала западный, восточный и северный. Фризские наречия, функционирующие в этих ареалах, отличаются друг от друга по фонологическим, грамматическим и лексическим свойствам Орфографические системы ряда фризских наречий и их нормирование в целом существенно отличаются друг от друга. Например, орфографическая система западнофризского разрабатывалась под существенным влиянием орфографической системы нидерландского языка Северофризское наречие мооринг восприняло из скандинавских языков характерную для них литеру *å*, в северофризских наречиях зельринг и халюндер сохранена немецкая традиция написания существительных с заглавной буквы, орфографическая система феринга подверглась в послевоенный период существенным изменениям и не похожа ни на немецкую, ни на скандинавские системы Таким образом, очевидно отсутствие единой орфографической системы для фризских идиомов

Фризское языковое многообразие исторически складывалось следующим образом Приблизительно в VI веке до н. э. на заливных землях побережья Северного моря, на территории современных Нидерландов, появились германские племена, получившие впоследствии название "фризы". Римляне, впервые вступившие на эти территории в 12 г. до н. э., называли их *Frisii* или *Frisiavoni*. В IV и VI веках н.э , после падения Римской империи, фризы начали продвигаться в юго-восточном направлении вплоть до реки Везер. Они первыми стали осваивать открытое море, которое получило название *Mare Frisicum* "Фризское море".

В 734 г н э. фризские территории были присоединены к империи франков В конце VIII века все территории, заселенные фризами, вплоть до реки Везер, были завоеваны франками, под властью которых оказались фризы. Миграция фризов на восток в современную Северную Фризию осуществлялась поэтапно в VII–XI веках В начале VIII века фризы заселяли острова в Северном море, в начале X века – континентальную часть современной федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн

Предполагается, что массовое передвижение фризов с запада на восток было вызвано давлением со стороны франков. В областях, прилегающих к устью Рейна, земли, занимаемые язычниками-фризами, оставались неподвластными франкам Сменилось несколько поколений, прежде чем были подавлены все очаги сопротивления, и фризы окончательно оказались включенными в состав франкского государства [Лебек 1993: 72, 77]. Таким образом, фризы никогда не имели в течение достаточно длительного исторического времени своего собственного независимого государства, что, по-видимому, и оказало известное воздействие на формирование фризских идиомов

В V веке н. э. в континентальной Европе функционировал ряд германских диалектов, одним из которых был диалект фризов, получивший в лингвистике название протофризского. Вследствие широкой экспансии фризов, о которой говорилось выше, этот диалект, как предполагается, единый, стал распадаться на более мелкие территориальные диалекты

Первые письменные памятники, написанные на так называемом классическом старофризском языке, относятся приблизительно к 1200 г. (фрагменты Псалтыри). В письменных памятниках XIV–XVI веков четко выделяются два варианта – восточ-

ный и западный. Однако во второй половине XV века письменный фризский язык оказался вытесненным нижненемецким языком в землях к востоку от города Лееуварден (современные Нидерланды), а к середине XVI века – нидерландским языком к западу от Лееувардена [Bremmer 2001: 602–605; ср. Århammar 1999: 2].

К первым исследователям фризского языка древнего периода можно отнести работы Франсуа дю Жона (François du Jon), который совершил неоднократные поездки по местам настоящего и прошлого проживания фризов и дал лингвистическое описание фризских текстов более раннего периода; следует отметить также исследования нидерландца Яна ван Влита (Jan van Vliet), который издал сборник текстов законов, написанных на фризском языке; весьма интересны работы пастора Кадовия Мюллера (Cadovius Müller), составившего книгу "Memoriale Linguae Frisicae" и собравшего самые различные сведения о языке, быте, реалиях восточных фризов. Наконец, следует указать на работы Антона Хайснриха (Anton Heisnreich), составившего Северофризскую хронику. Немаловажное значение исследованию и описанию фризского языка на ранних стадиях его функционирования придавали известные лингвисты Я. Гримм и Р. Раск [Ramat 1976: 9–15]. Впоследствии в Северной Фризии стали формироваться отдельные островные и континентальные идиомы. В этот же период сформировались старовосточнофризский и старозападнофризский письменные языки, на которых составлялись юридические документы. В поздний старофризский период (XV–XVI вв.) в основном завершилось диалектное членение фризского языка, а диалекты оказались достаточно изолированными друг от друга.

Новофризский период характеризуется окончательным формированием, нормированием и функционированием западного фризского языка на территории Нидерландов; почти полным вытеснением восточного фризского языка и заменой его нижненемецким на всем северо-западе Германии, а также формированием северных фризских диалектов в герцогствах Гольштейн и Шлезвиг.

В ходе проведения сравнительно-исторических исследований ряд ученых старался показать, что старофризский язык (существенно отличающийся от современных фризских наречий) был генетически гораздо ближе к древнеанглийскому, чем к древненемецкому [Stiles 1995: 177–220]. Тем не менее так и не удалось обнаружить достаточно убедительных доказательств гипотетического существования англо-фризского языкового единства.

Современный немецкий лингвист Н. Архаммар предложил следующую схему этапов развития фризского языка [Århammar 1999: 2]:

V–VI вв. – формирование общефризского языка;
VII–VIII вв. – формирование раннестароюжнофризского, раннестаровосточнофризского и раннестаросевернофризского языков;
X–XI вв. – формирование раннестарозападнофризского языка;
XI–XIII вв. – формирование островного и континентального вариантов старосеверофризского языка;
XIII–XV вв. – формирование отдельных островных и континентальных северофризских языков.

В результате переселений фризов сформировались три больших ареала: западнофризский, северофризский (подразделявшийся на континентальный и островной) и восточнофризский (подразделявшийся на везерский и эмсский).

Фризы господствовали на море как мореходы и торговцы примерно до 1280 г. Господство на море перешло к Союзу Ганзейских городов, но фризы продолжали принимать активное участие в осуществлении морских перевозок и торговле. В течение достаточно длительного времени им удавалось сохранять независимость. И только в 1498 г. фризы были вынуждены подчиниться императору Карлу V. С этого времени письменные варианты фризского языка, использовавшиеся ранее в таких сферах, как юриспруденция, государственное управление, богослужебная деятельность, стали резко сокращать свои коммуникативные функции и, как уже говорилось, были вытеснены другими языками.

В XV в. все северофризские земли, за исключением датских анклавов Вестерланд на острове Фер, Листланд на острове Зильт и острова Амрум, вошли в состав Шлезвигского герцогства. В последующие времена территории, заселенные фризами, переходили от одного государства к другому: в 1744 г. эти земли вошли в состав Пруссии, в 1807 г. – Королевства Голландии, в 1810 г. – Франции, в 1813 г. они отошли опять к Пруссии. С XVII в. на территории проживания северных фризов получил всеобщее распространение в качестве языка богослужения и школьного образования стандартный немецкий язык (Hochdeutsch). В течение столетий фризам не удалось сформировать единую нацию, причем, как представляется, до сих пор отдельные группы фризов объединены между собою лишь традиционным самосознанием и представлением об общем происхождении.

На основании письменных текстов была сделана попытка реконструкции фонологической системы наречия, именуемого классическим старофризским языком (на материале западных и восточных старофризских текстов). Система гласных была реконструирована в виде традиционного набора пяти долгих гласных и пяти кратких гласных фонем:

i i *u u*
e e *o o*
a a.

В эту систему входили также следующие дифтонги: *ia, iu (io), ei.*

Возможное существование каких-либо дополнительных гласных фонем не могло быть подтверждено на материале письменных текстов, поскольку они не были отражены в графике.

В системе согласных были выделены следующие фонемы [Boutkan 2001a: 613–620]:

p pp	*t tt*	*c'*	*k kk*
b bb	*d dd*	*g'*	*g gg*
f	*ð ðð*	*s ss*	*x xx*
r rr	*l ll*		
m mm	*n nn*		
w	*j*		

Старофризский представлял собою флективный язык. В системе существительного выделялось три рода (мужской, женский и средний), четыре падежа (именительный, родительный, дательный и винительный). В каждом из родов были существительные, склоняемые по сильной или по слабой парадигме. Сильная парадигма характеризовалась следующими флексиями:

	мужской род		средний род		женский род	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
И.	*-e*	*-a(r)*	*e*	*-a, -i, -o*	*-e*	*-a*
Р.	*-es*	*-a(na)*	*es*	*-a(na)*	*-e*	*-a*
Д	*-e*	*-on*	*-e*	*-on*	*-e*	*-on*
В.	*-e*	*-a(r)*	*-e*	*-a, -o*	*-e*	*-a, -e*

Слабая парадигма имела следующие флексии:

	мужской род		средний род		женский род	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
И.	*-a, -o*	*-a*	*-e*	*-en, -on*	*-e*	*-a*
Р.	*-a*	*-ana, -ona*	*-a*	–	*-a(n)*	*-a(na)*
Д.	*-a*	*-on*	*-a*	*-non*	*-a*	*-on*
В.	*-a, -o*	*-a*	*-o*	*-on*	*-a*	*-a*

Прилагательные, как и в других германских языках, склонялись и по сильной, и по слабой парадигме. Сильная парадигма использовалась при соотнесении прилагательного с неопределенным существительным, а слабая – с определенным.

Парадигма личных местоимений, как и у существительных, имела три рода и четыре падежа:

мужской род	средний род	женский род	множ. число
И. *hı*	*hıt*	*hıu (hıo)*	*hıa*
Р. *sın*	–	–	*hıara*
Д. *hım*	*hım*	*hıare*	*hıam*
В. *hıne*	*hıt*	*hıa*	*hıa*

В старофризском имелось шесть классов сильных глаголов и два класса слабых глаголов. Личные окончания сильных глаголов выглядели следующим образом [Boutkan 2001b 620–625].

Сильные глаголы		Слабые глаголы	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1. *-e*	*-at(h)*	*-ıe*	*-ıat(h), -ıet(h)*
2. *-est*	*-at(h)*	*-ast, -est*	*-ıat(h), -ıet(h)*
3 *-et(h)*	*-at(h)*	*-at(h), -et(h)*	*-ıat(h), -ıet(h)*

Подробнее о фонологии и морфологии старофризского идиома см [Helten 1970].

Отсутствие единого или хотя бы сходного самоназвания у островных северных фризских наречий привело датского лингвиста П. Иоргенсена к предположению о различном этническом происхождении жителей отдельных островов [Ramat 1976 84]. Это предположение, однако, не нашло ни археологических, ни каких-либо других подтверждений. Скорее всего различные самоназвания островных языков объясняются, как уже говорилось, разновременностью заселения соответствующих территорий и достаточной изолированностью их друг от друга

Существующий в настоящее время фризский языковой ареал подразделяется, как уже было сказано, на западный (в Нидерландах), восточный и северный (в ФРГ).

ЗАПАДНОФРИЗСКИЙ АРЕАЛ

Западнофризский диалект является достаточно нормированным и имеет долгую литературную традицию, на нем говорят порядка 500 тысяч человек. Это позволяет считать его отдельным языком. Он интенсивно функционирует в нидерландской провинции Фрисланд (Fryslan), на нем ведется делопроизводство, школьное обучение, он широко используется в СМИ [Boelens 1993]. Это наиболее многочисленная из фризских языковых общностей, родной язык которой выполняет наибольшее число функций, по сравнению с другими фризскими наречиями. По имеющимся данным, им свободно владеет 74% постоянных жителей провинции, 94 3% постоянных жителей понимает устную речь; 64.5% могут читать и 17% писать на западном фризском языке [Breuker 1996: 39]. Влияние нидерландского языка на западный фризский особенно заметно в городах, находящихся в нидерландской провинции Фрисланд (Лееуварден, Франекер, Доккум, Харлинген, Больсвард и Снеек). Некоторые исследователи считают, что можно говорить о полностью сформировавшемся городском социолекте западного фризского языка [Bree van 1977]. На западнофризском языке имеется достаточно развитая письменная литература, основоположником которой считается Гизберт Япикс (Gysbert Japıcx), живший в XVII веке. Классиками западнофризской литературы считаются Рудольф Канне (1870–1931) и Име Шойтмакер (1877–1961). В настоящее время в провинции Фрисланд ежегодно издается до 90 на-

званий на западнофризском языке, из которых порядка 30 приходится на художественную литературу для взрослых и 20 – на литературу для детей. Крупным научным, педагогическим и издательским центром является основанная в 1938 г. Фризская академия (Fryske Akademy). Кроме нее в провинции функционирует два издательства, специализирующихся на издании литературы на западнофризском языке, включая два литературных журнала. Эти издательства работают в сотрудничестве с "Обществом фризского языка и литературы" и "Обществом писателей и литературных критиков".

Нормированный западнофризский язык имеет несколько территориальных бесписьменных диалектов, функционирующих в сфере бытового общения.

Фонологическая система западнофризского языка выглядит следующим образом:
гласные:

ɪ ɪ y y ʉ ʉ
I e o o o o
ɛ ɛ ô ô
a a

Дифтонги: *ɪʉ, I ʉ, yʉ, ôʉ, oy, ʉɪ, oɪ, ɛɪ, aɪ, a ɪ, ɪɛ, yɛ, ʉɛ, oɛ, oɛ.*
Согласные:

p	*t*	*k*	
b	*d*	*g*	*γ*
f	*s*	*x*	
v	*z*		
m	*n*	*ng*	
r	*l*		

В этом языке обращает на себя внимание обилие дифтонгов, выделяющее его из остальных фризских идиомов.

Морфология

Существительные в западнофризском языке имеют два рода – общий (мужской-женский) и средний. Морфологически принадлежность к тому или иному роду не выражена и определяется лишь сочетанием с соответствующим артиклем· *de koaɪ* "ключ" (общий род), *ɪt mɪel* "еда" (средний род).

Множественное число существительных образуется в обоих родах посредством суффиксов *-en* и *-s*: *bɪezem – bɪezems* "метла", *blom – blommen* "цветок".

Прилагательные, сочетающиеся с существительными общего рода, имеют суффикс *-e*, а относящиеся к существительным среднего рода имеют бессуффиксную форму, например:

farske koffe "свежий кофе" (общий род),

farsk wetter "свежая вода" (средний род).

Система личных и притяжательных местоимений выглядит следующим образом:
Личные местоимения (в единственном числе имеют три рода):

1	*ɪk, my*	*wy, us*
2	*do dy*	*jɪmme, jɪmme*
	jo, jo	*jo, jo (уважительная форма)*
3	*hy , hɪm "он"*	*hja, har*
	hja, har "она"	
	ɪt ɪt "оно"	

Притяжательные местоимения:
myn, dyn, syn, har, us, jɪmme, jo, harren.

Глаголы в западнофризском языке делятся, аналогично другим германским языкам, на сильные и слабые. Глаголы имеют два морфологически оформленных времени – настоящее и прошедшее и два наклонения – изъявительное и повелительное. Остальные временные, видовые и модальные значения выражаются аналитически [Hoekstra 2001].

Система глагольного спряжения (Praesens и Präteritum) выглядит следующим образом:

ед. число	мн. число
1. –	*-e*
2. *-st*	*-e*
3. *-t*	*-e*

ВОСТОЧНЫЙ АРЕАЛ

Восточное фризское наречие (затерландское, или затерфрееск) в значительной степени отличается как от западного фризского, так и от северных Число его носителей постоянно сокращается: в настоящее время им владеет около двух тысяч человек, проживающих в поселках Рамзло (Ramsloh), Штрюклинген (Strücklingen), Шаррель (Scharrel), расположенных в округе Клоппенбург (Cloppenburg) в федеральной земле Нидерзаксен (ФРГ). Это одна из самых малочисленных этноязыковых общин Европы. Начиная с 1988 г. историко-культурным обществом "Seelter Buund" предпринимались неоднократные попытки преподавания восточнофризского в начальной школе Однако эти попытки так и не были последовательно реализованы вследствие недостаточной поддержки со стороны местного населения, заметного различия в поселковых говорах, отсутствия как достаточного числа изданий, так и квалифицированных преподавателей.

Первоначально, в самом начале XIII в., те фризы, которые впоследствии стали именовать себя восточными, вытеснили с этих земель вестфальцев. В этот период восточный фризский (затерфрееск) функционировал достаточно эффективно. Однако впоследствии он оказался практически вытесненным стандартным немецким языком и нижненемецкими диалектами. В настоящее время в исторической Восточной Фризии (федеральная земля Нижняя Саксония – Нидерзаксен в ФРГ) проживает население, владеющее или только стандартным немецким, или стандартным немецким и восточнофризским нижненемецким, несколько отличающимся от северного нижненемецкого. Среди этого населения имеются лица, самоидентифицирующие себя с восточными фризами, а также лица, самоидентифицирующие себя с немцами. Таким образом, здесь достаточно трудно очертить рамки восточнофризского этноса, если вообще возможно говорить о существовании такового.

Значительная роль в сохранении и развитии восточнофризской культуры и восточнофризского нижненемецкого языка принадлежит общественной историко-культурной организации "Восточнофризский ландшафт", которая существует уже более 500 лет. Эта организация выступает в качестве организации, представляющей все население Восточной Фризии. В документах Совета Европы она именуется "субрегиональным парламентом". Однако следует подчеркнуть, что концентрируя свое внимание на восточнофризском нижненемецком языке, "Ландшафт" совершенно не интересуется проблемами функционирования и сохранения наречия затерфрееск.

Восточнофризское наречие обладает следующими структурными свойствами [Fort 2001]:

Фонология

Система гласных:

ɪ ɪ. *у у* *и и*
ɛ е *о.* *о о.*
а *а*

Дифтонги: *aɪ, au, ɛ:u, ɛɪ, ɪeu, ɪu, o:ɪ, oɪ, ou, ȯi, u:ɪ, y:ɪ.*

Система согласных.

p	*t*	*k*	
b	*d*	*g*	*γ*
x	*h*		
m	*n*	*ŋ*	
l	*r*	*j*	

Морфология

Существительное

Существительное имеет три рода, не имеющих морфологического выражения. Род определяется сочетанием с определенным артиклем *die* (муж. род), *ju* (женск. род), *dät* (ср. род). Множественное число существительных образуется посредством суффикса *-s* и сочетается с артиклем множественного числа *do* для всех трех родов.

Личные местоимения

единств. число	множ. число
1. *ɪek, mɪe*	*wɪe, uus*
2. *du, die*	*jie, jou*
3. *hie, ɪhm, ihn*	*jo, ze, hɪm*
ju, hɪer	
et, et	

Ср.: *Iek häbe **ze** blouked, man nit mäd **him** boald.* "Я **их** видел, но с **ними** не разговаривал".

Прилагательные

Прилагательные имеют две формы: суффиксную и бессуффиксную, которые употребляются с существительными всех трех родов. Суффиксная форма употребляется при наличии определенного артикля или какого-либо другого детерминатива.

Глагол

Как и в других германских языках, глаголы делятся на сильные и слабые. Глаголы имеют две морфологически выраженные временные формы настоящего и прошедшего времени. У слабых глаголов форма прошедшего времени образуется посредством суффикса *-d.*

Личные окончания глагола:

	ед число	мн. число
1.	*-e*	*-e*
2.	*-st*	*-e*
3.	*-t*	*-e*

Восточнофризский вариант нижненемецкого языка заметно отличается от варианта, который, наряду с фризскими наречиями, функционирует в Северной Фризии. Перед началом Второй мировой войны он был почти полностью вытеснен из употребления стандартным немецким. В последние годы его роль и значение на данной территории значительно окрепли. По данным обследования, проведенного в 1995 году, 25% населения региона в возрасте от 18 до 34 лет хорошо или очень хорошо владеет восточнофризским нижненемецким языком, наряду, конечно, со стандартным немецким. Он изучается в целом ряде школ региона в качестве учебного предмета,

ежегодно в школах проводятся конкурсы на лучшее знание этого языка и владение им [Seebold 1995: 3].

Поскольку носителями восточного фризского нижненемецкого языка являются не только восточные фризы, но и проживающие совместно с ними немцы, языковой критерий при этнической идентификации личности не используется. Роль играет лишь самоидентификация (деление на немцев и фризов), соответствующая семейной традиции.

СЕВЕРОФРИЗСКИЙ АРЕАЛ

Около 50 тысяч северных фризов проживает в округе Нордфризланд федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн (ФРГ), из них около 10 тысяч активно владеют фризскими наречиями и около 20 тысяч – пассивно. На эти 30 тысяч человек приходится десять северофризских наречий, значительно отличающихся друг от друга, особенно на лексическом и грамматическом уровнях. К этим наречиям относятся: континентальные – видингхардский, мооринг, кархардский, северогоэсхардский, среднегоэсхардский и островные – зельринг (остров Зильт), феринг (остров Фер), оомранг (остров Амрум), халифрееск (несколько небольших островов вокруг острова Пельворм) и халюндер (остров Гелиголанд). Из общего числа носителей на феринг приходится около 2 тысяч, на оомранг – около 700 человек, на зельринг – около 500–700 человек, на халюндер – 500 человек, на мооринг – 1500–2000 человек, на все остальные языки приходится порядка пяти тысяч носителей [Steensen 2001].

Все эти наречия обладают существенными различиями на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях, причем некоторые из них были в последние десятилетия нормированы, что позволяет рассматривать их как отдельные близкородственные северофризские языки, особенно принимая во внимание отсутствие объединяющего их наддиалектного языка

В созданном в 1950 г. при Кильском университете словарном отделе (Worterbuchstelle) первоначально пытались составлять единый северофризский словарь. Однако вскоре пришли к выводу, что лексические различия настолько существенны, что вряд ли составляемый словарь может рассматриваться как единый В дальнейшем сотрудники отдела сосредоточились на составлении словарей отдельных языков-диалектов. К наиболее разработанным и описанным северофризским языкам относятся феринг, мооринг и зельринг.

Существенная роль в сохранении и развитии северофризских языков и культуры принадлежит Северофризскому институту (Nordfriisk instituut), научно-педагогическому и издательскому центру, расположенному в городе Бредштедт. Институт работает в сотрудничестве с двумя национально-культурными обществами – Северофризским союзом патриотов и краеведов (около пяти тысяч членов) и Союзом фризов (около одной тысячи членов). Различие между союзами состоит в том, что первый рассматривает фризов как отдельную этническую группу (Volksgruppe), а второй – как отдельный этнос. Подобные расхождения в подходах к сохранению и развитию этнической культуры и языков в немалой степени препятствует формированию единого северофризского языка.

Идея преподавания северофризских диалектов в школе впервые появилась в XX веке на волне активизации фризского этнокультурного движения, когда фризы остро ощутили угрозу своему этнокультурному выживанию. На первых порах введение в школьную программу местного северофризского диалекта как предмета обучения поддерживалось далеко не всеми. Многие родители опасались, что обучение диалекту, который рассматривался ими как "простонародный говор", может затруднить овладение стандартным немецким языком, понизит конкурентоспособность детей. И только в послевоенный период такие сомнения были полностью устранены усилиями фриз-

ской интеллигенции и активистов фризского этнокультурного движения. Однако еще в 1960-е годы в большинстве северофризских семей местный фризский диалект считался чрезвычайно непрестижным. В наши дни положение в известной степени изменилось. В плане преподавания фризского языка в ФРГ осуществляются экспериментальные проекты по сквозному преподаванию фризского языка, начиная с детского сада и до окончания средней школы, а также по преподаванию на фризском ряда учебных предметов.

По владению местными языками фризы северного ареала делятся на следующие группы: не владеющие своим этническим идиомом (особенно представители среднего поколения); двуязычные – владеющие фризским идиомом и стандартным немецким языком; трехъязычные – владеющие фризским идиомом, стандартным немецким и нижненемецким языками; четырех- и даже пятиязычные – владеющие одним из северофризских идиомов, стандартным немецким, нижненемецким, местным диалектом датского языка и стандартным датским. В одном из исследований описывается ситуация, когда жена фермера разговаривала со своим мужем и детьми, а также с мясником по-фризски, с булочником – по-нижненемецки (он не владел местным фризским), а с приезжими соседями – по-немецки [Russ (ed.) 1987]. Подобные ситуации часто встречаются на севере Германии, особенно вблизи границы с Данией.

В настоящее время правительство федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн принимает меры по сохранению живых фризских языков, хотя зачастую эти меры представляются не вполне адекватными ни в плане финансирования, ни в плане организационной помощи. Следует отметить, что в разделе 2 статьи 5 земельной конституции Шлезвиг-Гольштейна говорится: "Датское национальное меньшинство и этническая группа (Volksgruppe) фризов имеют право на защиту и поддержку" [Steensen 2001: 20]. Таким образом, на официальном уровне фризы рассматриваются не как отдельный миноритарный этнос, а как этническая группа в рамках немецкого этноса, что совпадает с позицией Северофризского союза патриотов и краеведов. Мое личное общение с многими немецкими фризами свидетельствует о том, что они принимают такой статус без каких-либо возражений, внутренне признавая свою принадлежность одновременно и к северным фризам, и к немцам.

Рассмотрим некоторые примеры словарных различий между отдельными северофризскими идиомами:

	дед	**бабушка**	**отец**	**мать**
феринг	*ualaatj*	*ualmam*	*aatj*	*mam*
зельринг	*Gooki*	*Mootji*	*Faaðer*	*Mooter*
халюндер	*Groofoor*	*Oot*	*Foor*	*Mem*
халифрееск	*ualbaabe*	*aol*	*baabe*	*mam*
мооринг	*åte*	*åål*	*taatje*	*mam*
видингхардер	*uuiltaate*	*aalmaam*	*taate*	*maam*

Наблюдаются подобные расхождения и в других слоях словарного фонда, частично под воздействием немецкого языка, например: "тропинка" – *stich* (мооринг), *stegelk* (феринг), *paad* (видингхардер); "велосипед" – *fiilj* (мооринг), *wel* (феринг), *rat* (халюндер), *tjil* (видингхардер) и т. д. [Jörgensen 1993].

Считается, что попытки создать единый северный фризский язык могли бы привести лишь к отмиранию каждого из них в отдельности. Отсюда немецкая лингвистическая общественность не допускает даже и мысли о возможности создания единого современного северофризского или общефризского языка. Нет такой потребности и на бытовом уровне, ибо функции единого языка общения полностью выполняются немецким языком.

Представляет интерес сопоставление фонологических систем трех наиболее описанных и стандартизованных северофризских языков: феринг, мооринг и зельринг.

мооринг и феринг
Гласные

ɪ ɪ	*ʉ ʉ*	*ʉ ʉ*
e e	*o o*	*o o*
ɛ ɛ		*ô ô*
	a a	

дифтонги *ɛɪ, aɪ, aʉ, ʉɪ oɪ, oɪ, oʉ*
Согласные

p	*t*	*t*	
b	*d*	*d*	
k	*h*		
g	*χ*		
f	*s*	*š*	
x	*h*		
k	*g*		
m	*n*	*n*	*ŋ*
l	*l*		
r	*j*		

Таким образом, фонологические системы мооринга и феринга представляются сходными Несколько отличается от них фонологическая система языка зельринг
Гласные

I ɪ	*U ʉ*	*U ʉ*
ɛ e	*o o*	*o o*
	ô ô	
	a a	

дифтонги *aɪ, aʉ, ɪa, ôɪ, ʉɪ*
Согласные

p	*t*	*t*	
b	*d*	*ð*	
k	*g*		
x	*h*		
f	*v*	*s*	*š*
m	*n*	*n*	*ŋ*
l	*l'*		
r	*j*		

В отличие от феринга и мооринга в языке зельринг не имеется палатализованной фонемы *d'*, но имеется межзубная фонема *δ* [Walker 2001]

Различия и сходства между различными северофризскими идиомами, а также между ними и стандартным немецким можно видеть на следующем примере:

Наш фризский язык есть ключ к нашей собственной земле

Немецкий *Unsere friesische Sprache ist der Schlussel zu unserem eigenen Land*

Видингхардский *Uusen freeske spreeke as dɪ koɪe to uus oɪn luɪn*

Мооринг *Uusen frasche sprake as dɪ koɪe tu uus aɪn lonj*

Северогоэсхардский *Uusen fraische spraike as dɪ koɪe tu uus aɪn lonj*

Халлиген *Us freesk spreek ɪs dɪ koɪe to us aan loon*

Зельринг *Uus solrɪng spraak es dɪ kaɪ to uus aɪn lon*

Феринг *Usens ferɪng sprɪak as de kaɪ tu usens aanj luɪn*

Халюндер. *Iɪ halunder Spreek es de Sleetel tu ɪɪ ooɪn Luɪn*

Из приведенных примеров видно, что фризские наречия отличаются друг от друга не только знаменательной лексикой, но и орфографическими системами Как уже говорилось, например, в языках мооринг и зельринг, долгое время находившихся под влиянием датского языка, имеется буква *å*, а в языке зельринг, как и в немецком, существительные пишутся с заглавной буквы Существенные различия между языками существуют на всех уровнях Различия в северофризских идиомах во многом объясняются разновременностью продвижения фризов с запада на восток и заселения континентальных территорий и островов Тем не менее в фризских идиомах последовательно наблюдаются некоторые общие морфосинтаксические свойства, в частности, специфическое употребление инфинитива, который формально выступает в функции дополнения, а по значению представляет собою часть сказуемого, например

Феринг – *Hat kaam utj at hus reenen* – Она выбежала из дома (букв вышла из дома бежать),

Мооринг – *Ju sat bai e scheew tu lanen saien* – Она сидит за столом и шьет белье (букв сидит за столом шить белье),

Затерфреск – *Do ouer Iemen fingen deer oun tou Hunichsaiken* – Другие пчелы начали сами искать мед (букв получили там себе чтобы мед-искать) [Hoekstra 1992]

Следует заметить что разноязычные фризы, общаясь между собою на различных фризских языках, держат в пассиве множество не употребляемых ими слов Например, если житель острова Фер называет стол – *boosel*, то где-то в глубине сознания у него заложено, что фриз, говорящий на языке мооринг, назовет его *scheew*, фриз с острова Зильт – *Staal*, а с острова Гельголанд – *Taffel* В процессе коммуникации эти пассивные знания активизируются

Сами фризы считают, что могут понимать друг друга в процессе общения, говоря на различных северных фризских идиомах Мне, как иностранцу, более или менее владеющему языком феринг, это не представлялось возможным Несомненно, значительную роль в этом случае в фризской среде играет аксиологический фактор любой фриз психологически настроен на то, что если не вполне понятный ему (ей) язык относится к фризским, он должен быть понятным И происходит объективизация этого субъективного внутреннего убеждения

Рассмотрим некоторые грамматические свойства северофризских феринга и мооринга в сопоставлении со стандартным немецким [Arfsten 1964, Jorgensen 1978, Wilts 1995, Andersen 1997]

Существительное

Род и число

Существительное в языке феринг имеет два рода – мужской и общий, и два числа – единственное и множественное, таким образом в нем несовпадение приблизительно одинаковых по звучанию и значению слов в распределении по родам и по суффиксам множественного числа весьма значительно В качестве примеров можно привести слова *at hun* (*-en*) – *die Hand* (*Hande*), *at briaf* (*briaw*) – *der Brief* (*Briefe*), *a skutel* (*skutler*) – *die Schussel* (*Schusseln*), *a aanj* (*aanjer*) – *das Ende* (*Enden*) и т д

В языке мооринг выделяется три рода мужской, женский и средний и также два числа Несмотря на то, что структура грамматической категории рода в языке мооринг совпадает с немецкой по числу родов, она отличается по своему наполнению, а также по использованию суффиксов множественного числа, например ср *dåt bi aif* (*braiwe*) – *der Brief* (*Briefe*), *dåt dulj* (*dule*) – *der Teil* (*Teile*), *di diipde* – *die Tiefe* и т д Несовпадение по принадлежности к грамматическому роду и по образованию множественного числа сходных по звучанию слов в немецком языке, феринге и мооринге объясняется внутренними закономерностями этих языков, которые М М Маковский характеризовал как скрытые "генные" процессы, отдельные для каждого наречия, независимо от его генетического происхождения [Маковский 1992]

В языке феринг, как правило, множественное число образуется с помощью суффиксов *-er* и *-en*, причем употребляются эти суффиксы с существительными обоих родов В некоторых случаях при образовании множественноего числа вместо суффикса или наряду с ним используются аблаут мужской род – *bruler – braaler* 'брат , *tus – tes* "зуб", общий род – *gus – ges* гусь", *hool – hool* отверстие, дыра", *hood – hood* ' голова", *skab – skeb* корабль , выпадение гласной мужской род – *kiarel – kiar ler* парень', *pusel – pusler* "горница" *sturem – sturmer* ' буря" общий род *goobel – goobler* "вилка", *taarep – tarpen* деревня, поселок", *woning – wonger* "окно', изменение согласной мужской род – *stich – stiger* "главная улица в поселке', *tuf – tuwer* вор , общий род – *knif – knuwer* 'нож , *briaf – briaw* 'письмо"

Немногочисленные существительные с суффиксом *-tje (-je)* образуют множественное число с помощью суффикса *-jn* мужской род – *bolje –boljn* 'напиток типа крюшона , общий род – *baantje – baantjn* должность", *litje – litjn* ' песня'

Некоторые существительные образуют множественное число нестандартно *dai – daai* день", *skuch – skur* ' туфля

Единичные существительные, как правило, общего рода образуют множественное число посредством суффикса *-ing hus – husing* "дом", *holt – holting* "дрова ', *jaat – jaading* "улица

Ряд существительных имеют одну и ту же форму в единственном и во множественном числах мужской род – *karmen* мужчина", *steewel* сапог" общий род – *bian* 'нога", *swin* "свинья", *schep* овца"

В языке мооринг у большинства существительных множественное число образуется посредством суффикса *e* мужской род – *hun – hune* собака", *maister – mais tre* ' мастер", женский род – *scheew – scheewe* "стол", *kat – kate* "кошка средний род – *lom – lome* баран", *wurd – wurde* "слово'

Группа слов (по большей части обозначающие отношения родства) образуют множественное число посредством суффикса *ne brouder – brouderne* "брат", *suster – susterne* 'сестра', *doochter – doochterne* дочь", *foomen – foomne* девочка", *naiber – naiberne* "сосед '

Небольшое число слов образует множественное число с помощью суффиксов *-nge, -s knif – knuwinge* ' нож", *mus – musinge* ' мышь", *tun – tooninge* ' сад", *kjail – kjarls* парень" *moon – mååns* "мужчина"

Некоторые слова образуют множественное число посредством аблаута *kroif – krouwe* трактир , *schoif – schuur* "туфля" *stuk – stoogne* штука, предмет , *wai – weege* путь

Падежные значения

В обоих рассматриваемых языках, как правило, падежные значения существительных выражаются с помощью соответствующих предлогов и места существительного в предложении Некоторое исключение составляет значение принадлежности (родительный падеж), которое в языке феринг выражается посредством конструкции определяющее слово + притяжательное местоимение + определяемое слово Притяжательное местоимение имеет род, соответствующий роду и числу определяемого слова

Ualaatj sin mots as smok – Шапка деда красивая

Aatj san uuntochas smok – Костюм деда красивый

Det as Gontje an Nanning hor foomen Mia – Это дочка Гонтье и Наннига Миа

В редких случаях значение родительного падежа выражается посредством суффиксов ***-s*** и ***-en*** *aatjen stuul* "стул отца , *naibuurs guard* "сад соседа

В языке мооринг значение родительного падежа выражается посредством суффиксов ***-s, -ns*** *naiber – naibers hus* 'дом соседа , *ate – atens tun* сад отца"

Имена собственные и слова с обозначением родства выражают значение косвенных падежей посредством суффикса ***-n***

Haast Patjern sanj? "Видел ли ты Петера?"

Waat du taatjen dåt duunj? "Отдашь ли ты это отцу?"

Hɪ hålt foole foon Hansen? "Он высоко оценивает Ганса"

Артикль

В обоих языках существует три типа артиклей неопределенный артикль ***en***, употребление которого совпадает с употреблением неопределенного артикля *eɪn, eɪne* в немецком языке, и два типа определенных артиклей

Выделительно-определенный артикль – в языке феринг ***a*** (мужского рода единственного числа), ***at*** (общего рода единственного числа), ***a*** (обоих родов множественного числа), в языке мооринг – ***e*** (мужского и женского рода единственного числа и всех трех родов множественного числа), ***et*** – среднего рода единственного числа,

Указательно-определенный артикль, который выполняет функцию указательного местоимения с несколько ослабленным значением

– в языке феринг ***de*** (мужского рода единственного числа), ***det*** (общего рода единственного числа) и ***dö(n)*** (обоих родов множественного числа), в языке мооринг ***dɪ*** (мужского рода единственного числа), ***jü*** (женского рода единственного числа), ***dåt*** (среднего рода единственного числа) и ***da*** (всех трех родов множественного числа) Примеры

язык феринг

A *praaster as kraank wurden* "Пастор заболел" (в поселке имеется единственный пастор) ***At*** *klook as eɪ rocht* "Часы не верны" (в комнате имеются только одни часы)

Uub't eɪlun haa ɪk ma ***en*** *foomen bekaand maget Leederhen ɪk an* ***det*** *foomen feerd efter Hamborɪg* "На острове я познакомился с девушкой (какой-то, одной из) Позднее я и девушка (именно эта) поехали в Гамбург"

Du fraagest hufol ***de*** *rok koostet* "Ты спрашиваешь, сколько стоит пиджак" (тот пиджак, который надет на мне)

язык мооринг

Door ***e*** *waning kom* ***en*** *lait mouneschɪn* "Через окно (данной комнаты) проникал лунный свет'

Hɪ wooged da jarste traase twas ***et*** *rum* "Он сделал первые шаги по комнате' (в которой он лежал)

Dɪ *stɪɪnj lai boowen* "Камень (тот, о котором говорилось) лежал наверху"

Det stald ***jü*** *tjuk fomen* "Там стояла (эта самая) толстая девушка".

Dåt *stuk wus baɪsti godj* "Вещь (о которой говорилось) была очень хорошей"

Во многих предложных конструкциях артикль не употребляется, несмотря на то, что предмет имеет совершенно определенное значение

феринг *uub boosel* "на столе", *uun dornsk* "в комнате", *beeft husɪng* ' за домами' и т п

мооринг *an tun* "в саду", *aader husinge* "за домами" и т п

Существенные расхождения наблюдаются в отношении принадлежности к грамматическому роду и способу образования множественного числа у сходных по звучанию и значению слов в стандартном немецком и фризских языках

стандартный немецкий	феринг	мооринг
письмо – *der Brief* (*-e*) (м р)	*at brɪaf* (*brɪaw*) (общ р)	*dåt braif* (*braiwe*) (с р)
часть – *der Teil* (*e*) (м р)	*at dial* (*-en*) (общ р)	*dåt dɪɪlj* (*dɪɪlje*) (с р)
кухня – *die Kuche* (*-n*) (ж р)	*at koogem* (*koogmer*) (м р)	*dɪ koogen* (*koogne*) (м р)
женщина – *das Weib* (*-er*) (с р)	*at wuf* (*-en*) (общ р)	*ju wuset* (*wuste*) (ж р)
школа – *die Schule* (*-n*) (ж р)	*at skuul* (*-en*) (общ р)	*dåt scholj* (*schoule*) (с р)

Прилагательные

В отличие от немецкого языка прилагательные в языке фёринг не имеют частных грамматических категорий числа и падежа, обладая только степенями сравнения

При употреблении прилагательного с существительным мужского рода единственного числа с неопределенным артиклем ***-en*** в языках фёринг и мооринг прилагательное приобретает суффикс ***-en***:

фёринг *en smoken hunj* "(какая-то) красивая собака";

мооринг *en uuljen moon* "(какой-то) старый человек"

В языке мооринг прилагательные в мужском роде и во всех трех родах множественного числа имеют суффикс ***-e***, в остальных случаях, кроме указанного выше случая, они употребляются в бессуфиксной форме:

dɪ uulje moon "старый мужчина", *ju uulj wuset* "старая женщина", *uulje mååns* 'старые мужчины", *uulje wuste* "старые женщины"

Степени сравнения прилагательных (сравнительная и превосходная) в обоих языках образуются посредством суффиксов ***-er*** и ***-st***, соответственно:

фёринг	*grat – grater – gratst* ' большой"
	huuch – huuger – huuchst ' высокий"
	gratem – gratmer – gratemst "громкий"
мооринг	*naɪ – naɪer – naɪst* "близкий"
	grut – gruter – grutst "большой"
	huuch – huugeɪ – huuchst "высокий"

Ряд прилагательных в обоих языках образует сравнительную и превосходную степени супплетивно:

фёринг	*gud – beeder – best* (*baast*) "хороший"
	lung – lɪnger – lɪngst "длинный"
	ɪarɪg – aarger – aarɪgst "плохой"
	ual – aaler – aalst "старый"
мооринг	*godj – baader – beest* "хороший"
	lung – långer – långst "длинный"
	arj – eerer – eerɪst "плохой
	uulj – åler – ålst "старый"

Местоимения

Личные местоимения в обоих языках имеют два числа (единственное и множественное) и два падежа (именительный и общий). Система личных местоимений достаточно близко отстоит от немецкой:

Лица		Множественное		Единственное	
немецкий	фёринг	мооринг	немецкий	фёринг	мооринг
1 *ɪch – mɪch – mɪr*	*ɪk – mɪ*	*ɪk – me*	*wɪ – uns*	*wɪ – us*	*we – us*
2 *du – dɪch – dɪ*	*du – dɪ*	*du – de*	*ɪhr – euch*	*jam – jam*	*jam – jam*
3 *er – ɪhn – ɪhm*	*hɪ – ham*	*hɪ – ham*	*sɪe – ɪhnen*	*o – jo*	*ja – jam*
sɪe – ɪhr – sɪe	*hat – hor*	*ju – har*			
es – es – ɪhm	*(h)at – (h)am*	*dåt – dåt*			

В языке фёринг в безударной позиции в предложении некоторые личные местоимения могут употребляться в краткой форме.

ɪk – 'k, hɪ – er ('r), ham – 'n, hat – 's ('es), hor – 's ('es), wɪ – 'f ('ef), jam – 'm ('em), jo – 's ('es)

В языке мооринг краткая форма используется реже и не со всеми личными местоимениями *he – 'r, ham – 'n, ju – 's, har – 's, dåt – 't, jam – 'm, ja –'s*

Притяжательные местоимения в обоих языках имеют два числа – единственное и множественное Местоимения единственного числа обладают категорией рода, соответствующей роду определяемого имени

феринг

Единственное		Множественное
Мужской	Общий	
man	*mın*	*uusens* (*uus*)
dan	*dın*	*jamens* (*jau*)
san	*sın*	*horens* (*hor*)

Краткие формы притяжательных местоимений множественного числа (*uus*, *jau*, *hor*) используются для обозначения семейной принадлежности

Притяжательные местоимения единственного числа имеют абсолютные формы· *manen* (*mınen*), *danen* (*dınen*), *sanen* (*sınen*)

мооринг

Единственное		Множественное
Мужской	Женский/Средний	
man "мой"	*mın*	*mın*
dan "твой '	*dın*	*dın*
san "его"	*sın*	*sın*
harn "ее"	*har*	*har*
uusen "наш'	*uus*	*uus*
jarnge "ваш"	*jarnge*	*jarnge*
jare "их"	*jare*	*jare*

Указательные местоимения в обоих языках изменяются по родам и числам:

феринг	мооринг
deheer "этот", *dedıar* "тот"	*dıheere* "этот' , *juheer* "эта", *dåtheeı* "это"
detdıar ' эта, это", *detdıar* "та, то"	*dıdeere* "тот", *judeeı* "та", *dåtdeer* "то"
donheer 'эти", *dondıar* "те"	*daheere* "эти", *dadeere* "те"

Вопросительные местоимения:

феринг:

hoker "кто", *wat* "что, какой (-ая, -ое)"; *wat for, hog* "который (-ая, -ое)".

мооринг:

huum "кто, кого, кому"; *huumsen* "чей"; *huums* "чья, чье, чьи", *wat* "что, чего, чему", *huken* "который", *huk* "которая, -ое, -ые"; *wat for* "что за".

Определительные, неопределенные, отрицательные местоимения:

феринг.

ale "все", *arken, arke* "каждый, каждая (-ое)", *hoker* "кто-то", *neemen* "никто", *neen, nıan* "никакой, никакая (-ое)", *nant* "ничто", *oler* "другой, -ое, -ая, -ие"

мооринг:

åål (*e*) "весь, вся, все"; *arkıınj* (*arkenån*) "каждый", *huum, hu* "кто-то"; *wat* "что-то", *nån* "никакой", *nıımen* "никто"; *ouder* "другой"

Глаголы

Глагол в обоих языках обладает частными грамматическими категориями лица, числа, времени, залога и наклонения.

Как и в других германских языках, в языках феринг и мооринг глаголы делятся на стандартные (слабые) и нестандартные (сильные).

Спряжение глаголов в изъявительном наклонении:

феринг

Стандартный глагол *hıar* "слышать".

Нестандартные глаголы *kem* (*kaam, kımen*) "приходить", *wees* (*wıar, wesen*) "быть", *haa* (*hed, hed)* "иметь"

мооринг

Стандартный глагол *hiire* "слышать

Нестандартные глаголы *kaame* (*kom, kiimen*) "приходить , *weese* (*wus, wåån*) "быть", *heewe* (*hai, hadj*) "иметь".

Настоящее время

	феринг	мооринг
ik	*hiar, kem, san, haa*	*hiir, kam, ban haaw*
du	*hiarst, komst, beest, heest*	*hiirst, kamst, bast haast*
hi	*hiart, komt, as, hee*	*hiirt, kamt bast, heet*
wi/we	*hiar, kem, san, haa*	*hiire, kame, san, haawe*
jam	*hiar, kem, san, haa*	*hiire, kame, san, haawe*
jo/ja	*hiar, kem, san, haa*	*hiire, kame, san, haawe*

Прошедшее время.

феринг	мооринг
ik hiard, kaam, wiar, hed	*hiird, kom, wus, hai*
du hiardst, kaamst, wiarst, hedst	*hiirdest, komst, haist*
hi hiard, kaam, wiar, hed	*hiird, komt, wjarst, hai*
wi/we hiard, kaam, wiar, hed	*hiirden, komen, wjarn, hain*
jam hiard, kaam, wiar, hed	*hiirden, komen, wjarn, hajn*
jo/ja hiard, kaam, wiai, hed	*hiirden, komen wjarn, hain*

Значение будущего часто выражается в обоих языках контекстуально посредством глагола в настоящем времени.

Перфектные времена (настоящее и прошедшее) образуются в обоих языках посредством вспомогательных глаголов *haa/heewe* и *wees/weese* (соответственно в настоящем или прошедшем времени) и третьей формы смыслового глагола Третья форма (причастие прошедшего времени) у стандартных глаголов совпадает с формой прошедшего времени, а у нестандартных – образуется по-разному

Вспомогательный глагол *wees/weese* используется с глаголами движения и состояния В целом распределение между *haa/heewe* и *wees/weese* отличается от подобного распределения в немецком языке, но достаточно подробно не исследовано

В языке феринг форма единственного числа повелительного наклонения совпадает со словарной формой глагола, во множественном числе к ней прибавляется суффикс (*e*)*m*

Toonke ham for sin halep "Поблагодари его за (его) помощь .

Toonkem ham for sin halep "Поблагодарите его за (его) помощь".

В языке мооринг повелительная форма обоих чисел соответствует бессуффиксной форме инфинитива

Пассивный залог

Пассивный залог употребляется в языках феринг и мооринг достаточно часто Образуется форма пассивного залога посредством глагола *wurd/wårde* "становиться", выступающего во вспомогательной функции, и третьей формы основного глагола

Спряжение глагола *wurd/wårde*

феринг		мооринг	
Настоящее время	Прошедшее время	Настоящее время	Прошедшее время
ik wurd	*wurd*	*wård*	*word*
du wurst	*wurdst*	*wårst*	*wordst*
hi wurt	*wurd*	*wårt*	*word*
wi/we wurd	*wurd*	*wårde*	*worden*
jam wurd	*wurd*	*wårde*	*worden*
jo/ja wurd	*wurd*	*wårde*	*worden*

Сходные по звучанию и значению глаголы в стандартном немецком и фризских языках могут различаться по стандартности/нестандартности, а нестандартные глаголы – по образованию своих форм:

стандартный немецкий	*феринг*	*мооринг*
	Нестандартные глаголы	
есть		
essen-ass-gegessen	*ıdj-eed-eeden*	*aase-atj-ın*
просить		
bıeten-bot-geboten	*bad-beed-beden*	*bade-baıd-bın*
носить		
tragen-trug-getragen	*tjı-toog taanjen*	*dreege droıch-draagen*
приходить		
kommen-kam-gekommen	*kem-kaam-kımen*	*kıme-kåmd-kåmd*
оставаться		
bleıben blıeb-gebliеben	*blıw-bleew-blewen*	*blıwe-blıif-blaawen*
писать		
schreıben schrıeb-geschrıeben	*skrıw skreew-skrewen*	*schrıwe-schrıif-schraawen*
связать		
bınden-band-gebunden	*bınj-boon-bunjen*	*bıne-bun-bunen*
бежать		
laufen-lıef-gelaufen	*luup-lep-lepen*	*luupe-lup-lım*

Стандартные глаголы в немецком и нестандартные в фризских

полагать		
meınen	*men-maand-maand*	*mıne-mınj-mınjd*
сказать		
sagen	*saı-saad-saad*	*seede-saa-saıd*
класть		
legen	*leı-laı-laanjen*	*leede-laıd-laıd*
искать		
suchen	*schuk-soocht-soocht*	*sake-soocht soocht*
зажечь		
zunden	*ten-taand taand*	*tınj-tånd-tånd*

Различия в парадигме временных форм в немецком языке и языках феринг и мооринг глаголов, сходных по звучанию и значению, объясняются факторами, характеризуемыми М.М. Маковским как различные наборы генов у каждого отдельного идиома [Маковский 1992].

В языке феринг имеются две формы инфинитива. краткая (словарная) и суффиксная (суффиксы *-en* или *-ın*), а в языке мооринг – три формы словарная (чаще всего оканчивающаяся на *-e*), суффиксная (с суффиксом *-en*) и усеченная (без конечного *-e*), которая употребляется только в определенных случаях.

В языке феринг словарная форма (бессуффиксная) употребляется только после модальных глаголов, во всех остальных случаях – после других глаголов с частицей **tu**, а также в функции подлежащего или дополнения употребляется суффиксная форма

At wuf sted tu snaakin "Женщина остановилась (чтобы) поговорить"

Du heest dach nant tu saıen "Тебе, однако, нечего сказать"

Auersaatin uub tjısk as boos wıchtıg, tar ham uub ferıng spreegt "Переводить на немецкий язык очень важно, когда говорят по-ферингски"

Wı skel usens ferıng sprıık ***brük****, wan wı det* ***hual*** *wel* "Мы должны **использовать** наш язык феринг, если мы хотим **сохранить** его"

В языке мооринг словарная форма употребляется после модальных глаголов – *Monje we ju scheew lıne*? "Должны ли мы накрывать на стол?"; *Dåt koost aı dreege* "Этого ты не сможешь вынести"

Форма инфинитива с суффиксом *-en* употребляется после частицы *tu* и после глаголов *bliwe* "оставаться", *hüre* 'слушать , *kaame* "приходить", *lüre* учить", *sünj* "видеть", *heewe* "иметь ' *Dåt as aı lacht tu begrıpen* Это не легко понять ; *We hurden jam lååken* "Мы слышали, что вы смеетесь '

В случае сочетания инфинитива с союзом *an* 'чтобы употребляется усеченная форма *Dåt as nınt an* ***lååk*** *atj* "Над этим нечего (чтобы) смеяться ; *Hı maı aı hål ouerweese an* ***luup*** "Он не любит (чтобы) бегать

Предлоги и наречия, употребляемые в функции предлогов

Многие предлоги и наречные предлоги в языках феринг и моринг полностью совпадают или сходны, например *am/am* "около, на, в", *auer/ouer* о (об), над", *ban/bane* "внутри' , *bı/baı* "при, в , *bıt/bıt* 'до", *boowen/buute* "вверх(у)", *door/door* через, сквозь' , *efte/eefter* "после, на, в" (о направлении движения) *faan/foon* "от", *for/for* "для", *loongs/långs* 'вдоль , *ma/ma* 'с" (совместность), *mad/made* "среди, посреди", *saner/suner* "без' , *sant/sunt* "с" (о времени), *tesk* (*tesken*)*/twasche* между, сквозь", *tu/tu* "к, до", *utj/ut* 'из' , *uun/onj* 'в ' и т д

Союзы

Также совпадают или сходны между собою в обоих языках некоторые наиболее употребительные союзы, например (в алфавитном порядке) *an/an* "**и**", *auer/ouer* "потому что", *dat/dåt* "что", *wan/wan* "если, когда" и т д

Тем не менее в ряде случаев между двумя языками наблюдаются существенные различия в употреблении предлогов и союзов, например (фер) *beefi* – (моор) *aader* "позади", (фер) *foor* – (моор) *ür* перед , (фер) *of* – (моор) *weer* "ли", (фер) *of* – (моор) *unti* ' или" и т д.

Различия между континентальными и островными северофризскими наречиями привели некоторых исследователей к достаточно радикальному и полностью недоказанному выводу о том, что эти наречия восходят к различным источникам [Bremmer 2001 8]

Рассмотренный в статье материал позволяет придти к следующим выводам:

– В настоящее время не представляется возможным говорить о существовании единого фризского языка В различных регионах Европы функционирует ряд близкородственных стандартизованных и нестандартизованных фризских наречий, причем некоторые из них, в свою очередь, распадаются на местные диалекты или говоры;

– Фризы не сформировались в качестве единого этноса, а представляют собою этнические группы, объединенные общим самосознанием и самооценками Субъективно фризские этнические группы стремятся к единству, что имеет исторические корни В частности, существует единый Фризский совет, включающий в себя равное представительство от западных, восточных и северных фризов, периодически собираются общефризские конгрессы и конференции,

– В ареалах проживания фризов функционируют стандартизованный западнофризский язык и ряд стандартизованных и нестандартизованных северофризских наречий Восточнофризское наречие скорее всего можно характеризовать как нестандартизованное и практически бесписьменное Создание единого наддиалектного общефризского языка, по крайней мере в настоящее время, не представляется возможным Вряд ли возможно и создание единого стандартизованного языка в северофризском ареале,

– Вопрос о различных источниках происхождения континентальных и островных северофризских наречий требует дальнейшего изучения и в настоящее время остается открытым

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лебек 1993 – *С Лебек* Происхождение франков М , 1993

Маковский 1992 – *М М Маковский* Лингвистическая генетика М , 1992

Andersen et al 1997 – *V T Andersen* Kleine friesische Sprachlehre Mooringer Mundart Bredstedt, 1997

Arfsten 1964 – *R Arfsten* Kleine Sprachlehre der fohringer Sprache Bredstedt, 1964

Århammar 1999 – *N Århammar* Zur Vor- und Fruhgeschichte der Nordfriesen und des Nordfriesischen // Modernisierung des Wortschatzes europaischen Regional- und Minderheitenssprachen Tubingen 1999

Boelens 1993 – *K Boelens* The Frisian language Leeuwarden, 1993

Boutkan 2001a – *D E H Boutkan* Phonology and orthographic system of Old Frisian // Handbook of Frisian studies Tubingen, 2001

Boutkan 2001b – *D E H Boutkan* Morphology of Old Frisian // Handbook of Frisian studies Tubingen, 2001

Bree van 1977 – *C van Bree* Die Syntax des Stadtfriesen // Friesische Studien III Odensee, 1977

Bremmer 2001 – *R Bremmer* The Geographical division and periodization of Old Frisian // Handbook of Frisian Studies Tubingen, 2001

Breuker 1996 – *P Breuker* Distancing in Modern West Frisian // A Frisian and Germanic miscellany Odense, Bredstedt, 1996

Fort 2001 – *M C Fort* Das Saterfriesische // Handbook of Frisian studies Tubingen, 2001

Helten 1970 – *W L Helten* Altostfriesische Grammatik Leeuwarden, 1970

Hoekstra 1992 – *J F Hoekstra* Fering tu-infinitives North Sea Germanic syntax and universal grammar // Friesische Studien I Odense, 1992

Hoekstra 2001 – *J F Hoekstra* Standard West Frisian // Handbook of Frisian studies Tubingen, 2001

Jorgensen 1978 – *V T Jorgensen* Kort sprakelir foon dat mooringer frasch Bredstedt, 1978

Jorgensen 1993 – *V T Jorgensen* Interfriisk leksikon Bredstedt, 1993

Ramat 1976 – *P Ramat* Das Friesische Eine sprachliche und kulturgeschichtliche Einfuhrung Innsbruck, 1976

Russ 1987 – *Ch Russ* Dialects of modern German London, 1987

Seebold 1995 – *E Seebold* Wer waren die Friesen – sprachlich gesehen? // Friesische Studien II Odense, 1995

Steensen 2001 – *Th Steensen* Geschichte Nordfrieslands in der Neuzeit // Handbook of Frisian studies Tubingen, 2001

Stiles 1995 – *P V Stiles* Remarks on the 'Anglo-Frisian Thesis // Friesische Studien II Odensee, 1995

Walker 2001 – *A Walker* Die norfriesischen Mundarten // Handbook of Frisian studies Tubingen, 2001

Wilts 1995 – *O Wilts* Friesische Formenlehre in Tabellen Husum, 1995

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2003

© 2003 г. А.К. КАЗКЕНОВА

МОТИВИРОВАННОСТЬ ЗАИМСТВОВАННОГО СЛОВА
(на материале современного русского языка)

1. Задача нашей статьи – описать заимствования как мотивированные языковые единицы. Возможность такого описания допускается уже потому, что само признание некоего языкового элемента заимствованием предполагает существование его прототипа в иной языковой системе и осознание связи между данными единицами со стороны носителей принимающего языка.

Для обозначения зависимости заимствования от той иноязычной единицы, которая послужила основой для его появления, в дальнейшем будем использовать термин "межъязыковая мотивированность". Выбор термина обусловлен тем, что данный тип языковой связи, при всем своеобразии, во многом сопоставим с отношениями между мотивированным и мотивирующим словами в пределах одного языка. Анализ межъязыковой мотивированности осуществляется на материале современного русского языка.

2. Опираясь на опыт исследования заимствованной лексики, а также используя результаты исследований в области теории номинации, словообразования, теории мотивации, попытаемся дать лингвистическую характеристику связи "заимствование – иноязычный прототип".

1) Зависимость заимствования от иноязычного прототипа в значительной степени конвенциональна. Это значит, что данная зависимость может осознаваться не только билингвами, но и монолингвами, говорящими только на принимающем языке. Конвенциональность межъязыковой мотивированности объясняется тем, что и само употребление заимствованных слов не является показателем свободного владения языком – источником заимствования: "Если француз-спортсмен говорит на французском языке, начиненном английскими словами, то это еще не значит, что он умеет говорить по-английски, даже если он правильно произносит употребляемые им английские слова" [Вандриес 1937: 246].

Представление о межъязыковой мотивированности в первую очередь перенимается от билингвов, а также формируется при ознакомлении со справочной литературой, в процессе анализа, сопоставления языковых фактов и т.д. Сами формальные и семантические особенности заимствования, отсутствие производящего в языке-реципиенте также подталкивают монолингвов на поиск иноязычных причин появления этой единицы.

2) Заимствование появляется в языке в результате воспроизведения иноязычного материала. В этом плане интересно сопоставить межъязыковую мотивированность с теми типами мотивированности, которые выделены в теории мотивации: относительным и абсолютным[1]. Их противопоставление основано на том факте, что обозначение может быть мотивировано либо другими языковыми единицами, либо внеязыковой

[1] В иной терминологии "мотивированность по внутренней форме" и "мотивированность по внешней форме" [Кияк 1989].

действительностью [Блинова 1984; Адилова 1996] и др. В первом случае говорят об образовании в языке производных слов и значений, во втором – звукоподражаний.

Межъязыковая мотивированность со всей очевидностью связана с обоими типами мотивированности. Появление заимствований так же, как и относительно мотивированных слов, обусловлено существованием мотивирующих языковых элементов. С абсолютно мотивированными обозначениями заимствования объединяет то, что и те, и другие появляются в языке при воспроизведении (и неизбежном искажении) первоначального звукового ряда.

В то же время межъязыковая мотивированность не сводится ни к одному из выделенных типов мотивированности. Отождествлению межъязыковой мотивированности с относительной мотивированностью препятствует принадлежность заимствования и иноязычного прототипа к самостоятельным, изолированным друг от друга языковым системам. Объединение межъязыковой мотивированности с абсолютной мотивированностью невозможно уже потому, что в заимствовании воспроизводится не просто звук (звуки), а другой языковой знак (знак другой языковой системы).

3) Воспроизведение иноязычного материала в заимствовании допускает более или менее значительные отступления от него. Семантические отступления от иноязычного прототипа чаще всего связаны с особенностями контекста, его ограничивающей (уточняющей) функцией, формальные отступления обусловлены различиями фонетических систем взаимодействующих языков. И формальные и семантические отличия, как правило, усугубляются при незнании о существовании прототипа.

4) Важнейшим условием установления данной зависимости является хотя бы частичное освоение заимствования в новой языковой среде, в этом случае уже можно говорить о возникновении новой единицы в заимствующем языке. Это условие исключает из зоны межъязыковой мотивированности варваризмы или иноязычные вкрапления, т.е. неадаптированные иноязычные единицы.

5) Со временем межъязыковая мотивированность способна деактуализироваться. Иначе говоря, о межъязыковой мотивированности относительно того или иного заимствования можно говорить до тех пор, пока в сознании носителей заимствующего языка оно противопоставляется, прежде всего в силу своих формальных и семантических особенностей, "своим" (или по Е.Д. Поливанову, "чисто русским с обывательской точки зрения" [Поливанов 2001: 298]) словам.

Кстати, именно с таким состоянием иноязычного слова – от момента закрепления в речи и языке до момента растворения в системе "исконных" единиц заимствующего языка – традиционно связывается употребление термина "заимствование" в лингвистике.

6) Поскольку прототип и заимствование принадлежат к разным языковым системам, они могут относиться к разным временным срезам (ср. латинские заимствования в современных языках).

В противоположность этому связь между мотивированным и мотивирующим словами внутри одного языка существует только в синхронии.

7) Связь "заимствование – иноязычный прототип" ретроспективна: имеет направление от результата языкового процесса к его "исходной" точке. Такое направление объясняет достаточность фрагментарного знания языка-источника для установления межъязыковой мотивированности. Исследование этой связи в обратном направлении менее актуально, ибо переход слова (здесь – иноязычного прототипа) из языка в язык не является обязательным условием его функционирования.

Результаты словопроизводства в рамках одного языка, как известно, анализируются в обоих направлениях (ср. термины "мотивация" – "производность", а также "относительный план словообразования" – "абсолютный план словообразования" [Жаналина 1998]).

8) Будучи мотивированными единицами, заимствования примыкают к непроизводным словам заимствующего языка. И, наоборот, производность – свойство исконных слов: "Производными словами или словами, имевшими в русском языке про-

изводящее, называем такие слова, которые либо были образованы в русском языке (в древнерусскую, старорусскую эпоху или в новое время), либо унаследованы из праславянского языка и сохраняли в русском языке живые связи со своим производящим..." [Улуханов 1992: 8].

Заимствование – это фактически единственный продуктивный способ пополнения количества непроизводных слов в русском языке[2]. Потому заимствованные единицы активно используются в тех случаях, когда языковые знаки должны быть предельно условны (при выполнении терминологической, эвфемистической, криптолалической и др. функций).

9) Межъязыковая мотивированность проявляется не только при закреплении заимствования в принимающем языке, но также способна оказывать влияние и на характер его последующих изменений. В силу действия межъязыковой мотивированности в языке может наблюдаться "коррекция" формы и содержания заимствования под воздействием иноязычного прототипа. Ср., с одной стороны, изменение семантики заимствований *бизнес, космополитизм, спекуляция* в русском языке последних лет, с другой стороны, изменение формы заимствований-онимов *Алмаата, Ашгабат, Кокшетау* (ср.: *Алма-Ата, Ашхабад, Кокчетав*).

10) Межъязыковая мотивированность имеет функциональную значимость. Как и "внутриязыковая мотивированность", она может выполнять в тексте важную функцию – способствовать семантической интерпретации мотивированной единицы на основе его связи с мотивирующей. Действительно, несмотря на "автономность" заимствования в принимающем языке, указание в тексте на его иноязычный прототип, его семантику позволяет адресату понять значение заимствования, а также оценить целесообразность его использования. Например: "Венцом инженерных и медицинских изысков стало появление *эйрбагов* (airbag), или подушек безопасности" ("Деловая неделя". 1999, 8 окт.); "Пять правил, которые нужно знать, чтобы стать хорошим *юзером* (user – пользователь (англ.))" ("Комсомольская правда". 1998, 9 окт.).

В условиях современной коммуникации межъязыковая мотивированность и внутриязыковая мотивированность обнаруживают еще большее функциональное сходство. Как известно, в рамках одного языка мотивирующая единица известна адресату, и потому в тексте, содержащем мотивированное обозначение, она может вообще отсутствовать – благодаря своей языковой компетенции адресат сумеет ее восстановить.

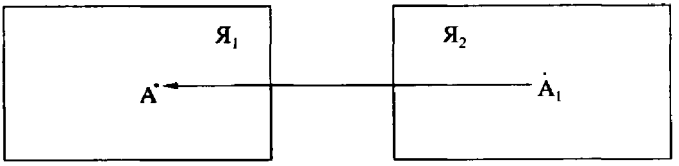
В настоящее время распространение билингвизма, относительная этимологическая однородность новых заимствований (подавляющее большинство составляют английские заимствования) обусловили возможность введения в русский текст нового/малоизвестного слова также без ссылок на его иноязычный прототип. Ранее такое употребление заимствования было возможным, если оно состояло из интернациональных языковых элементов, по преимуществу греческих или латинских по происхождению. Приведем некоторые примеры функционирования новых англицизмов в русской речи: "*Комби-стиль* – это так удобно!" ("Лиза". 1999, № 20); "Ранее 62 молодых ученых, победивших в конкурсе *трэвел-грантов*, проводимом в рамках того же проекта, получили возможность принять участие в международных научных конференциях" ("Известия". 2000, 2 марта); "Он делает потрясающей красоты фотографии, обрабатывает их на компьютере и помещает в *лайт-боксы*" ("Известия". 2002, 1 авг.). Применение такого способа введения нового заимствования со стороны говорящего должно быть продиктовано уверенностью в том, что адресат готов самостоятельно совершить поиск мотивирующего (иноязычного прототипа), с тем чтобы потом произвести семантическую интерпретацию неизвестного слова, необходимую для понимания всего текста или его фрагмента. Многочисленность подобных примеров в речи не поз-

---

[2] В отличие от иноязычного заимствования, переход производных слов в разряд непроизводных/немотивированных является довольно длительным процессом, а изобретение произвольного звукового комплекса требует значительных усилий от говорящего.

воляет рассматривать данный способ использования заимствований лишь как источник коммуникативных неудач (в связи с этим ср.: "...даже если нам в обычном тексте встречается совершенно незнакомое слово, мы a priori не считаем, что это слово лишено смысла..." [Якобсон 1985: 60–61]).

Итак, межъязыковая мотивированность – это формальная и семантическая зависимость заимствования от иноязычного прототипа, осознаваемая носителями заимствующего языка. Межъязыковая мотивированность может быть представлена схематически (см. рис. 1):



$Я_1$ – зона языка-источника, $Я_2$ – зона принимающего языка,
A – иноязычный прототип, A_1 – заимствование,
$A_1 \rightarrow A$ – межъязыковая мотивированность

Рис. 1

Введение понятия и термина "межъязыковая мотивированность" расширяет сферу мотивированных слов. Получается, что "мотивы" обозначения целесообразно искать не только в плоскости отдельно взятой языковой системы или же в звуковом многообразии окружающего мира, но также в контактирующих языках.

3. Полное описание соотношения заимствования и иноязычного прототипа должно охватывать звуковую и содержательную стороны обеих единиц [Ефремов 1970]. Единственным способом достижения этой задачи представляется рассмотрение иноязычного прототипа как исходного пункта, а заимствования как конечного пункта единого процесса и их последующее сопоставление. В теории заимствования эта задача в значительной степени реализована в ходе анализа семантической и формальной адаптации заимствований (см. работы А.И. Смирницкого, Ю.С. Сорокина, Л.П. Крысина, А.В. Суперанской, В.Г. Костомарова, Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, В.М. Аристовой, Л.П. Ефремова, Н.И. Гайнуллиной и мн. др.).

Укажем на наиболее общие тенденции исследования освоения заимствований в новой языковой среде. Формальная адаптация заимствований часто рассматривается как явление, сопровождающее семантическое освоение этих единиц. Вместе с тем существует и ряд работ, в которых формальная сторона иноязычных по происхождению слов находится в центре внимания авторов, см. [Суперанская 1962; 1968; Тимофеева 1995] и др.

Формальная сторона заимствований, ее отличия от формы иноязычных прототипов исследуется в ряде аспектов: фонетическом (+ акцентологическом), грамматическом, орфографическом. При этом отмечается, что формальная адаптация не является обязательным условием включения слова в языковую систему, а также то, что характер формальной адаптации зависит от влияния различных факторов: от степени различия систем взаимодействующих языков, от письменного/устного способа заимствования, от степени распространенности двуязычия среди говорящих на заимствующем языке и др.

Исследование семантической адаптации заимствований обычно осуществляется в русле одного из двух подходов, различия между которыми обусловлены разными представлениями об иноязычном прототипе.

С первой точки зрения прототипом признается слово как совокупность всех его значений, или лексема. Соответственно, и заимствование с этих позиций рассматривается как сформированная в той или иной степени лексема.

Сопоставление заимствований и прототипов выявляет различие в системах значений. Отмечается, что заимствованию свойственно сужение семантической структуры прототипа.

Со второй позиции прототип представляет собой не лексему в целом, а конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ). Следовательно, заимствование расценивается как форма существования этого ЛСВ в другой языковой среде.

При этом объектами сравнения уже являются отдельные значения, а не комплексы значений прототипов и заимствований, что дает такому подходу определенные преимущества. Во-первых, очевидно, что анализ лексем разных языков, осуществляемый с первых позиций, основывается на изучении составляющих их ЛСВ. Во-вторых, признание ЛСВ прототипом соответствует "логике" заимствования: заимствуются, как правило, не лексемы, а отдельные значения.

Второй подход позволяет сопоставить предметно-понятийную отнесенность разноязычных единиц. Обнаруживаются факты совпадения предметно-понятийной отнесенности прототипа и заимствования, сужения, расширения, полного изменения данного компонента лексического значения прототипа в заимствовании [Загоровская 1987].

Особое место в ряду аспектов адаптации заимствований отводится словообразовательной адаптации, выражающейся прежде всего в участии этих единиц в деривационных процессах языка-реципиента и определенности их морфемного состава. Словообразовательная адаптация заимствований, затрагивающая их форму и содержание, наблюдается на этапе укрепления этих слов в языковой системе и функционирования в речи в качестве единицы этой системы: производящая основа в дериватах оформляется уже в соответствии с законами русского языка, само же наличие дериватов у заимствований косвенно подтверждает целесообразность их включения в язык.

В ракурсе словообразовательной адаптации заимствования традиционно рассматриваются как производящие/мотивирующие слова. Будучи непроизводными знаками, заимствования, действительно, отличаются особой деривационной активностью, ср.: "В целом непроизводные слова обладают значительно большим словообразовательным потенциалом, чем производные слова" [Тихонов 1985, т. 1: 47] . Дериваты заимствованного слова, помимо выполнения своих номинативных функций, способствуют в какой-то степени восстановлению равновесия между производными и непроизводными, исконно русскими и заимствованными словами, нарушенного вследствие иноязычного влияния.

Однако в ходе словообразовательной адаптации заимствования можно наблюдать и такое явление, как пересечение межъязыковой мотивированности с "собственно мотивированностью" (внутриязыковой мотивированностью), о котором речь пойдет ниже.

4. В системе русского языка (и в сознании носителей этого языка) существует достаточно обширная зона пересечения межъязыковой мотивированности и внутриязыковой мотивированности, прежде всего относительного типа. Пересечение выражается в том, что заимствования, являющиеся членами межъязыковых корреляций и в то же время непроизводными единицами, способны вовлекаться и в сферу мотивированных знаков принимающего языка. Этот факт подтверждает наблюдение Л.В. Щербы о том, что "говорящие очень склонны устанавливать звуковые сходства слов" [Щерба 1974: 65].

При ближайшем рассмотрении обнаруживаются разные типы пересечения. Так, в первую очередь можно говорить о системных и окказиональных пересечениях. Их противопоставление основывается на: 1) возможности/невозможности формального и семантического сближения заимствований с этимологически нетождественными словами заимствующего языка (например, с исконно русскими словами); 2) возмож-

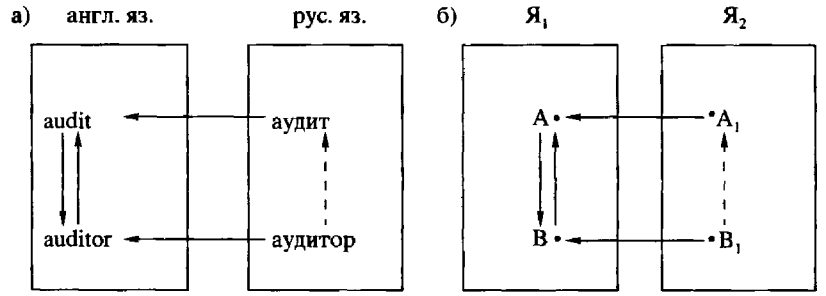
ности/невозможности трансформации заимствованных слов с целью "прояснения" их связи с теми или иными единицами заимствующего языка; 3) возможности/невозможности обнаружения аналогий между связями заимствований в принимающем языке и связями их прототипов.

Противопоставление системных и окказиональных пересечений соотносится с традиционной оппозицией "язык – речь". Различие типов пересечения внутриязыковой и межъязыковой мотивированности, по нашему мнению, допускает использование разных подходов к их описанию. Так, системные пересечения могут быть подтверждены лексикографическими данными, например, наличием общих, пересекающихся, фрагментов в словарях иностранных слов и словообразовательных словарях, а окказиональные пересечения, представляющие собой результаты индивидуального творчества говорящих, – конкретными высказываниями и текстами, письменными и устными.

4.1. Рассмотрим сначала случаи системного вовлечения иностранных слов в сферу внутриязыковой мотивированности, или, иначе, сближения заимствований с квазимотивирующими/квазипроизводящими словами, также иноязычного происхождения. Выявлению этих случаев способствовало сопоставление языкового материала, зафиксированного в словарях иностранных слов и словообразовательных словарях русского языка[3]. Несмотря на то, что в этих словарях представляются разные аспекты языка, в них можно обнаружить многочисленные "совпадения", "пересечения": слово, фиксируемое в словаре иностранных слов как заимствование, нередко предстает как производное в словообразовательном словаре.

Примерами системного пересечения межъязыковой и внутриязыковой мотивированности могут служить следующие пары слов: *аудитор – аудит* (англ. *auditor – audit*), *бизнесмен – бизнес* (англ. *businessman – business*), *рэкетир – рэкет* (англ. *racketeer – racket*), *авансировать – аванс* (фр. *avancer – avance*), *маскировать – маска* (фр. *masquer – masque*), *декорация, декоратор, декорировать – декор* (фр. *décoration, décorateur, décoratif – décor*), *дефективный – дефект* (нем. *defektiv – Defekt*), *синьора – синьор* (ит. *signora – signor*) и т.д.

Подобные пересечения можно представить схематически, см. рис. 2а, 2б.



A, B – иноязычные прототипы, A_1, B_1 – заимствования

Рис. 2

Несмотря на очевидную формальную и семантическую взаимосвязь заимствований (A_1 и B_1), объективно их переход в русский язык совершался параллельно, а сама взаимосвязь не является результатом деривации. Слова типа *аудитор, бизнесмен*

[3] В качестве опорных словарей были выбраны [СИС 1982; 1997] и [Тихонов 1985; Ефремова 2000].

(т.е. первые члены представленных выше объединений) принадлежат, по выражению И.С. Улуханова, к разряду мотивированных, но не имеющих производящего [Улуханов 1992].

Схематическое изображение системного пересечения позволяет подчеркнуть симметричность связей между парами разноязычных единиц ($B_1 \leftarrow A_1$, $A \rightleftharpoons B$). Очевидно, что связь между заимствованиями ($B_1 \leftarrow A_1$) в заимствующем языке возникает как отражение связей их прототипов ($A \rightleftharpoons B$).

Анализ случаев пересечения межъязыковой мотивированности с внутриязыковой при отсутствии формальных изменений заимствований позволяет говорить о регулярности/нерегулярности такого пересечения.

4.1.1. Регулярное пересечение наблюдается при наличии в языке: а) квазимотивирующего слова (основы) у соответствующего заимствования, б) группы заимствований с аналогичными финалями и общими семами в лексических значениях (ср. в связи со словом *аудитор* ряд наименований лиц *директор, оратор, спонсор, диктор, инвестор, кредитор*). При соблюдении таких условий заимствования типа *аудитор* воспринимаются как единицы некоего системного объединения, как реализации одной модели.

Если слово – точка пересечения межъязыковой и внутриязыковой мотивированности – разлагается в сознании носителей языка на компоненты, отождествляющиеся с морфемами родного языка или действительно ставшие таковыми [ср. компоненты *-ист, -изм, -ацию(а), -ирова(ть)* и др.], то в этом случае может возникнуть проблема квалификации данного слова и того способа номинации, который был использован для его образования (либо заимствование, либо словообразование) [Крысин 1997].

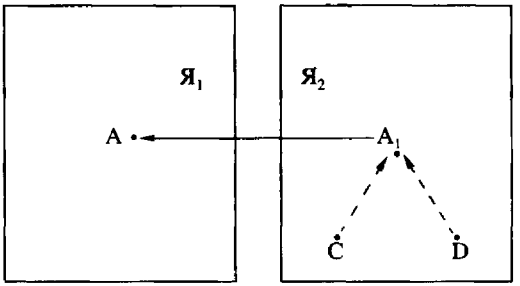
В зону регулярных системных пересечений вовлекаются и факты так называемого "вторичного заимствования", "когда иностранное слово, уже освоенное русским языком, принимало на себя новое значение" [Биржакова и др. 1972: 259]. В этом случае новый ЛСВ заимствования расценивается не только как отражение языкового взаимодействия, но и как результат возможного переосмысления в новой языковой среде. Приведем примеры. ЛСВ слова *вирус* ("компьютерный вирус") заимствован из английского языка (*virus*), но легко выводится и из ранее известного в русском языке значения "микроорганизм, возбудитель заразной болезни" ЛСВ слова *шок* ("потрясение"), также являющийся семантической калькой (англ. *shock*), может быть связан и с первым значением данного слова "реакция организма на травму, ожог и т.д." [ТС 1998]. Еще один пример. Слово *провайдер*, сравнительно недавно заимствованное русским языком в значении "организация, предоставляющая информационные услуги", по-видимому, расширяет свою семантическую структуру за счет значения "поставщик", которое может быть интерпретировано как калька исходного ЛСВ английского слова *provider* и как результат развития многозначности слова в русском языке, ср.: "Другая проблема – угрожающие темпы увеличения СПИДа по республике, основным *провайдером* которого, как и в других странах СНГ, является наркотик" ("Деловая газета". 2002, 28 июня).

4.1.2. В отличие от регулярного, нерегулярное пересечение межъязыковой и внутриязыковой мотивированности характеризуется наличием у заимствования лишь квазимотивирующей основы, а финаль такого слова может восприниматься как уникальная морфема, ср. *сумотори – сумо, компаньон – компания, геном – ген, шансонье – шансон*.

4.2. Окказиональное вовлечение заимствований в разряд мотивированных единиц осуществляется в ситуации их трансформации, т.е. тогда, когда состав заимствования подвергается переразложению (при этом его частям приписываются несвойственные им прежде значения) или форма заимствования "подгоняется" под звуковой облик известных говорящему слов. Трансформация заимствований может быть преднамеренной и непреднамеренной. Квазимотивирующим словом в этом случае может быть как заимствованное, так и исконно русское. При окказиональных пере-

сечениях исключается возможность обнаружения каких-либо аналогичных им корреляций в языке-источнике (ср. с системными пересечениями).

Схематически окказиональное пересечение изображено на рис. 3.



C, D – единицы принимающего языка

Рис. 3

4.2.1. Преднамеренная трансформация заимствования, превращающая его в мотивированное слово, наблюдается в фактах языковой игры. Такая трансформация стала сейчас достаточно распространенным приемом привлечения внимания к текстам (прежде всего публицистическим и рекламным). Приведем примеры: *лизинг – лизать* [«Программа "Глас народа" ... намеревалась обсудить проблему взаимоотношений интеллигенции и власти – проблему тем более актуальную, что на наших глазах "*лизинг*" (по остроумному замечанию журналиста НТВ Павла Лобкова) превратился в национальный вид спорта – кто быстрее добежит до объекта и *лизнет* с наибольшей приятностью для оного» ("Известия". 2000, 22 янв.)]; *депрессия – пресса* ["*Депрессия*" – название телепередачи, в которой предлагается обзор прессы].

4.2.2. Непреднамеренное окказиональное пересечение межъязыковой и внутриязыковой мотивированности проявляется в примерах народной (ложной) этимологии. Например, это явление наблюдается тогда, когда носитель русского языка связывает появление слова *спартакиада* со словом *спорт* (и может его написать с буквой О), слова *спортсмен* – со словами *спорт* и *смена* (или даже словосочетанием *спортивная смена*)[4]. Трансформируя заимствование, говорящий может даже не предполагать о существовании иноязычного прототипа, считая изменяемое слово частицей родного языка.

Отметим, что сегодня в речевой практике носителей русского языка преобладает преднамеренная трансформация заимствования (языковая игра), нежели непреднамеренная (народная этимология). Безусловно, это связано с распространением билингвизма, сменой "языковых вкусов" и др. факторами.

5. Система мотивированных единиц русского языка должна быть расширена за счет включения в нее заимствований. Действительно, заимствования нельзя отождествлять с произвольными звуковыми рядами и другими немотивированными элементами языка, поскольку они, как и производные слова и значения, имеют основу для своего появления – иноязычные прототипы. Заимствованные единицы представляют собой воспроизведение иноязычных прототипов в иной языковой среде. Это отличает связь между заимствованиями и их прототипами, обозначенную нами как

[4] Приведем примеры подобной интерпретации заимствований носителями казахского языка: слово *майонез* говорящим было соотнесено с известным ему словом *май* "жир, масло", слово *табу* с казахским глаголом *табу* "находить, найти". Отметим, что значения обоих заимствованных слов интерпретатору были хорошо известны.

"межъязыковая мотивированность ', от уже описанных в лингвистической литературе типов мотивированности Следует подчеркнуть, что объективность межъязыковой мотивированности особенно убедительно подтверждается в условиях интенсивного языкового взаимодействия, наблюдаемого в настоящее время

Несмотря на специфику межъязыковой мотивированности, она обнаруживает функциональное сходство с внутриязыковой мотивированностью Кроме того, в русском языке существует обширная зона пересечения данных типов мотивированности Появление этой зоны – это следствие самостоятельного функционирования заимствований в системе русского языка Факты этого пересечения довольно разнообразны Объективность их существования в языке и языковом сознании находит подтверждение как в речи (текстах), так и в словарях

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адилова 1996 – *А Д Адилова* Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц) Дис канд филол наук Томск, 1996

Биржакова и др 1972 – *Е Э Биржакова* и др Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века Языковые контакты и заимствования Л , 1972

Блинова 1984 – *О И Блинова* Явление мотивации слов (лексикологический аспект) Томск, 1984

Вандриес 1937 – *Ж Вандриес* Язык Лингвистическое введение в историю М , 1937

Ефремов 1970 – *Л П Ефремов* Заимствованное слово и прототип // Русское и зарубежное языкознание Вып 3 Алма-Ата, 1970

Ефремова 2000 – *Т Ф Ефремова* Новый словарь русского языка Толково-словообразовательный в 2-х т М , 2000

Жаналина 1998 – *Л К Жаналина* Сопоставительное словообразование русского и казахского языков Алматы, 1998

Загоровская 1987 – *О В Загоровская* Семантическое освоение лексических заимствований (финно-угорские заимствования в русских говорах Коми АССР) // Семантика слова и синтаксической конструкции Воронеж, 1987

Кияк 1989 – *Т Р Кияк* О видах мотивированности лексических единиц // ВЯ 1989 № 1

Крысин 1997 – *Л П Крысин* Словообразование или заимствование? // РЯШ 1997 № 6

Поливанов 2001 – *Е Д Поливанов* Иностранная терминология как элемент преподавания русского языка // Международный научный семинар "Е Д Поливанов и его идеи в современном освещении Смоленск, 2001

СИС 1982 – Словарь иностранных слов 9-е изд М , 1982

СИС 1997 – Словарь иностранных слов актуальная лексика, толкования этимология М , 1997

Суперанская 1962 – *А В Суперанская* Заимствование слов и практическая транскрипция М , 1962

Суперанская А В 1968 – *А В Суперанская* Ударение в заимствованных словах в современном русском языке М , 1968

Тимофеева 1995 – *Г Г Тимофеева* Новые английские заимствования в русском языке Написание Произношение СПб, 1995

Тихонов 1985 – *А Н Тихонов* Словообразовательный словарь русского языка В 2-х т М , 1985

ТС 1998 – Толковый словарь русского языка конца XX века Языковые изменения / Под ред Г Н Скляревской СПб, 1998

Улуханов 1992 – *И С Улуханов* Мотивация и производность (о возможностях синхронно диа хронического описания языка) // ВЯ 1992 № 2

Щерба 1974 – *Л В Щерба* О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность Л , 1974

Якобсон 1985 – *Р Якобсон* Звук и значение // Избранные работы М , 1985

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2003

© 2003 г Е Э. РАЗЛОГОВА

АБСТРАКТНОЕ И КОНКРЕТНОЕ В СЕМАНТИКЕ ФРАНЦУЗСКИХ *BEAU* И *BON*

Многие слова естественного языка совмещают полнозначные значения со слу жебными, переходя при этом из одной части речи в другую Таковы, например, русск ПРАВДА (существительное, вводное слова и частица) или АВОСЬ (существительное и частица) Другие, выступая в рамках одной части речи, совмещают полнозначные значения с более абстрактными. Так, например, прилагательное ДОБРЫЙ может употребляться в одном из своих основных значений ('делающий добро другим', 'хороший, отличный') или же как количественный определитель 'не менее чем' (*добрая половина*) Аналогично, ДИКИЙ может употребляться не только в таких значениях как 'находящийся в первобытном состоянии' (*дикие племена*) или 'грубый, необузданный' (дикий нрав), но и как интенсификатор (*дикий восторг*)

К таким единицам относятся французские BEAU и BON, которые кроме своих основных значений могут, в частности, выступать в качестве интенсификаторов (*une belle indifférence* 'полное равнодушие', *une bonne gifle* 'увесистая/хорошая пощечина') и наречий (*Il fait beau* 'Хорошая погода', *Il fait bon ici* 'Здесь хорошо') Кроме того, BON может употребляться как количественный определитель (*une bonne heure* 'добрый час', *deux bons kilomètres* 'добрых два километра') и как междометие, указывая на то, что говорящий принимает нечто к сведению

Tu ne peux pas venir demain BON Viens apres-demain Не можешь прийти завтра ХОРОШО Приходи послезавтра

Таким образом, BON (так же как, впрочем, и русское ХОРОШИЙ[1]), можно отнести одновременно и к полнозначным, и к служебным частям речи

Ниже мы попытаемся сформулировать семантические инварианты[2] для многозначных BEAU (раздел 1) и BON (раздел 2), сопоставив их по некоторым параметрам с русскими КРАСИВЫЙ, ХОРОШИЙ и ПРЕКРАСНЫЙ (1 3 и 2 3) Мы покажем, что семантические инварианты лежат в основе стилистических оттенков, характерных для этих слов, в частности, в "абстрактных" значениях и в десемантизированных употреблениях Эти оттенки можно было бы назвать **инвариантными коннотациями** Они отражают факт и качество многозначности лексических единиц и, как правило, остаются за рамками традиционного словарного описания (1 4 и 2 4)

Несмотря на расхождения в основных значениях, в некоторых контекстах BEAU и BON практически выступают как синонимы или очень близки по значению (*Il fait*

---

[1] В наречной и служебных функциях ХОРОШИЙ выступает в несклоняемой форме ХО РОШО

[2] Описание многозначности при помощи семантических инвариантов характерно для боль шого количества работ последних десятилетий, посвященных семантике различных типов языковых единиц морфем (в частности, приставок), граммем, лексем (служебных единиц, предикатов, наречий и др) См об этом, например, в [Перцов 2001 35–44] Этот метод был использован автором настоящей статьи для описания прилагательных, глаголов, а также модальных слов [Разлогова 1988, 1996]

beau/Il fait bon 'хорошая погода'[3], *un bon film/un beau film* 'хороший/прекрасный фильм', *une bonne bronchite/une belle bronchite* 'сильный бронхит', *une bonne récolte/une belle recolte* 'хороший/прекрасный урожай' и др.) В разделе 3 мы сравним некоторые альтернативные сочетания с BEAU и BON и выясним различие, которое характерно для этих контекстов. Часто оно носит исключительно стилистический характер.

В разделе 4 мы рассмотрим некоторые специфические контексты с BON, связанные с идеями доброты и нравственности.

1. ВЕЗДЕСУЩЕЕ *BEAU*: "ИСТИННОЕ" И ЕСТЬ "ПРЕКРАСНОЕ"?

1.1 Что общего между *une belle demoiselle* (*красивая барышня*)[4], *une belle bêtise* (*большая глупость*), *une belle âme* (*прекрасная душа*), *une belle cause* (*высокая цель*), *un beau salaud* (*отпетый мерзавец*) и *une belle coupure* (*сильный порез*)? На первый взгляд, пожалуй, только то, что во всех этих сочетаниях фигурирует слово BEAU/BELLE. Однако можно, тем не менее, попытаться усмотреть некую организующую идею, лежащую в основе всех его употреблений.

Для начала рассмотрим значения, которые регулярно встречаются в лексикографических описаниях BEAU/BEL/BELLE[5]. Их можно подразделить на три группы: группу "эстетической оценки", группу "удачного в своем роде" и группу "большого количества и усиления".

А. Первое значение обычно описывают как **'доставляющий эстетическое наслаждение (положительная эстетическая оценка)'**. Сюда относят характеристику природы и окружающей среды – *une belle vue* (*красивый вид*), *un beau paysage* (*красивый пейзаж*), людей и животных – *une belle jeune fille* (*красивая девушка*), *un beau sourire* (*красивая, прекрасная улыбка*), *un beau chien* (*красивая, прекрасная собака*), а также произведений искусства – *un beau portrait* (*хороший/красивый/прекрасный портрет*), *une belle chanson* (*красивая песня*), *une belle maison* (*хороший/прекрасный дом*), *un beau vase* (*красивая ваза*), *un beau bruit* (*чудесный шелест, звон, журчанье...*), *un bel arbre* (*хорошее/прекрасное дерево*), *un beau tableau* (*красивая картина*). Сюда же можно отнести сочетание *beaux-arts* (*изобразительные искусства*).

Второй тип примеров из этой группы относится к **моральной, интеллектуальной и социальной сфере**: *une belle âme* (*прекрасная душа*), *un beau geste* (*красивый/благородный жест*), *une belle action* (*прекрасный/благородный поступок*), *de belles manières* (*прекрасные манеры*). Здесь часто упоминаются произведения неизобразительных искусства – *un beau roman* (*прекрасный роман*), *une belle poésie* (*красивое/прекрасное стихотворение*), а также характеристика художников – *un beau talent* (*большой/громадный талант*), *un beau génie* (*великий гений*). Сюда же можно отнести сочетание *belles-lettres* (*изящная словесность*).

В. Ко второй группе можно отнести словосочетания, где при помощи BEAU описывается нечто, **вызывающее удовлетворение, очень удачное в своем роде**: *une belle salade* (*прекрасный салат*), *un beau gâteau* (*прекрасный торт*), *un bel arôme de café* (*прекрасный запах кофе*), *du beau coton* (*прекрасный хлопок*). Такая характеристика может относится к событиям – *un beau match* (*прекрасная игра*), *un beau voyage* (*прекрасное путешествие, удачная поездка*), погодным условиям и состояниям природы *une belle journée* (*хороший/прекрасный день*), *la belle saison* (*лето*), *la mer est belle*

---

[3] Здесь как и выше толкования носят частный, контекстно обусловленный, характер.

[4] В скобках мы будем давать не толкования, а близкие переводные эквиваленты.

[5] Разумеется, этот перечень значений нельзя считать исчерпывающим. В электронном варианте Trésor de la langue française словарная статья BEAU занимает более 30 страниц. Среди прочих источников мы использовали также [Le Grand Robert 2000; Le Petit Robert 1993; Lexis 1993; ФРС 1991; Гак, Ганшина 1995; Гринева, Громова 1996] и др.

(*море спокойно*). При помощи BEAU могут оформляться сочетания, связанные с идеей успеха и, в частности, социального успеха: *de beaux résultats* (*прекрасные результаты*), *une belle situation* (*хорошее положение в обществе*), *un beau mariage* (*прекрасный/выгодный брак*), *le beau monde* (*бомонд/сливки общества*). Сюда же часто относят сочетания характеризующие качество жизни и ее различные периоды: *la vie est belle* (*жизнь прекрасна*), *le bel âge* (*прекрасный возраст, молодость*), *les belles années* (*молодые годы*), *une belle mort* (*прекрасная/благородная или хорошая/легкая смерть*), *mourir de sa belle mort* (*умереть своей смертью*). Это значение включает положительную оценку атрибутов практической жизни: *du beau papier épais* (*хорошая/прекрасная плотная бумага*), *du beau bois* (*хорошее/прекрасное дерево*), *du beau grain* (*хорошее/прекрасное зерно*), *une belle invention* (*прекрасное изобретение*) и пр.

С. Следующая группа контекстов связана с идеей **большого количества и усиления (большой, многочисленный, значительный)**: *un beau poulet* (*хорошая/большая курица*), *une belle tranche de viande* (*хороший/большой кусок мяса*), *elle est belle femme* (*она полная женщина*)[6], *une belle salle* (*большой зал*), *une belle somme d'argent* (*крупная денежная сумма*), *une belle fortune* (*большое состояние*), *de beaux bénéfices* (*большая прибыль*), *une belle foule* (*большая толпа*), *une belle récolte* (*богатый урожай*), *un bel âge* (*почтенный возраст*), *un beau vacarme* (*страшный грохот*). Большое количество контекстов этой группы связано с человеческими проявлениями и характеристиками: *une belle indifférence* (*полное равнодушие*), *un beau sang-froid* (*исключительное хладнокровие*), *un bel optimisme* (*завидный оптимизм*), *une belle envie* (*сильное желание*), *une belle assurance* (*большая уверенность в себе*), *un bel aplomb* (*большой апломб*), *une belle haine* (*сильная ненависть*), *de belles espérences* (*радужные надежды*), *un bel appétit* (*хороший/прекрасный аппетит*). В немногочисленных словосочетаниях BEAU выражает идею большой временной протяженности: *depuis beau temps* (*давно*), *depuis belle lurette* (*давно*), *Tout ça fait de belles journées de travail* (*И получается длинный рабочий день*). С идеей усиления связаны и многие фразеологические сочетания, такие как *de plus belle* (*еще больше: il pleut de plus belle/дождь усилился*), *au beau milieu de...* (букв. *в самой середине, в самом разгаре*), *bel et bien* (*на самом деле, самый что ни на есть*) и др. Сюда же можно отнести эксплетивные употребления – *un beau jour* (*в один прекрасный день*), где, по мнению многих исследователей, BEAU не несет никакой смысловой нагрузки, поскольку легко может быть опущено: *un beau jour* = *un jour*. Как мы покажем ниже (см. 1.4), это не совсем так. Среди контекстов усиления часто отдельно рассматриваются сочетания, где, как принято считать, BEAU означает "**плохой**". Это словосочетания, связанные с болезнями и телесными повреждениями – *une belle bronchite* (*сильный бронхит*), *une belle coupure* (*сильный/плохой порез*), *une belle brûlure* (*сильный ожог*), с отрицательными характеристиками человека – *une belle menteuse* (*ужасная лгунья*), *un bel égoïste* (*страшный эгоист*), а также с неблагоприятными событиями: *un beau scandale* (*большой скандал*), *une belle bagarre* (*ужасная драка*), *un beau désordre* (*страшный беспорядок*), *une belle dispute* (*сильная ссора*) и пр.

Особо выделяются **иронические употребления** BEAU: *la belle demande* (*ничего себе, просьба!*), *la belle affaire* (*тоже мне, проблема!*), *un beau parleur* (*краснобай*), *C'est du beau! Il a renversé l'encrier sur le tapis!* (*Ну, молодец! Чернила пролил на ковер!*), *un vieux beau* ("*старая кокетка*", *говоря о мужчине*). Сюда же относятся обычно выражения типа *de belles paroles* (*красивые слова*), *un beau geste* (*красивый жест*), кото-

---

[6] Значение выражений с BEAU меняется в зависимости от наличия/отсутствия артикля или местоимения перед определяемым именем (*Elle est une belle femme*/*Она красивая женщина, Elle est belle femme*/*Она статная женщина*), а также от того, какой это артикль или местоимение (ср. *une belle mort*/*прекрасная или легкая смерть, mourir de sa belle mort*/*умереть своей смертью*).

рые в некоторых контекстах толкуются как 'эффектный, но лишенный содержания' (см 1.3).

1.2. Попробуем найти общую идею, общую тенденцию, объединяющую все перечисленные выше употребления.

Значения, выражающие идею "большой, многочисленный, значительный", идею усиления и идею "плохой" легко поддаются обобщению: в всех этих случаях речь идет о том, что какой-то основной признак определяемого понятия присутствует в нем в высокой степени Если у определяемого имени есть только один параметр – пусть даже отрицательный – усиливается именно он (*un beau salaud/отпетый мерзавец*) Если параметров несколько, то в таких сочетаниях, как, например, *une belle salle* (*большой/красивый зал*) или *une belle flaque* (*большая/красивая лужа*), когда неясно, какое свойство может считаться главным, усиливаться в зависимости от контекста может любое из них или все вместе[7]

Словосочетания, где BEAU приписывается значение "вызывающий удовлетворение, очень удачный в своем роде" также могут быть интерпретированы как контексты с усилением. Разница заключается в том, что у определяемых понятий множество потенциальных положительных характеристик· так, например, понятие *voyage* (*поездка, путешествие*) не имеет отмеченного эстетического параметра, но может быть охарактеризовано с точки зрения красоты природы, которую довелось увидеть, интересных встреч, хорошей погоды, условий жизни, экзотики и т п. Если *voyage* по основным параметрам получает высокую оценку, то возможно сочетание *un beau voyage*

Что касается словосочетаний, относящихся к группам, объединенным значением высокой оценки в области эстетики, то именно эстетический параметр является для определяемых объектов главным (*une belle statue, красивая/прекрасная статуя*) или включается в набор основных (*un bel homme/красивый мужчина*). Эстетическое значение, по всей видимости, является наиболее ранним [Rey 1992· 199]. Но даже в контекстах этой группы BEAU во многих случаях подразумевает развитие по нескольким основным параметрам: так *un beau cheval* более соответствует русскому *прекрасная лошадь*, чем *красивая лошадь*, поскольку может касаться не только красоты, но и силы, быстроходности и пр.

Для примеров "эстетической" группы, относящихся к моральной, социальной и интеллектуальной сфере, очевидно, что именно их моральный, интеллектуальный и социальный "вес" может восприниматься как главный (или один из главных) параметр их значения (*une belle vertu/высокая добродетель, une belle cause/высокая цель*).

Традиционно французская мысль соотносит понятие BEAU/BEAUTÉ с VRAI/VERITÉ (истинный/истина), идею "красоты", "прекрасного", с идеей "подлинности"

> La vérité est le fondement et la raison < > de la BEAUTE Une chose, de quelle nature qu'elle soit ne saurait être BELLE < > si elle n'est véritablement tout ce qu'elle doit être, et si elle n'a tout ce qu'elle doit avoir (La Rochefoucauld) Истина является первопричиной и основой < > КРАСОТЫ Любую вещь, какой бы она ни была, нельзя считать КРАСИВОЙ < >, если она воистину не является тем, чем она должна быть, и если ей не присуще все то, чем она должна обладать

Аналогичную мысль мы находим у французского философа Алена

---

[7] В следующем примере, для FLAQUE (ЛУЖА) скорее превалирует идея красоты

Et pourtant sous cette destruction fleurit la nature La terre est verte et belle, un pauvre petit ruisseau, dont on voit une BELLE flaque verte, nous avertit que sans cette fumée de la poudre nous verrions peut-être un beau ciel bleu < > (Michelet) Но несмотря на все разрушения природа продолжает жить Цветет прекрасная зеленая земля Тщедушный ручеек, который-то и заметен только благодаря КРАСИВОЙ зеленой луже, наводит на мысль о том, что если бы не пороховой дым, видели бы мы над собой прекрасное голубое небо < >

Autant qu'un homme est lui-même, qu'il ne cède point, qu'il n'imite point je le vois BEAU Человек для мечя КРАСИВ в той степени, в которой он является самим собой, не поддается чужим влияниям и никому не подражает

В то же время, как правило, отрицается необходимая связь между BEAU и такими понятиями, как "стереотип" или "норма", которые тем не менее часто используются в словарных описаниях BEAU:

Il y a de BELLES choses qui ont plus d'éclat, quand elles demeurent imparfaites, que quand elles sont trop achevées (La Rochefoucauld) Бывают КРАСИВЫЕ вещи, несовершенство которых способствует их великолепию, законченность же им только вредит

В качестве общей экспликации, общей тенденции, объединяющей все значения, можно предложить следующую формулировку

BEAU указывает на то, что главные неотъемлемые (положительные или, в отсутствии таковых, другие) свойства объекта или положения вещей присущи им в высокой степени, что делает этот объект или положение вещей подлинным, истинным, "настоящим".

Таким образом, BEAU, как было показано выше, может выражать как положительную эстетическую, моральную, интеллектуальную и пр оценку, так и служить интенсификатором для разных семантических параметров, в том числе и отрицательных Но в любом случае речь идет о главных, существенных (с точки зрения французского языкового сознания) характеристиках определяемого именем объекта или положения вещей BEAU также предполагает, что объект оценивается как бы "сам по себе", независимо от каких бы то ни было внешних обстоятельств, непредвзято и объективно (хотя, разумеется, последнее нельзя понимать буквально)

1.3. Если сопоставить BEAU с русскими КРАСИВЫЙ и ПРЕКРАСНЫЙ[8], то нельзя не обратить внимание на то, что КРАСИВЫЙ (также как и ПРЕКРАСНЫЙ) не имеет абстрактных (количественных) значений, не может быть интенсификатором, и эти слова в гораздо меньшей степени задействованы во всякого рода устойчивых сочетаниях, чем BEAU Кроме того, КРАСИВЫЙ (в отличие от ПРЕКРАСНЫЙ) не имеет значения "вызывающий удовлетворение, удачный в своем роде", которое традиционно широко представлено у BEAU Здесь BEAU соответствует ПРЕКРАСНЫЙ или в ХОРОШИЙ: *C'est de la belle brique* (*Это хороший/прекрасный кирпич*) Если BEAU (так же как ПРЕКРАСНЫЙ) может выражать оценку одновременно по нескольким параметрам, то КРАСИВЫЙ тяготеет к эстетическому аспекту, будь то в области зрительного или слухового восприятия, нравственной и интеллектуальной сфере, констатируя наличие "эстетической нормы" Употребляя BEAU, говорящий выступает в роли человека, способного отделить основное от второстепенного, в то время как употребление КРАСИВЫЙ скорее позиционирует его как ценителя **формы**. Эта форма может быть не доступна для глаза (*красивый поступок, красивая история*), но тем не менее она осознается как таковая В тех случаях, когда у определяемого объекта имеется внешняя "пластическая" сторона, КРАСИВЫЙ выделяет именно ее. *красивый фильм* не эквивалентен *un beau film* (*прекрасный фильм*), поскольку касается только изобразительного ряда (ср *Les images du film sont belles*[9]). Аналогично, красивая квартира не соответствует *un bel ap-*

---

[8] Здесь мы предлагаем сопоставительный подход, который отличается, в частности, от метода А Вежбицкой, развиваемый в книге [Wierzbicka 1997] Мы рассматриваем как семантические, так и формальные параметры, более того, мы не предлагаем толкований на особом метаязыке, а сравниваем **переводные эквиваленты**, которые заведомо носят приблизительный характер Более того, мы сравниваем не отдельные значения, а семантику лексем в целом

[9] Эстетический аспект может быть выделен в некоторых контекстах при помощи переноса BEAU в позицию атрибута *Ce film est beau* ближе к *красивый фильм*, нежели к *прекрасный фильм*

partement (*хорошая/прекрасная квартира*), где подразумевается множество других аспектов, таких как, например, удобство (фразе *У вас красивая квартира* будет соответствовать что-то вроде *Il est joli/bien décoré, votre appartement*).

У КРАСИВЫЙ выделяется значение 'привлекающий внимание, эффектный, но бессодержательный' (см., например [БАС 1948–1965]), которое сопоставимо с так называемыми "ироническими" употреблениями BEAU (*ce ne sont que de belles paroles/это всего лишь красивые слова*). Однако, например, сочетание *красивая жизнь* в этом отношении не эквивалентно *la belle vie*[10].

Французское BEAU, в отличие от КРАСИВЫЙ (но также как ПРЕКРАСНЫЙ), в плане положительной оценки может относиться не только к области зрительного и слухового восприятия, но также (хотя и, в отличие от ПРЕКРАСНЫЙ, редко) охватывает сферу вкусового (*la belle salade/прекрасный салат*), тактильного (*une belle matière/прекрасная ткань*) восприятий, а также обоняния (*un bel arôme/прекрасный аромат*). Если BEAU сочетается с самыми разнообразными шумами, КРАСИВЫЙ употребляется в основном со словами, имеющими прямое или косвенное отношение к искусству (*красивая музыка, красивый звук, красивый голос, красивое сопрано, ?красивое пение птиц, ?красивый шелест листвы, ?красивое постукивание молота*[11]). Ср. французское

> Elles [les briques] rendent sous l'outil un BEAU bruit limpide d'enclume battue, qui tinte du haut des échafaudages (Pesquidoux). Стук молота о кирпичи, доносящийся откуда-то сверху со строительных лесов, напоминает ЧИСТЫЙ звон наковальни.

КРАСИВО (также как и ПРЕКРАСНО) хорошо функционирует в качестве наречия. Наречные функции BEAU ограничены: *красиво танцевать* (*danser avec grâce*), *красиво говорить* (*être éloquent*), *Она была красиво одета* (*Elle avait une belle/jolie tenue* или *Elle était joliment vêtue*), *красиво закончить речь* (*finir son discours en beauté*). Выражения IL EST (C'EST) BEAU DE + Inf как и IL FAIT (FERAIT) BEAU + Inf, имеют каждый раз весьма специфические значения:

> – C'est BEAU d'être jeune, mon gars, tu connais pas ton bonheur. Dors, abruti! (Giono).
> – ХОРОШО быть молодым, приятель, ты сам своего счастья не понимаешь. Спи, дурачок!
> Il faisait BEAU voir l'indignation de Claudel, quand <...> certains critiques employèrent des mots comme "croyance naïve" <...> (Massis). ОТРАДНО было видеть возмущение Клоделя по поводу <...> некоторых критиков, употребивших такие слова как "наивная вера" <...>.

КРАСИВЫЙ, как было указано выше, по всей видимости, содержит отсылку к эстетической норме. Последняя может пониматься как отсутствие вульгарности или грубости там, где их можно было бы ожидать, что характерно для французского ELEGANT и его производных (*Он красиво поставил их на место/Avec élégance il les à*

---

[10] В следующем примере КРАСИВЫЙ вряд ли можно передать при помощи BEAU:

Он стремился к КРАСИВОЙ, роскошной жизни (il était attiré par le luxe et la vie facile), возлагая все свои надежды на счастливый случай, неожиданную встречу, благодаря которой он наконец попадет в ту среду, где вся эта красота привычна и обыденна, где люди и помыслить себя не могут в обстановке, которая окружала его сейчас (Современная проза).

В то же время, та же самая *красивая жизнь* (так же как и *красивые слова, красивый жест*) может употребляться с положительной оценкой:

Отцы ваши многое сделали для того, чтобы она [жизнь] была КРАСИВОЙ (pour que votre vie soit BELLE) и полной (Полторацкий).

LA BELLE VIE не имеет негативного значения (хотя и может употребляться в юмористических контекстах). Выражениям *C'est la belle vie* или *La vie est belle* скорее соответствует *Жизнь прекрасна*. Таким образом, даже близкие по смыслу французские и русские словосочетания могут вести себя по-разному.

[11] В выражении *Красиво постукивать пальцами по столу* КРАСИВО скорее все-таки относится к зрительному, а не звуковому ряду.

remis a leur place, Это самое красивое решение/C'est la solution la plus élégante, Все это не очень красиво/Tout cela n'est pas très élégant или n'est pas très beau).

В отличие от BEAU, ПРЕКРАСНО (так же как ХОРОШО) может функционировать как частица и вводное слово: *Они уже здесь. – Прекрасно./Il sont déjà là. – Très bien (Parfait); Он их видел, прекрасно, ну и что из этого?/Il les a vus. Très bien. Et alors?* В иронических употреблениях ПРЕКРАСНО скорее соответствует выражение C'EST DU BEAU: *Они забрали магнитофон. – Прекрасно! (Красота!) Только этого не хватало/C'est du beau! Il ne manquait plus que ça.*

ПРЕКРАСНЫЙ наряду с КРАСИВЫЙ обычно рассматривается как системный, а не речевой, эквивалент BEAU. Однако существенным **формальным** отличием BEAU от ПРЕКРАСНЫЙ является то, что ПРЕКРАСНЫЙ наряду с такими словами, как ЧУДЕСНЫЙ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ, ПРЕВОСХОДНЫЙ и т. п., входит в особую по своим **сочетаемостным** свойствам группу прилагательных со значением "предельного" проявления признака (*?очень/совсем прекрасный, ?очень/совсем чудесный, ?очень/совсем замечательный, ?очень/совсем превосходный*)[12]. BEAU (в отличие от MAGNIFIQUE, SUBLIME, EXTRAORDINAIRE и пр.), безусловно, не относится к этой формально-семантической категории, хотя в его значение входит элемент 'высокая степень'.

Традиционно ПРЕКРАСНЫЙ толкуется как 'очень красивый' и/или 'очень хороший'[13]. В. Даль также указывает на то, что "*прекрасный* прилагается ко всему, что хвалят" [Даль 1994]. По-видимому, это слово более субъективно, чем претендующее на объективность BEAU, и в нем в большей степени выражен эмоционально-экспрессивный фактор (ср. ПРЕКРАСНОДУШИЕ).

1.4 Исходя из того, что в BEAU имеются в виду развитые главные, неотъемлемые свойства вещей, которые выражены в высокой степени и оцениваются непредвзято и объективно, сопутствующие его семантическому инварианту стилистические оттенки, его инвариантные коннотации, можно было бы сформулировать следующим образом:

– Тенденция к исключительности и значительности

– Дистанцированность по отношению к определяемому объекту (своего рода "объективированное" его восприятие[14])

– Отношение к объекту как к независимой, отдельной, неподконтрольной сущности.

Эти оттенки могут воплощаться по-разному в различных десемантизированных и служебных употреблениях этого слова. Так, в терминах родства *belle-famille* (*родственники со стороны жены/мужа*), *beau-frère* (*шурин, деверь*), *belle-mère* (*теща, свекровь*) и т.п. BEAU этимологически являлось и, по-видимому, отчасти является показателем уважительного отношения [Rey 1992:199].

Так называемые эксплетивные (десемантизированные) употребления BEAU в сочетаниях *un beau jour* (*в один прекрасный день*), *un beau matin* (*в одно прекрасное утро, как-нибудь утром*) всегда связаны с событиями, тяготеющими к исключительности, значительности, неожиданности (*Un beau jour tu comprendra... В один прекрасный день/Когда-нибудь ты поймешь...*). Таким образом, *un jour* отличается от *un beau jour*, если не в смысловом, то, по крайней мере, в стилистическом отношении.

---

[12] Французские прилагательные такого типа (MAGNIFIQUE, SUBLIME, MERVEILLEUX и т. п.), тем не менее, часто сочетаются с наречием ABSOLUMENT (*absolument magnifique*). Сочетания с СОВЕРШЕННО также все чаще встречаются в русской речи (*совершенно грандиозный, совершенно замечательный* и пр.).

[13] В некоторых сочетаниях, однако, ПРЕКРАСНО естественно не возводится ни к КРАСИВЫЙ, ни к ХОРОШИЙ (*прекрасные мечты, прекрасная цель*).

[14] Это не значит, однако, что BEAU нельзя использовать в разговорных выражениях. Обращение *Ma belle/Красотка*, например, может быть воспринято как иронически фамильярное.

Аналогично в выражениях типа *Regarde la belle girafe* (*Посмотри, какой жираф*) или *Ah, le beau clown!* (*Какой клоун!*), где у BEAU слабая семантика, задействованы инвариантные коннотации.

В устойчивых сочетаниях также часто присутствуют оттенки значительности и исключительности:

> Evidemment je suis libre. IL FERAIT BEAU voir qu'on m'empêche d'être libre (Arland) Разумеется, я свободный человек ХОТЕЛ БЫ Я ПОСМОТРЕТЬ на того, кто может мне в этом помешать

Заслуживает упоминания использование субстантивированного прилагательного BELLE в разговорном выражении *se faire la belle/бежать* (*на свободу*) – здесь все стилистические оттенки кажутся вполне уместными, поскольку при помощи BELLE предается идея свободы.

2. *BON*, ИЛИ ПРОЗА ЖИЗНИ

2.1 BON – слово с очень богатой семантикой В синтаксическом плане оно также многолико: оно может употребляться как прилагательное, наречие, существительное, частица (interjection), вводное слово, входит в целый ряд фразеологических сочетаний. Подобно русским ХОРОШИЙ и ДОБРЫЙ французское BON функционирует как интенсификатор и количественный определитель.

У многих французских авторов мы находим параллель между BON и идеей соответствия своей функции, пригодности[15]:

> Dieu étant tout puissant n'a créé que des choses BONNES On appelle BONNE une chose exactement adaptée à son service. une bonne plume, un bon cheval, plus ou moins bonne suivant que plus ou moins adaptée (Rivière). Господь всемогущий создавал сущности исключительно БЛАГИЕ ХОРОШЕЙ можно назвать сущность полностью соответствующую своему назначению. ХОРОШЕЕ перо, ХОРОШИЙ конь, и ХОРОША она настолько, насколько соответствует своему назначению

Но в этом примере BON фигурирует не только как слово, указывающее на функциональность, "полезность", предназначение объекта, но и как слово, относящееся к области религии и морали (ср. *bonne Vierge/пресвятая Богородица, а также bon ange/добрый ангел, bonne société/добропорядочное* (*приличное*) *общество, bonnes moeurs/нравственность, благочестивые нравы*). Если теперь вспомнить высказывание Т. Готье, отрицавшего совместимость BEAU (КРАСИВОГО/ПРЕКРАСНОГО) и UTILE (ПОЛЕЗНОГО).

> Il n'y a de vraiment BEAU que ce qui ne peut servir à rien, tout ce qui est utile est laid По-настоящему КРАСИВЫМ (ПРЕКРАСНЫМ) может быть только то, что совершенно бесполезно Все, что приносит пользу, безобразно,

то становится очевидным (хотя он был и не совсем прав), что мир слова BON радикально отличается от мира BEAU.

Примеры с BON в лексикографической практике часто подразделяются на три группы группа "пригодности", группа "доброты и хорошего отношения" и группа "усиления"[16].

А Рассмотрим первую группу. это контексты, связанные с идеей **пригодности, полезности**. Среди них обычно выделяется значение "**обладающий нужными качествами, соответствующий ожиданиям, дающий хорошие результаты**" – *un bon lit* (*хорошая кровать*), *un bon couteau* (*хороший нож*), *de la bonne terre* (*хорошая земля*), *avoir une bonne vue* (*обладать хорошим зрением*), *un bon remède* (*хорошее лекарство*), *un*

---

[15] Этот и другие аспекты, но для английского *good*, рассматривались З Вендлером [Вендлер 1981]

[16] Так же как и с BEAU мы не претендуем никоим образом на полноту и основываемся, в частности, на тех же источниках (см сноска 5)

bon conseil (*хороший совет*), *un bon placement* (*хорошее вложение*), *un bon mariage* (*хороший брак*), *un bon vent* (*попутный ветер*), *un bon métier* (*хорошая специальность*), *un bon résultat* (*хороший результат*), *le calcul est bon* (*правильный/верный счет или расчет*), *une bonne excuse* (*хорошее оправдание*), *il serait bon de partir tôt* (*хорошо было бы уйти пораньше*). Сюда же можно отнести такие сочетания, как BON POUR (полезный, пригодный для): *un remède bon pour la gorge* (*хорошее средство от боли в горле*), *ce n'est pas bon pour la santé* (*это вредно для здоровья*), *bon pour le service* (*годен к прохождению военной службы*), *nous sommes bons pour la contravention* (*нас вполне могут оштрафовать*) или BON A + *inf* – *c'est bon à savoir* (*это надо иметь в виду*), *la soupe est bonne à jeter* (*суп можно выплеснуть*). Здесь "нужные качества" могут быть негативными

К группе "пригодности и полезности" обычно относят также значение "**хорошо справляющийся со своими профессиональными обязанностями, работой, ролью**". *un bon acteur* (*хороший актер*), *un bon médecin* (*хороший врач*)[17], *un bon client* (*хороший клиент*), *un bon chrétien* (*истинный христианин*), *un bon citoyen* (*сознательный гражданин*), *un bon Français* (*настоящий/истинный француз*), *un bon père* (*хороший отец*), *un bon époux* (*хороший муж*), *une bonne élève* (*хорошая ученица*), *il est bon en mathématiques* (*он хорошо успевает по математике*) Следующее значение в этой группе часто формулируется как "**хорошо сделанный, заслуживающий похвалы, уважения**": *un bon devoir* (*хорошо выполненное школьное задание*), *un bon livre* (*хорошая книга*), *un bon film* (*хороший фильм*) Здесь же обычно фигурирует значение "**соответствующий моральным нормам**" – *une bonne conduite* (*хорошее/примерное поведение*), *être de bonne famille* (*быть из хорошей семьи*), *bonnes lectures* (*чтение "правильных" нравственных книг*), *bonnes moeurs* (*благочестивые нравы*), *bonne société* (*приличное/хорошее общество*). Значение "**приятный на вкус, для обоняния**" также обычно относится к этой группе: *un bon plat* (*вкусное/хорошее блюдо*), *une bonne odeur* (*хороший/приятный запах*). Здесь же упоминаются обычно контексты, где BON имеет значение "**доставляющий удовольствие, приятный**": *une bonne promenade* (*приятная прогулка*), *passer une bonne soirée avec qqn* (*приятно провести с кем-то вечер*), *une bonne chaleur* (*приятное тепло*), *l'eau est bonne* (*вода теплая*), *Qu'il est bon de ne rien faire* (*Как хорошо/приятно ничего не делать*), *une bonne histoire* (*хороший анекдот, хорошая история*). Близко к этой группе подходят всевозможные пожелания и приветствия: *bonne année* (*С Новым годом!*), *bonne chance* (*счастливо!, удачи!*), *bonne journée* (букв. *Приятного дня*, произносится при расставании), *bon appétit* (*приятного аппетита!*), *bon voyage* (*счастливого пути!*).

Несколько особняком стоят употребления "**подходящий/тот самый**", подразумевающие что-то единичное: *ce n'est pas la bonne clé* (*это не тот ключ*), *la bonne réponse* (*правильный ответ*). Схожая идея выражена в отражении *C'est bon*, которое означает *Достаточно/Хватит/Хорош/Годится*.

В. Следующая большая группа – это значения, связанные с идеей "**доброты, доброго отношения**" *un homme foncièrement bon* (*по-настоящему добрый человек*), *le bon Samaritain* (*добрый самаритянин*), *une bonne fée* (*добрая фея*), *de bons sentiments* (*добрые чувства*), *soyez bons pour les animaux* (*проявляйте доброту к животным*), *il a bon coeur* (*у него доброе сердце*), *faire une bonne action* (*совершить хороший поступок*), *bonnes oeuvres* (*благотворительность, бескорыстная деятельность на благо людей*). Идея "хорошего отношения" выражена также в сочетаниях *un bon* (*petit*) *garçon* (*хороший/славный мальчик*), *une bonne fille* (*славная девушка*), *un bon type* (*симпатичный парень*), *être bon public* (*доброжелательная/благодарная публика*), *avoir qqn à la bonne* (*хорошо относиться к кому-либо*).

---

[17] Для BON существенным является препозиция или постпозиция определения *un bon médecin* означает 'хороший (профессиональный) врач', а *un médecin bon* – 'добрый врач'

С. Последняя группа примеров связана с идеей "**большого количества, усиления, интенсификации**": *Une bonne pincée de sel* (*большая щепотка соли*), *Il y en a un bon verre* (*Там целый стакан*), *une bonne partie était endommagée* (*большая часть была повреждена*), *un bon moment* (*долго*), *il est arrivé bon premier* (*он был впереди всех*), *une bonne fois pour toutes* (*раз и навсегда*) Среди этих сочетаний встречаются и контексты, где при помощи BON усиливается **негативный** фактор: *une bonne gifle* (*хорошая оплеуха*), *elle a une bonne grippe* (*у нее сильный грипп*), *une bonne dispute* (*хорошая ссора*). Отдельно обычно рассматриваются временные и пространственные характеристики со значением "**не менее чем**" *une bonne demi-heure* (*не менее получаса, добрых полчаса*), *deux bons kilomètres* (*добрых два километра*). В этих примерах BON выступает как количественный ограничитель.

2.2. Что же общего у всех этих сочетаний? Большинство контекстов "пригодности и полезности" дает очевидную отсылку к некоторой заранее заданной норме, заранее известным ожиданиям, необходимым свойствам, которым должен удовлетворять "хороший" объект BON в значении 'вкусный' можно интерпретировать как 'соответствующий гастрономическим ожиданиям' Аналогично могут быть интерпретированы примеры со значением "доставляющий удовольствие, приятный" Выражения *une bonne intervention* (*хорошее выступление*) или *une bonne copie* (*хорошая копия*), относящиеся к группе примеров, объединенных под названием "хорошо сделанный, заслуживающий похвалы, уважения", могут быть интерпретированы как 'выполненные в соответствии с законами и правилами соответствующей области' или 'соответствующие ожиданиям'. BON в значении 'тот самый, нужный' можно интерпретировать как 'соответствующий порядку, необходимости, продиктованной конкретной ситуацией' (*ranger un objet à la bonne place*/*положить вещь на (свое) место*) Также может быть интерпретировано выражение *C'est bon!* (*Довольно*/*Хватит*/*Хорош!*). Сюда же можно было бы отнести существительное BON в значении 'талон, бон, карточка', когда нечто необходимое можно получить взамен бумажного документа.

BON в значении 'добрый' (*добрый человек*) может быть интерпретировано как 'моральные качества которого соответствуют моральным нормам' (см. раздел 4).

BON-интенсификатор может быть интерпретирован как 'в полной мере соответствующий стандартным представлениям об описываемом существительным понятии или ситуации', например, *donner un bon coup de poing* (*дать хорошенько*/*как следует кулаком*). Ситуация *ударить кулаком* выполняется в полном стандартном объеме. *Une bonne bronchite* – это бронхит со всеми его стандартными проявлениями.

Таким образом, в основе всех интерпретаций BON лежит понятие **совпадения** или **соответствия** с чем-то заранее установленным, известным, имеющимся в наличии. Это "нечто" является **внешним** по отношению к определяемому объекту – в выражении *une bonne soupe* (*вкусный суп*), например, суп оценивается с точки зрения вкусовых ощущений говорящего, а не "сам по себе" как объект окружающего мира. При помощи BON происходит своего рода "стабилизация" объекта по внешним критериям.

Инвариантная экспликация для BON может выглядеть следующим образом:

BON указывает на то, что объект или положение вещей соответствуют ожиданиям говорящего, существующим стандартным, различным нормам и категориям, или совпадают с чем-то конкретным, заранее заданным.

Таким образом, каждый раз при употреблении BON предполагается наличие внешнего "стабилизатора", того, с чем производится сравнение. он может даже иметь материальное воплощение (*c'est le bon dossier*/*это та самая папка*), может иметь под собой четко определенную формально-процедурную основу (*bon pour le service*/*годен для прохождения военной службы*) Стабилизатор может иметь и более расплывчатый характер: субъективные ощущения в области вкуса (*un bon des-*

sert), обоняния (*un bon arôme*), или стандартное представление о предметах и событиях, например, в таких выражениях как *Il a reçu une bonne fessée* (*Его как следует/хорошенько отшлепали*).

BON междометие (interjection)[18] указывает на то, что говорящий присвоил некоторому положению вещей эпистемический статус "знание", что он принял его к сведению и либо переходит к дальнейшим действиям, либо выражает эмоцию по этому поводу. Включение говорящим некоторого положения вещей в свои знания может быть интерпретировано в рамках предложенного выше инварианта: как и все приятное (вкусное, теплое и пр.) соответствует определенному ощущению говорящего, так и принятие к сведению соответствует его "эпистемическому" состоянию.

> BON, maintenant que nous sommes seuls, nous pouvons enfin parler librement. Ну что же, ХОРОШО, теперь, когда мы остались наедине, можно наконец поговорить спокойно.

Аналогично функционирует *Ah, bon!*

> Elle est partie – AH, BON! Она ушла. – УШЛА? (Да? Ах, так?)

Здесь *Ah, Bon!* может выражать как удивление, так и другие эмоциональные состояния. В иронических контекстах *Allons bon*, выражая все ту же основную идею "принятия к сведению", так же как и *Bon, bon* может выражать раздражение, недовольство, угрозу или другие эмоции:

> ALLONS BON! Voilà que ça recommence! НУ, ВОТ! Опять за свое!
> BON, BON. Nous verrons qui a raison ЛАДНО, ЛАДНО, мы еще посмотрим, кто из нас прав.

Таким образом, франкоговорящий, произнося BON, позиционирует себя как человек, констатирующий соответствие положения вещей самым разнообразным ожиданиям, стандартами, нормам и т. п. Определяемый BON объект или явление часто воспринимаются как привычные, подконтрольные, предназначенные для использования.

2.3 Французское BON обнаруживает глубинное сходство с русским словом ХОРОШИЙ, которое также, по всей видимости, предполагает некую норму. Оба слова могут относиться ко всем видам восприятия (зрительному – *un bon portrait/хороший портрет*, слуховому – *de la bonne musique/хорошая музыка*, обонянию – *une bonne odeur/хороший запах*, вкусовому – *une bonne crème anglaise/хороший заварной крем* и тактильному – *une bonne texture/хорошая фактура*). Для BON вкусовое восприятие и обоняние часто выносятся в отдельное значение.

В отличие от ХОРОШИЙ в качестве внешнего "стабилизатора" для BON могут возникать не только разнообразные "нормы" и ожидания, но и единичные объекты (*Ce n'est pas la bonne porte/Это не та дверь*).

ХОРОШИЙ в отличие от BON не может сочетаться с негативными нормами (*Ce stylo est bon à jeter/Ручку можно выбросить, Elle est bonne pour l'asile/Ей место в психушке*). Ироническое ХОРОШИЙ в значении 'очень сомнительных достоинств' (*Хорош у тебя лазарет!, Хороши Нечего сказать!, Хорош гусь!*) не всегда может быть передано при помощи BON.

В социальной сфере некоторые сочетания с BON, такие, как, например, *un bon citoyen* (*сознательный, законопослушный гражданин*) не передаются при помощи ХОРОШИЙ. То же самое касается слов, указывающих на национальную принадлежность (*un bon Anglais/истинный англичанин*).

Норма для BON во многих случаях "ниже", чем соответствующая норма для ХОРОШИЙ. Так, например, *un bon appartement* ('квартира в хорошем состоянии, приличная, нормальная квартира') не полностью соответствует выражению *хорошая квартира*, как и *de bonnes chaussures* ('добротные, прочные, удобные туфли') только

---

[18] В русской традиции такие употребления скорее можно причислить к категории частиц или вводно-модальных слов.

частично покрывают *хорошие туфли*. Такие сочетания с ХОРОШИЙ часто ближе по смыслу к сочетаниям с BEAU – *un bel appartement, de belles chaussures* (см. выше 1.3, а также раздел 3).

BON в большей степени, чем ХОРОШИЙ, задействован в деловой и административной речи: *Bon pour le service/Годен для прохождения военной службы, Bon pour accord/Согласен* (визирование документа)[19].

Для BON так же как и для ХОРОШИЙ в речевом отношении характерно избирательно воздействовать на отдельные параметры: *Vent (...) bon, mais faible/Попутный (...), но слишком слабый ветер*.

В отличие от ХОРОШО наречные употребления BON ограничены (*sentir bon/хорошо пахнуть, il fait bon ici/здесь хорошо, Respirer une fleur, c'est bon/Приятно понюхать цветок, Il est bon de s'accoutumer à se recueillir de temps en temps/Полезно оставаться время от времени с собой наедине*). Основную нагрузку наречия ХОРОШО берет на себя BIEN (*Он хорошо говорит/Il parle bien*)[20].

Также как и BON русское ХОРОШО может функционировать как частица и вводное слово в ряде аналогичных контекстов (см. выше)[21], выражая при этом разнообразные эмоциональные состояния: *Так я тебя жду... – Хорошо; Хорошо, это тебе еще припомнится; Я пойду с тобой, хорошо, но что будет дальше?*

Русское ХОРОШ/ХОРОША в значении 'красивый' не могут быть переданы при помощи BON: *Она так хороша/Elle est si belle*[22]. Ср. также *Старинные барские усадьбы по Москве-реке необыкновенно хороши* (Герцен), где ХОРОШИ может перейти в BELLES, но не в BON.

Русское ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК[23] вряд ли может быть передано при помощи BON, в частности, потому что последнее, хотя и с большими ограничениями на сочетаемость, применительно к людям имеет значение 'добрый' (см. также раздел 4). Высказыванию *Он хороший человек* можно сопоставить *C'est quelqu'un de (très) bien, C'est quelqu'un de (très) gentil, Il est brave*.

ХОРОШИЙ, так же как и BON, может функционировать как интенсификатор (*хороший разбег*), усиливая и негативные аспекты (*хорошая ссора, хорошая затрещина*), так и со значением 'большого количества' (*хорошая тарелка щей*).

ХОРОШИЙ в отличие от BON не может быть количественным ограничителем (*un bon quart d'heure/добрых четверть часа*).

В целом, для ХОРОШИЙ положительная ориентированность является, по-видимому, более существенной, чем для BON, а для BON, в свою очередь, идея соответствия и совпадения кажется более центральной. ХОРОШИЙ во многих контекстах "лучше", чем BON, что, видимо, связано с тем, что норма для ХОРОШИЙ чаще совпадает с ожиданиями говорящего, а не ориентирована на внешние и, в частности, социально закрепленные нормативы.

2.4 Поскольку центральным для BON является наличие заранее известного прототипа или стандарта в самом широком смысле слова, то стилистические оттенки, связанные с инвариантным значением можно было бы сформулировать следующим образом:

– Привычность, обыденность, "неисключительность" объекта или ситуации

– Отсутствие дистанции

---

[19] Для ХОРОШИЙ таким употреблением будет разве что оценка ХОРОШО в образовательной практике, где ХОРОШИЙ выступает в форме наречия.

[20] Описание некоторых употреблений BIEN дается в [Culioli 1990].

[21] Но не во всех. Так контексты удивления с *Ah! Bon!*, вряд ли можно передать при помощи ХОРОШО.

[22] Высказывание о лице женского пола *Elle est bonne* может означать груб. '(хорошая) телка'.

[23] См. также обсуждение этого вопроса в [Вендлер 1981: 554].

– Подконтрольность ситуации или объекта.

Очень часто при помощи десемантизированного BON происходит нечто вроде включения объекта в личную сферу говорящего. Так, в последовательностях типа *un bon chic de bonne petite vieille ville* (Flaubert)/*изыск нашей старой доброй провинции* или *les bons petits rhumatismes des familles* (Proust)/*столь обычный для нас ревматизм*, *la bonne grasse sentimentale héroïque dame* (Leroux)/*наша сентиментальная и мужественная толстуха* BON несет исключительно стилистическую нагрузку, которая часто интерпретируется как снисходительное, или даже уничижительное, отношение к объекту. Однако, как нам кажется, здесь ярко проявляется стилистическая специфика BON (привычность и обыденность, с одной стороны, и отсутствие дистанции, с другой). Аналогично можно интерпретировать бытовые контексты типа *Tiens, je vais me prendre un bon bain!* (*А приму-ка я ванну!*) или *Je vais prendre un bon thé et me coucher de bonne heure* (*Выпью-ка я чайку и рано лягу спать*). Сходный стилистический оттенок можно обнаружить в таких выражениях с десемантизированным BON, как *le bon Henri IV* или *le bon Lafontaine* (*Comme disait ce bon Henri IV.../Как бывало поговаривал Генрих IV...*). В выражении *ma bonne vieille maison*, которому обычно сопоставляют *мой милый/добрый старый дом*, по-видимому, речь идет тоже исключительно о стилистических оттенках (выражению *mes bons vieux chaussons* уже трудно сопоставить *?мои милые старые тапочки*).

В этом отношении интересны также выражения *bon-papa* (*дедушка*) и *bonne-maman* (*бабушка*), принадлежащие скорее к разговорной и детской речи. Стилистически они противопоставлены терминам родства с BEAU (*beau-père*, *belle-mère*), где, наоборот, присутствует уважительный, дистантный оттенок. То же касается и других производных от BON, например, *bonhomme* (в главном значении) разг. *дядя*, *тип*, *мальчуган* или выражения *ma bonne dame*/*голубушка, дамочка*.

Особый интерес представляет субстантивированное прилагательное BONNE в более позднем значении 'бонна для детей', 'прислуга', 'домашняя работница', 'горничная'. Здесь прагматическая, "бытовая" тенденция развития значения выражена особенно ярко.

3. *BEAU* ИЛИ *BON*?

Выше было показано, что BEAU и BON с точки зрения их инвариантной структуры существенным образом отличаются друг от друга: если BEAU предполагает развитые главные, **внутренние** свойства объекта (которые могут соотноситься с эстетическим аспектом), его независимое существование, то BON постулирует наличие **внешней** оценки, пригодности для той или иной цели, соответствие ожиданиям, стандартам или нормам, приписывание статуса. Таким образом, BEAU в общем случае **не предполагает нормы**, в то время как BON использует самые разнообразные **внешние стабилизаторы**.

Если воспользоваться классической стилистической шкалой (низкий, средний, высокий стиль), то в близких контекстах BON в современном французском языке в общем случае стилистически "ниже"[24], чем BEAU.

В стилистическом отношении BEAU часто подчеркивает значительность и исключительность, в то время, как BON ограничивается констатацией пригодности или соответствия стандартам и ожиданиям.

---

[24] См., например, [Степанов 1998]. Несмотря на то, что вопросы стилистики остались за рамками основной массы отечественных лингвистических работ последних десятилетий или не рассматриваются как таковые, следует отметить, что, например, стилистические пометы активно используются (по большей части без всяких пояснений) и преумножаются в самых актуальных словарных разработках [Апресян и др. 2000].

Семантика BEAU и BON пересекается в нескольких типах контекстов. Прежде всего это касается вещей и явлений (событий), которые по сути своей имеют предназначение или должны соответствовать определенным стандартам, и эти стандарты часто очень близки к "развитым внутренним свойствам" .

В паре *un bon outil/un bel outil* (*хороший/прекрасный инструмент*) в первом случае речь идет исключительно о пригодности, функциональности, "полезности". Во втором – о том, что у данного экземпляра, кроме функциональных характеристик, развиты все существенные параметры. Даже тогда, когда речь идет о вещи, предназначенной для практического использования, как в данном случае, сам факт возможности использования BEAU свидетельствует о том, что говорящий возводит *outil* в ранг самостоятельного объекта, отзываясь о нем с уважением.

Контексты типа *un beau gâteau/un bon gâteau* (*прекрасный торт/хороший, вкусный торт*) имеют смысловое различие. *Un beau gâteau* подразумевает зрительное восприятие и/или констатацию вкусовых достоинств, в то время как *un bon gâteau* подразумевает только вкусовые качества.

Обратимся теперь к выражениям *un bon livre/un beau livre* (*хорошая/прекрасная книга*). В первом случае речь идет о том, что книга написана профессионально и поэтому пригодна для чтения, или же что она отвечает ожиданиям говорящего, нравится ему. *Un beau livre* означает, что ее художественные достоинства проявились в высокой степени[25]. По такой же схеме могут быть интерпретированы такие выражения, как *un beau/bon paysage* (*красивый, прекрасный/хороший пейзаж*), *de la belle/bonne musique* (*красивая, прекрасная/хорошая музыка*), *une belle/bonne statue* (*красивая, прекрасная/хорошая статуя*). Эти различия можно рассматривать как семантические.

Il fait bon/il fait beau часто передаются как *хорошая погода*. *Il fait beau* может относиться только к тому, что происходит вне замкнутых пространств, характеризует природные условия и указывает прежде всего на то, что светит солнце. *Il fait bon* употребляется применительно к замкнутым[26] или незамкнутым пространствам, и связано с идеей комфорта. Таким образом, объективно хорошая погода, погода в своем лучшем проявлении, оформляется выражением *Il fait beau*, а с введением точки зрения говорящего – *Il fait bon*. Здесь различие носит также семантический характер.

Если сравнить *un bon exemple* (*уместный, хороший пример*) и *un bel exemple*[27] (*прекрасный пример*), то здесь речь идет скорее о стилистике:

> Un BEL/BON exemple de dévouement et d'abnégation. ПРЕКРАСНЫЙ/ХОРОШИЙ пример преданности и самоотверженности.

С BON фраза указывает на соответствие поступка стандартным представлениям о преданности и самоотверженности, в то время как BEAU фокусирует внимание на значительности происходящего. Но в любом случае, по-видимому, трудно говорить о какой-то четкой границе между семантикой и стилистикой[28].

---

[25] Это выражение может указывать на то, что книга красиво оформлена.

[26] *Il fait bon (ici)*, например, может означать, что в помещении как тепло (комфортно), так и прохладно (тоже комфортно, например, когда на улице жара). Ср.

Мы идем с ней на каток, потом – греться в Третьяковку. В Третьяковке зимой ОЧЕНЬ ТЕПЛО (Казаков). Nous allons ensemble à la patinoire, puis nous rechauffer à la Trétiakov. IL FAIT TRÈS BON à la Trétiakov en hiver.

Аналогично, русское *Сегодня (в море) теплая вода* по-французски звучит как *Aujourd'hui l'eau est bonne*, т.е. вода пригодна для купания.

[27] Выражение красивый пример также может быть передано как *un bel exemple*.

[28] В этом смысле стилистику можно было бы определить как "тонкую" семантику, которая обычно не фиксируется в традиционных лексикографических источниках. По-видимому, именно в силу этого обстоятельства некоторые западные школы устного перевода допускают только перевод на родной язык: при достаточно высоких стилистических требованиях к продуцируемому тексту переводчик должен владеть инвариантными и прочими коннотациями языка, на который он переводит.

Скорее стилистическое различие прослеживается также в контекстах, где BEAU и BON указывают на большое количество: *une belle somme d'argent и une bonne somme d'argent* – и тому и другому примерно соответствует *большая сумма* (*денег*) или *кругленькая сумма*.

То же самое касается употреблений BEAU и BON в качестве интенсификаторов – *une bonne angine/une belle angine* (*сильная ангина*) или *une belle gifle/une bonne gifle* (*хорошая пощечина*). BON указывает на "стандартность", нормальность, присходящего, в то время как BEAU акцентирует внимание на значительности события, при том, что говорящий от происходящего дистанцируется: *Vous avez là une belle brûlure* (*А у вас тут сильный ожог*), *Il avait une bonne brûlure au bras* (*Он здорово обжег себе руку*)[29].

Противопоставление BON/BEAU отличается от русской оппозиции ХОРОШИЙ/ПРЕКРАСНЫЙ. BEAU в параллельных текстах часто соответствует ХОРОШИЙ, а не ПРЕКРАСНЫЙ (см. 1.3 и 2.3).

Для оппозиции ХОРОШИЙ/ПРЕКРАСНЫЙ скорее характерна разница в степени (или интенсивности) проявления признаков и выраженности эмоционального фактора (как было указано выше, традиционно принято считать, что ПРЕКРАСНЫЙ объединяет в себе значения 'очень хороший' и 'очень красивый').

ХОРОШИЙ и ПРЕКРАСНЫЙ более "личные", субъективные слова, чем объективное BEAU и нормативное BON.

К норме тяготеют как BON, так и ХОРОШИЙ и КРАСИВЫЙ (см. 1.2, 2.2, 2.3). О последнем свидетельствует, в частности, то, что ХОРОШ/ХОРОША могут быть синонимами КРАСИВЫЙ/КРАСИВАЯ (см. примеры в 2.3).

К "предельному" типу прилагательных относится только ПРЕКРАСНЫЙ (см. 1.3).

В функции междометия, частицы и вводного слова могут выступать ХОРОШО, ПРЕКРАСНО и BON.

Количественные параметры (большое количество, значительность, усиление) могут выражаться при помощи BEAU, BON и ХОРОШИЙ. Количественное ограничение свойственно только BON (см. 2.1)

Перечисленные выше результаты сведены в Таблице 1.

Таблица 1

Семантические и формальные характеристики	BEAU	BON	КРАСИВЫЙ	ПРЕКРАСНЫЙ	ХОРОШИЙ
Наличие "нормы" в инварианте	Скорее нет	Скорее есть	Скорее есть	Скорее нет	Скорее есть
Выраженность личного фактора	Скорее нет	Скорее нет	Скорее нет	Скорее есть	Скорее есть
Способность функционировать как междометие, частица или вводное слово	Нет	Есть	Нет	Есть	Есть
Способность выражать количественные параметры	Есть	Есть	Нет	Нет	Есть
Способность сочетаться с TRÈS/ОЧЕНЬ	Есть	Есть	Есть	Нет	Есть

[29] Очевидно, что ни BEAU, ни BON в данном случае не являются простыми (не имеющими стилистической окраски) синонимами по Балли [Балли 2001: 122].

4. *BON*: *ДОБРЫЙ ИЛИ НРАВСТВЕННЫЙ*?

Как было указано выше, BON широко используется в выражениях, связанных с религиозной тематикой – приблизительный русский перевод *благой, истинный, благочестивый, праведный, нравственный, моральный* (см также 2.1) . Именно это значение является наиболее ранним. Так А. Ре пишет [Rey 1992: 243]

> Les plus anciens emplois de l'adjectif BON se rangent sous la notion de convenance" < > dans une société imprégnée de christianisme, il s'applique à celui qui remplit convenablement ses obligations de *bon chrétien* Наиболее ранние употребления прилагательного BON связаны с идеей моральных норм, "приличий" < > В обществе, пронизанном идеями христианства, оно относилось к тем, кто исправно выполнял *все христианские предписания*

В современном французском языке мы также сталкиваемся с употреблениями BON именно в этом значении в сочетании с *homme* (*человек*)

> Aujourd'hui, nous sommes dans un monde qui, ayant perdu le sens du religieux, n'a plus de garde-fous et où l'on se persuade que l'homme est BON en soi (René Girard) В наши дни, когда мир, в котором мы живем, лишен религиозной основы, и не существует более никаких преград, остается только надеяться на то, что человек может быть НРАВСТВЕННЫМ сам по себе

Значение BON, относящееся к людям, которое характеризуется в двуязычных словарях как 'добрый', близко подходит к этому ряду, однако русское ДОБРЫЙ вряд ли имеет столь четко очерченную нормативную основу Гораздо более частотными эквивалентами для русского ДОБРЫЙ на сегодняшний день являются, по всей видимости, слова GÉNÉREUX (ЩЕДРЫЙ) или GENTIL (словарный эквиваленты – ДОБРЫЙ, МЯГКИЙ, МИЛЫЙ, ЛЮБЕЗНЫЙ, ПРИВЕТЛИВЫЙ)[30], соответственно GÉNÉROSITÉ и GENTILLESSE для ДОБРОТЫ. Ср.:

> Те, кому доводилось встречаться с ним в Израиле, где он жил, или на Ближнем Востоке, где он работал в качестве фотокорреспондента, никогда не забудут его ДОБРОТЫ, спокойствия и мужества, высокого профессионализма Ceux qui l'ont connu en Israel où il vivait et dans tout le Moyen-Orient qu'il couvrait n'oublieront pas sa GENTILLESSE[31], son courage tranquille et la qualité de ses images

BON в значении 'добрый' в современном французском языке с большей легкостью включается во всякого рода перечисления и достаточно редко используется изолировано

> Elle est BONNE, sensible, bienveillante, sans folie, que pourrais-je demander de plus? (Borel) Она ДОБРА, отзывчива, доброжелательна, благоразумна, чего мне еще желать?

Употребление BON в изолированной позиции скорее свойственно контекстам, где речь идет о "высоком" стандарте доброты (*Dieu est bon/Господь добр*) или сочетании BON POUR (*Vous avez été bon pour moi autant qu'on puisse l'être/Вы были добры ко мне настолько, насколько это вообще возможно*).

В достаточно редком выражении (AVOIR) LA VIE BONNE также присутствует ссылка на нравственное начало

> Pendant des siècles < > poser la question de la "VIE BONNE", c'était d'abord s'engager à rechercher un principe transcendant, une entité extérieure et supérieure à l'humanité, qui lui permît d'apprécier la valeur d'une existence singulière < > C'est que l'Europe est décidément entrée dans une ère nouvelle, celle de la laïcité achevée, ou si l'on veut, du matérialisme radical pour nombre de nos concitoyens, en effet, plus rien ne paraît à vrai dire "sur-humain"

---

[30] По наблюдениям автора, более, чем в 70% случаев русск *добрый* (*добрый человек*) переходит во французские *généreux* или *gentil* (материалом для наблюдения, в частности, послужили переводы на французский язык русскоязычных текстов на французском телеканале ARTE)

[31] Словарными эквивалентами GENTILLESSE являются ЛЮБЕЗНОСТЬ, ПРИВЕТЛИВОСТЬ

(Ferry) В течение многих столетий < > вопрос о "ПРАВЕДНОЙ ЖИЗНИ' был непосредственно связан с поиском трансцедентного начала, высшего и внешнего по отношению к человечеству принципа, который позволил бы давать оценку каждой отдельной прожитой жизни < > Но для Европы отныне настала новая, светская в полном смысле слова, эра, которую можно было бы определить и как эру радикального материализма для многих наших сограждан уже не существует никаких 'высших' над-человеческих' начал[32]

В современном французском языке выражение LA VIE BONNE по большей части употребляется как и в приведенном выше примере с развернутой экспликацией.

Cette vie conforme a la raison est une vie de 'vertu LA VIE BONNE, c'est la vie morale, une vie d'excellence et d'équilibre, qui consiste à savoir déterminer le juste milieu en toutes circonstances Жизнь, выверенная разумным началом, и есть жизнь "благочестивая" ЖИЗНЬ ПРАВЕДНАЯ сообразуется с моралью, это жизнь человека, стремящегося к совершенству, умеющего найти "золотую середину' в любой жизненной коллизии

В обоих случаях BON отсылает к внешнему стандарту из области морали, существование которого ставится некоторыми авторами под сомнение. Создается впечатление, что употребление этих выражений затруднено ввиду проблем, связанных с актуальностью нормы и несоответствия их значения инвариантным коннотациям BON Вообще инвариант и его коннотации может накладывать настолько сильный отпечаток на частные значения лексемы, что ее использование в некоторых контекстах оказывается затрудненным[33]

Если информация о "вещных коннотациях" – гипотетических материальных объектах, соответствующих абстрактным именам[34], выводится из сочетаемости слова, то сведения об инвариантных коннотациях можно вывести из анализа его конкретных значений. Оба эти аспекта реально влияют на оформление текста и во многом определяют уровень его стилистического совершенства[35].

---

[32] Выражение *la vie bonne* не следует смешивать с *la bonne vie* (*хорошая жизнь*) и *la belle vie* (*прекрасная жизнь*) Тенденция выражать новые значения при помощи уже имеющихся слов, максимально используя при этом всевозможные способы оформления словосочетаний, вообще характерна для французского языка, в то время как русский язык с легкостью включает в свой состав новые слова Ср [Гак 1989 223]

[33] Приведем следующие примеры Французское слово QUAI многозначно среди его значений, в частности, есть значение 'voie publique aménagée entre les maisons et un cours d'eau' (благоустроенный участок суши, расположенный между зданиями и водой), которое соответствует русскому слову НАБЕРЕЖНАЯ и является его единственным переводным эквивалентом [Щерба, Матусевич 1977] Данное значение является более ранним, чем конкурирующие 'причал, пристань' и 'перрон (на железнодорожном вокзале)' Русское НАБЕРЕЖНАЯ отличается от французского QUAI именно на уровне инварианта В этом отношении интересен перевод начальной фразы "Дамы с собачкой" А П Чехова

Говорили, что на НАБЕРЕЖНОЙ появилось новое лицо дама с собачкой On disait qu'un nouveau personnage avait fait son apparition sur la PROMENADE une dame avec un petit chien

Инвариантное значение QUAI тяготеет к формулировке 'пространство, расположенное вдоль транспортного пути (водного или железнодорожного)' Русское НАБЕРЕЖНАЯ не несет никакой "транспортной" идеи и гораздо лучше совместимо с представлением о прогулке, хотя франц QUAI эту идею не исключает Частные значения QUAI ('причал', 'перрон', 'набережная') достаточно радикально отличаются друг от друга, в то время как у слова НАБЕРЕЖНАЯ сильная многозначность практически отсутствует Хороший стилист, по всем этим причинам будет склонен предпочесть в качестве перевода для русск НАБЕРЕЖНАЯ франц PROMENADE 'место для прогулки', хотя тем самым он лишает читателя возможности сразу понять, что дело происходит у воды Вместе с тем, набережная может **называться** *promenade* (ср *La promenade des Anglais* в Ницце)

[34] См об этом [Успенский 1979], а также сопоставительное исследование [Голованивская 1999].

[35] Автор выражает глубокую благодарность В Г Гаку, Т Н Громовой, П Дегре и В З Демьянкову за полезные замечания и помощь при работе над статьей

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян и др. 2000 – *Ю.Д Апресян, О Ю Богуславская* и др Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2000.

Балли 2001 – *Ш Балли* Французская стилистика. М., 2001.

БАС 1948—1965 – Словарь современного русского литературного языка Т 1—17. М., 1948—1965.

Гак 1989 – *В Г Гак* Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1989.

Гак, Ганшина 1995 – *В Г Гак, К А Ганшина* Новый французско-русский словарь. М., 1995.

Вендлер 1981 – *З Вендлер* О слове *good* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М , 1981.

Гринева, Громова 1996 – *Е Ф Гринева, Т Н Громова* Французско-русский словарь. М , 1996

Голованивская 1999 – *М К Голованивская* Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка М , 1999.

Даль 1994 – *В Даль* Толковый словарь живого великорусского языка. Т I–IV. М., 1994.

Перцов 2001 – *Н В Перцов* Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.

Разлогова 1988 – *Е Разлогова* Семантические инварианты. Логико-когнитивный анализ лексики естественного языка. М., 1988.

Разлогова 1996 – *Е Э Разлогова* Модальные слова и оценка степени достоверности высказываний // Русистика сегодня. Вып. 3. М., 1996.

Степанов 1998 – *Ю С Степанов*. Стиль // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

Успенский 1979 – *В А Успенский* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.

ФРС 1991 – Французско-русский словарь активного типа/Под ред. В.Г Гака и Ж. Триомфа М , 1991.

Щерба, Матусевич 1997 – *Л В Щерба, М И Матусевич* Русско-французский словарь. 1997

Culioli 1990 – *A Culioli* Valeurs modales et opérations énonciatives // A. Culioli Pour une linguistique de l'énonciation Ophrys, 1990.

Grand Robert 2000 – *Le Grand Robert* Dictionnaire de la langue française. Paris, 2000

Lexis 1993 – Lexis. Dictionnaire de la langue française. Paris, 1993.

Petit Robert 1993 – *Le Nouveau Petit Robert* Dictionnaire de la langue française 1 Paris,1993.

Rey 1992 – *A Rey* (ed.) Dictionnaire historique de la langue francaise. T. 1. Paris, 1992.

Wierzbicka 1997 – *A Wierzbicka* Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, Japanese. New York; Oxford, 1997.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 2003

© 2003 г. О. ЙОКОЯМА

НЕЙТРАЛЬНАЯ И НЕНЕЙТРАЛЬНАЯ ИНТОНАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: АВТОСЕГМЕНТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИСТЕМЫ ИНТОНАЦИОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ*

В основу предлагаемого здесь очерка интонационной системы русского литературного языка положены принципы автосегментной фонологии и широко используемая система интонационных конструкций (ИК) в изложении Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1980]. Первые наши попытки связать факты, описанные в системе ИК, с автосегментным подходом к интонации были сделаны в [Yokoyama 1986; 1987]. Высказанные в этих работах мысли подвергаются здесь значительной переработке и развиваются далее с учетом новых языковых данных. В первом разделе мы обсуждаем теоретические вопросы, возникающие в связи с системой ИК, во втором разделе намечаются основные черты предлагаемой нами системы, а в третьем эти две системы сопоставляются путем "перевода" знакомых читателю ИК на язык предлагаемой автосегментной системы.

1. СИСТЕМА ИК: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Не являясь единственным подходом к русской интонации и в самой России, система ИК Е.А. Брызгуновой[1] все же является наиболее важной не только потому, что она представляет собой первую попытку создать полную модель русской интонации, но и потому, что именно с ней знакомы русисты за пределами России и именно она привлекается при обсуждении ряда вопросов, относящихся к другим компонентам языка, таких, например, как порядок слов. После ее появления в 1963 г. в качестве учебного описания русской интонации для студентов-иностранцев она с годами приобрела более общее значение, окончательно утвердившись как авторитетное описание русской интонации включением ее в Академическую грамматику 1980 г. Как и у всех "сильных гипотез", роль системы ИК в становлении науки о русской интонации и в ее дальнейшем развитии чрезвычайно велика. Отдавая ей в этом должное, все же нельзя не заметить, что, несмотря на богатство материала и массу тонких интонаци-

* Инструментальный анализ, на котором основана эта работа, был поддержан грантами NSF BNS 8206064 и UCLA 4-564047-19914-07 Ранний вариант на эту тему был представлен в докладе на конференции AATSEEL в декабре 1989 г под названием "Система ИК и сентенциальное ударение". Предварительный вариант данной статьи был опубликован в [Yokoyama 1990]. Автор выражает благодарность П Редеру, давшему свое согласие на перевод работы, опубликованной в редактируемом им журнале Die Welt der Slawen При переводе были внесены немногочисленные изменения

[1] Кроме работ Е.А. Брызгуновой, имеются систематические монографические описания русской интонации [Николаева 1977; Светозарова 1978; Кодзасов 1996; 1999]. В педагогической литературе система ИК продолжает доминировать; ср [Иванова-Лукьянова 1998]. За пределами России следует отметить работу [Odé 1989], отличающуюся своей перцепционной направленностью

онных и семантических различий, описанных в системе ИК за четыре десятилетия ее существования, ее теоретические основы до недавнего времени почти не подвергались обсуждению. Ниже мы попытаемся восполнить этот пробел.

Согласно работе [Брызгунова 1980], система ИК состоит из семи ИК, определяемых высотой тона, амплитудой и другими преимущественно супрасегментными признаками отрезков сегментного материала, называемого "синтагмами". У каждой синтагмы есть свой "интонационный центр", который приходится на тот слог, на котором реализуется значимая перемена в высоте тона; у синтагмы могут также быть и предцентровая и/или постцентровая части. Высказывание может состоять из одной или более синтагм, и, следовательно, в нем может быть один или более интонационных центров. Список ИК можно понимать как своего рода "интонационный лексикон", в каждой "словарной статье" которого дается их структура и интонационное значение.

Первым значительным шагом от дескрипции и педагогики[2] в сторону теории была работа [Брызгунова 1978]. В этой работе на основании минимальных оппозиций, смыслоразличительная функция в которых выполнялась исключительно интонационными средствами, убедительно доказывалась фонемная сущность русской интонации[3]. В работе проводилась параллель между фонемой и ИК[4]. Фонологический метод в русской интонации, однако, не пошел далее доказательства ее смыслоразличительной функции. В нем продолжало отсутствовать одно из основных понятий современной фонологии, а именно понятие оппозиции "фонема – аллофон", которое в интонации следует искать в оппозиции "тонема – частота основного тона" ее контекстуально определяемой реализации (т.е. тонема – ее позиционные чередования). Если исходить из сравнения с сегментной фонологией, кривая, состоящая из последовательно меняющихся высот F_0, регистрируемых физическими приборами, т.е. ИК, по статусу равна цепочке аллофонов, т.е. звуков речи, а не языка. За такими аллофонами, или скорее аллотонами, должны стоять тонемы, т.е. тонологические абстрактные единицы, звуки языка, а не речи, без списка которых интонационная система так же беспомощна, как фонологическая система без списка фонем, т.е. система, состоящая из одних только аллофонов. Во втором разделе будет предложено наше первое приближение к списку русских тонем, которые соотносятся с ИК так же, как фонемы соотносятся с морфемами.

При отсутствии описания тонем русского языка, их списка и какой-либо системы, соотносящей тонемы с аллотонами, список ИК, состоящий, как мы утверждаем, из аллотонов, неизбежно становится открытым множеством аллотоновых цепочек. То-

---

[2] Следует отметить, что в отношении педагогической ценности система ИК значительно выиграла бы, если бы в учебной практике учитывались некоторые ее социолингвистические аспекты. Чрезвычайно важными в этой связи представляются два практических момента: общий вопрос отношения говорящего к адресату и вопрос гендера. Релевантность прагматических и социолингвистических аспектов для всех ярусов языковой структуры едва ли нуждается в защите; интонационный компонент языка в этом смысле не представляет исключения. Вопрос освоения интонации иноязычными студентами, с другой стороны, заслуживает особого внимания педагогов, ставящих целью коммуникативную компетенцию учащихся. Ошибки в прагматическом и социолингвистическом аспектах интонации вдвойне проблематичны: во-первых, они воздействуют на адресата непосредственно, мощным и примитивным образом, хотя и подспудно, во-вторых, они почти не поддаются диагнозу, к ним неискушенный в интонационной педагогике адресат не может обращаться и попытаться исправить ненамеренно закодированные в них нежелательные импликации (в отличие от ошибок в грамматике, синтаксисе или лексике). Подробнее по поводу усвоения интонации студентами см. [Йокояма 1992].

[3] Об этом говорилось и другими исследователями; из ранних упоминаний см. [Пешковский 1933: 69–70].

[4] То же утверждается и в работе [Брызгунова 1993], где в качестве основных смыслоразличительных единиц языка приводятся фонемы и ИК.

нем всегда меньше, чем поддающихся наблюдению аллотонов; множество же аллотонов, с другой стороны, зависит от тонкости улавливаемых нами различий. Оно почти всегда может увеличиваться по сравнению с тем, которое мы успели зафиксировать к данному времени. Рост числа ИК, наблюдаемый со времени появления ИК в [Брызгунова 1963], был неизбежен именно из-за отсутствия разграничения "тонема – аллотон". Вначале ИК было четыре, в [Брызгунова 1969] их стало пять, а к 1977 г. число их возросло до семи, не считая так называемых "реализаций ИК"[5]. В этом неуклонном росте числа ИК просматривается серьезный теоретический недочет: в систему ИК не заложено никаких принципиальных ограничений на их число, и этим создается возможность его безграничного увеличения[6]. Такая открытость ряда ИК и их реализаций аналогична открытости лексикона, единицы которого принципиально не ограничены в числе, хотя каждая из них состоит из сочетаний фонем, число которых в языке ограничено.

Такой же "беспредел" наблюдается и в отношении семантики ИК, являясь прямым последствием их аллофоновой сущности. Поиски значения поверхностных реализаций, т.е. аллотонов, представляются бесперспективными, т.к. смысл не может связываться с контекстуально зависимым, произвольным уровнем тона, подобно тому как он не может быть связан с аллофонами: значение фонетической реализации [kot] двусмысленно, так как оно может восходить фонологически и к /kod/, и к /kot/. Почти у всех ИК есть основное значение и несколько "модальных" значений (например, основное значение ИК-1 – завершенность, в то время как во все "модальные" реализации входит также значение таких речевых актов, как "подтверждение", "возражение" [Брызгунова 1980: 109], причем характер тонологической связи между этими значениями не указан. Наряду с подобной полисемией в системе ИК наблюдается синонимия (например, ИК-3, ИК-4 и ИК-6 – все означают "незавершенность")[7]. Такое сочетание синонимии с омонимией или полисемией приводит к избыточности в системе, особен-

---

[5] "Нейтральные реализации" ИК могут приводить к совмещению двух типов и, по-видимому, к нейтрализации семантических различий; "модальные" же реализации кодируют добавочную информацию о субъективном отношении говорящего к содержанию высказывания. Оба вида реализаций определяются по вариации контура и его составляющих: уровня высоты тона, удлинения длительности слога, на который приходится интонационный центр, разницы в тембре гласных. Соотношение ИК и их нейтральных реализаций на первый взгляд напоминает соотношение тонем и аллотонов. Однако если учесть, что нейтральные реализации могут быть представлены переходными типами, они стоят, по-видимому, в одном ряду с другими семью ИК (например, нейтральная реализация ИК-1[2] является конструкцией, переходной между простыми ИК-1 и ИК-2) и, как таковые, разделяют их тонологический статус. Тонологический статус модальных реализаций, с другой стороны, менее ясен: модальные реализации могут заменяться нейтральными в одном и том же контексте и в то же время они отражают разные отношения говорящего. Строго говоря, всякое различие в отношении, интонации и оценке исключает тождественность контекста, из чего следует, что модальные реализации не подлежат на самом деле свободной замене и, как меняющие смысл, должны быть тонологическими. В работе [Брызгунова 1993: 64] реализации определяются как члены парадигмы, образуемой каждой ИК. Понятие парадигмы здесь напоминает распространение этого морфологического концепта на синтаксис, предпринятое, например, в [Шведова и др. 1980], где в парадигму предложения входят его варианты разных времен и наклонений. Релевантность понятия парадигмы как для синтаксиса, так и для интонации остается автору неясной.

[6] Если взять математически возможные комбинации направления тона в интонационном центре и уровня высоты тона в предцентровой и постцентровой части, то одних простых сочетаний будет восемь, т.е. восемь ИК. Если же добавить другие отличительные признаки (как, например, интенсивность ударения в центре, отличающее ИК-1 от ИК-2, или гортанную смычку, отличающую ИК-7 от ИК-3), то число принципиально возможных комбинаций значительно возрастает.

[7] В работе [Брызгунова 1993: 65] предлагается архисема, соответствующая каждой ИК. Архисемой ИК-3, например, является "ожидание продолжения", напоминающее понятие "незавершенности", разделяемое также ИК-4 и ИК-6. Остается неясным, чем отличаются тогда архисемы ИК-4, ИК-6 и ИК-3.

но разительной при относительно ограниченном объеме интонационного "лексикона". Вопрос значения осложняется еще и тем, что в многосинтагменных высказываниях число ИК нередко доходит до трех или четырех ИК на высказывание. Если у каждой ИК имеется свое значение и никаких подчинительных отношений между этими значениями не установлено, естественно возникает вопрос о том, чем же определяется семантический вклад каждой из составляющих ИК и как вычисляется интонационное значение всего многосинтагменного высказывания в целом[8]. Не претендуя на составление полного лексикона интонационных значений, являющегося, несомненно, задачей будущего, мы попытаемся показать в следующем разделе, каким образом эксплицитное разделение ИК на глубинные цепочки тонем приводит к сокращению избыточности, наблюдаемой в системе ИК.

В системе ИК в настоящее время не говорится о сентенциальном ударении (в нашем определении оно близко по значению к "акцентному выделению" в работе [Николаева 1982]). В раннем описании системы ИК [Брызгунова 1963] различались нисходящее "фразовое ударение" (или "интонация точки"), "логическое ударение", отмечающее контраст, выделение и эмфазу, и три вида неконечного "синтагматического ударения" (два восходящих и одно нисходящее). В последующих разработках эти различия исчезают вместе с упоминанием логического ударения, и остается один лишь синтагматический "интонационный центр". Причины, приведшие, в частности, к удалению из системы ИК концепта логического ударения (или акцентного выделения на уровне всего высказывания), в рамках системы ИК не обсуждались, как не было и попыток систематически связать "интонационный центр" с теми синхронными или диахроническими языковыми явлениями неинтонационного характера, при объяснении которых за последние полвека использовалось сентенциальное ударение (или его приблизительные эквиваленты)[9]. Мы вернемся к вопросу о сентенциальном ударении в разделах 2.2 и 2.3.

Одним из главных признаков, отличающих одни ИК от других, является уровень тона перед и после интонационного центра [Брызгунова 1980: 97–98]. В отличие от этих структурно важных для ИК тонов более тонкие и не связанные с интонационным центром интонационные признаки рассматриваются в системе ИК только в качестве "модальных" вариаций, обусловленных смысловыми оттенками. В ответе на местоименный вопрос, оформленный ИК-1, может наблюдаться или ровное падение высоты тона во всех постцентровых слогах или же вслед за падением может возникнуть легкий подъем (как, например, при желании выразить интонацией смысл "Ну как мой ответ, устраивает?"). Так как и в том и в другом случае тон падает в интонационном центре, приходящемся на ударный слог одного и того же слова, и так как и в том и в другом случае отношения предцентра и постцентра равны, диагноз в обоих случаях будет ИК-1, невзирая на различие в высоте тона в самом конце двух высказываний. Но ведь если этим различием определяется разница в значении, пусть едва уловимая, эта разница должна отражать глубинные тонемные различия в той же мере, в какой другие семантические различия отражаются другими глубинными тонемами. Система ИК не располагает тонологическими средствами для однозначного описания подобных семантических различий.

---

[8] Взять, к примеру, высказывание (6), расцениваемое в [Брызгунова 1984: 37] как последовательность синтагм ИК-3, ИК-6 и ИК-1. Значение ИК-3 и ИК-6 определяется как незавершенность, с той разницей, что ИК-6 связывается с торжественно-приподнятой речью, а ИК-3 – с отсутствием торжественности, но с усилением смысловой связи "между главной и придаточной частями" сложноподчиненного предложения. Как тогда, если в одном высказывании отмечены обе ИК, определяется уровень его торжественности?

[9] Назовем лишь два примера: в [Иванов 1964] сохранение подлежащего в некоторых предложениях древнерусского языка объясняется логическим ударением; в синхронных описаниях русского порядка слов роль сентенциального ударения подчеркивается П. Адамцем [Адамец 1966] и многими другими; см. также обсуждение акцентного выделения в важной работе [Николаева 1982].

2. АВТОСЕГМЕНТНЫЙ ОЧЕРК РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ

2.1. Основной инвентарь двухъярусной системы "Тонема – F_0"

В теории русской интонации, представленной в работах [Yokoyama 1986; 1987], предполагалось два яруса: тонемный (фонемный, или глубинный) и тоновый (фонетический, или поверхностный)[10]. В состав тонемного яруса входят скользящие и уровневые тонемы. Уровней два – высокий (В) и низкий (Н); "пограничные тонемы" (Т%) и "фразовые акценты" (Т-) могут быть или В или Н, причем ни Т%, ни Т- не связаны с сентенциальным ударением (СУ). Скользящие тонемы бывают нисходящими (ВН) или восходящими (НВ)[11]; они реализуются в "интонационных центрах", т.е. совпадают с синтагматическим ударением и могут также совпадать с СУ. Пограничными тонемами начинается и кончается каждое высказывание[12] или фраза, которые состоят из одной или более синтагм; они отличаются от фразовых акцентов своей точечностью, т.е. неспособностью растекаться на многослоговый сегментный материал. Между синтагмой, фразой и высказыванием предполагается следующее соотношение: синтагма ≤ фраза ≤ высказывание.

Фонетический ярус порождается в результате соотнесения цепочек тонем с данным сегментным материалом, т.е. "наложения" абстрактной автосегментной схемы на конкретные сегменты. Этот процесс подчиняется определенным тонологическим правилам, в том числе базисному повышению (upstep) и понижению (downstep), растеканию (tone spreading), реализуемому в пределах фразового акцента, межтоновому переходу, сплющиванию диапазона и деклинации базальной линии[13]. Принципиальное разграничение тонемного (фонемного) и тонового (фонетического) ярусов с учетом соотносящих их автосегментных правил наложения важно не только в теоретическом отношении, но также и при анализе и интерпретации инструментальных данных. На частоту основного тона конечной пограничной тонемы, например, особенно сильно влияет деклинация, в результате чего доступная наблюдению и измерению в герцах высота конечного тона В% может оказаться ниже, чем измеряемая высота

---

[10] Названная теория на ее первой стадии основывалась на инструментальном исследовании, проведенном в 1982–1984 гг. 200 русских высказываний в исполнении двух носительниц языка были проанализированы с помощью компьютерной программы FPRD, разработанной в Массачусеттском технологическом институте и позволяющей определение основной частоты в любой точке высказывания. Программа также выдавала графические схемы контура по обычной (не логарифмической) шкале. Дальнейший инструментальный анализ был проведен в 1999–2000 гг. с помощью программы PCQuirer. Были проанализированы записи, сопровождающие работы [Брызгунова 1984] и [Китайгородская, Розанова 1995], и записи детской речи из приложения № 4 к [Заппок, Бондарко 1994]. Абстрактная транскрипция в работе в основном следует системе, используемой для английского языка в [Pierrehumbert 1980] и стандарту ToBI [Silverman et al. 1992]; некоторые модификации были предприняты там, где соответствующих оснований в русском языке пока не имеется. Некоторых специальных вопросов, касающихся фонетики и фонологии интонации, мы здесь не касаемся, т.к. данная статья рассчитана на более широкий круг читателей-лингвистов.

[11] Не исключается, что в русской интонации следует отличать еще и восходяще-нисходящую тонему НВН и нисходяще-восходящую тонему ВНВ. Такая возможность обсуждается в работе [Кодзасов 1996: 92–93] в случае удлиненного ударного гласного в слове *Петя*, например, в восклицании *Ах, Петя!*, произнесенном с некоторым оттенком удивления. До тех пор, пока не появятся данные, исключающие возможность анализировать подобные поверхностные контуры как сочетания двух скользящих тонем или скользящей тонемы с фразовым акцентом, мы предпочитаем оперировать минимальным инвентарем скользящих тонем.

[12] Статус начальной пограничной тонемы пока неясен, и в дальнейшем описании мы его обычно указывать не будем.

[13] Теоретическое обсуждение этих компонентов см. в работах [Clements 1979] и [Pierrehumbert 1980].

глубинного Н в начале высказывания. Тонемный В, связанный с определенным интонационным значением, может, таким образом, "выглядеть" как Н, в результате чего создается видимость синонимии между тем, что тонологически является двумя разными тонемами В и Н. Кроме того, при соотнесении тонем с сегментами "не вместившийся" в семантически соответствующий тонеме сегмент "глубинный тон" может быть реализован на соседнем сегментном материале. При такой автосегментной постановке некоторые отмеченные Е.А. Брызгуновой факты можно просто объяснить наличием сегментного материала, доступного для наложения на него абстрактных тонем. В работе [Брызгунова 1963], например, в синтагматическое ударение второго типа входит два варианта: когда синтагматическое ударение падает на последний слог в слове, контур интонации – восходящий, когда же в слове есть заударные слоги, интонационный контур ударного слога – ровный, но на заударных слогах наблюдается повышение тона [Брызгунова 1963: 188–192]. По сути дела здесь налицо единая последовательность тонов, состоящая из тонемного Н, за которым следует тонемный В. Н предназначен для ударного слога, а В для заударной части; если таковой не имеется, то обе тонемы, и Н и В, налагаются на последний, ударный, слог, вследствие чего создается видимость восходящего тона НВ. Различая ярусы, мы можем распознавать глубинные тонемы и их цепочки, "видеть" их даже при соотнесении их с весьма ограниченным сегментным материалом. В этой связи нельзя не упомянуть А.М. Пешковского, выразившего в принципе автосегментную мысль за шесть с лишним десятилетий до появления автосегментной теории: «Когда мы говорим простое "да" или "нет", мы как бы стягиваем в этом одном слове интонацию целой фразы, даем существеннейшие черты повествовательного тона, имеющиеся в любом длиннейшем сообщении» [Пешковский 1933: 70]. Автосегментное по духу отношение Пешковского, четко прочитывающееся из этой цитаты, принципиально отличается от подхода Е.А. Брызгуновой, ориентирующегося на "видимые" контуры. По поводу того же однословного высказывания "Да" в [Брызгунова 1980: 102] говорится: "В ИК может быть только центр: Да. Да?" Другими словами, в высказывании "Да" отсутствует "стяжение" пред- и постцентровой частей, которые имеются в более длинных высказываниях (и которые там "видимы"). Предлагаемую ниже систему можно рассматривать в некотором смысле как формализацию интуиции А.М. Пешковского[14].

2.2. Нейтральная интонация

2.2.1. Нейтральная интонация в однофразовых высказываниях

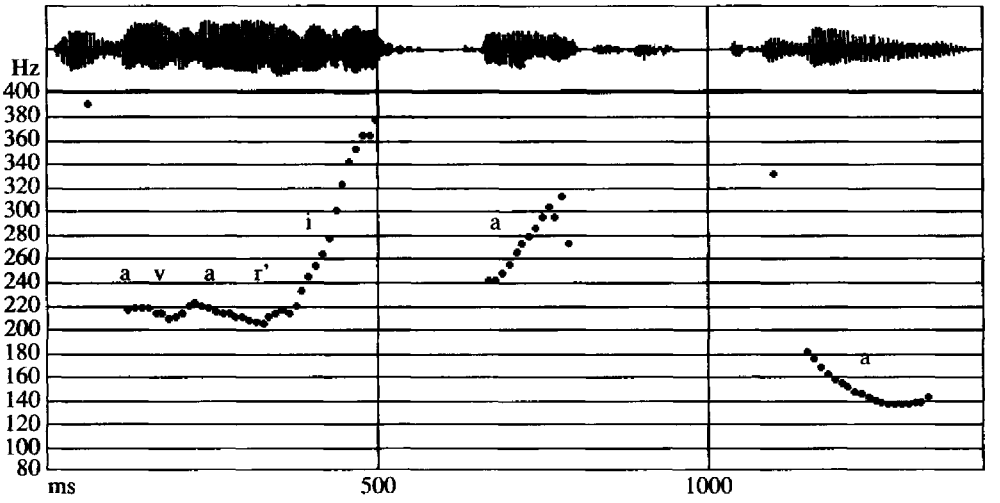
Примерами того, что мы называем нейтральной интонацией, являются высказывания (1) и (2)[15].

---

[14] Автосегментная по духу интуиция проявляется и в понятии "рассогласования сегментного и просодического материала" [Кодзасов 1989: 208]; судя по отсутствию упоминания автосегментной теории, концепт рассогласования был разработан С.В. Кодзасовым самостоятельно.

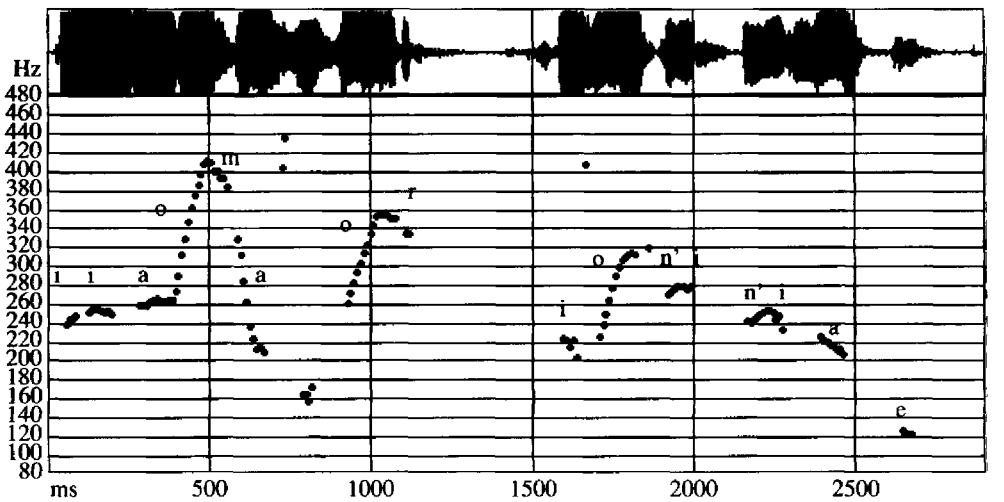
[15] На оси абсцисс откладывается время в миллисекундах, а на оси ординат – частота основного тона в герцах. В верхней части схемы дается график звуковых волн. Латинскими буквами вдоль контура основной частоты даются гласные, а иногда и сонанты. За недоступностью знака "↔" для введения в схемы редуцированные обозначаются знаками "a" и "i" после твердых и мягких согласных соответственно. Точки в неожиданных местах графика, отражающие недочеты в записи (шум в комнате или в аппаратуре), легко отличаются от значимых величин на глаз. Где было возможно, все значимые части рисунка, имеющие F_0, сопровождаются соответствующими буквами; отсутствие буквы означает, что программа отказалась выдать в этой точке величину высоты основного тона из-за низкой амплитуды, помех или скопления глухих согласных перед данным гласным.

(1) *Говорит Москва.*



[Брызгунова 1984, кассета, иллюстрация № 4]

(2) *Передаем обзор сегодняшних газет.*



[Брызгунова 1984, кассета, иллюстрация № 4]

Интонация этого типа, часто называемая немаркированной, ассоциируется с так называемым немаркированным, нейтральным порядком слов, т.е. словорасположением от темы к реме[16]. В работе [Yokoyama 1994] было высказано предположение, что этой интонацией кодируется отдаленность собеседников, дистантный ("чужой")

[16] Следуя этой традиции, мы ранее называли эту интонацию "интонацией I-го типа". В работах [Yokoyama 1986; 1987; 1990] указывалось, что в отличие от "интонации II-го типа", в ней отсутствует СУ. От терминов "тип I" и "тип II" мы теперь отказываемся в пользу дескриптивных "нейтральная" и "ненейтральная" интонация (причины станут понятны из обсуждения в разделе 2.4).

коммуникативный модус. В высказываниях с нейтральной интонацией не бывает СУ; их характеризует тонемное ядро НВ ВН, и заключаются они пограничной тонемой Н%. При наличии достаточного сегментного материала восходящая тонема НВ копируется в каждой добавочной синтагме, и вся серия восходящих тонем НВ подвергается действию базисного понижения (т.е. каждый тонемный скользящий НВ фонетически реализуется ниже, чем НВ, предшествующий ему)[17].

В примере (1) тонемное ядро НВ ВН реализуется (с базисным понижением НВ) на последнем слове, которому предстоит другая восходящая тонема НВ. Тонему НВ, входящую в состав ядра НВ ВН, "видно" в предударном слоге последнего фонетического слова в высказывании, если темп речи достаточно медленный. Даже в однословном высказывании *Москва*, если оно реализуется медленно в "чужом" модусе, контур полностью совпадает с контуром слова *Москва* в примере (1), что свидетельствует о наложении на однословное высказывание *Москва* тонемной цепочки НВ ВН. В работе [Fougeron 1999: 217 и сл.] тоже упоминаются случаи восходящего тона в предударном слоге, предшествующего нисходящему тону в ударном слоге в однословных фразах; в двусловных предложных группах и группах "определение-имя" восходящее движение реализуется на предлоге и определении; в однословных фразах с ударением на первом слоге восходящий тон реализуется на ударном слоге, а сброс переходит на последующий слог. При каких точно условиях восходящая тонема ядра НВ ВН реализуется на предударном слоге, за которым следует слог, на котором реализуется ВН [как в примере (1)], а также как реализуются эти тонемы на односложных словах разного сегментного состава, еще предстоит выяснить экспериментальным путем.

Исходя из примера (1) и подобных ему случаев, мы предполагаем, что в примере (2) восходящих тонем НВ всего 4 и последняя из них приходится на предударный слог последнего слова *газет*. То, что основная частота в этом слоге падает, объясняется, скорее всего, тем, что за ядром НВ ВН следуют тонемы Н- Н%, причем все три тона после НВ, т.е. ВН, Н- и Н%, как бы стягиваются в одно в одном ударном слоге. Чтобы падению и следующим за ним тонемам "уместиться" в такой ограниченный сегментный материал, падение захватывает левый край, начинаясь в предударном слоге. Крутые взлеты основного тона на ударных слогах слов *передаем*, *обзор* и *сегодняшних*, с другой стороны, однозначно иллюстрируют реализации восходящих тонем НВ, подверженных действию базисного понижения.

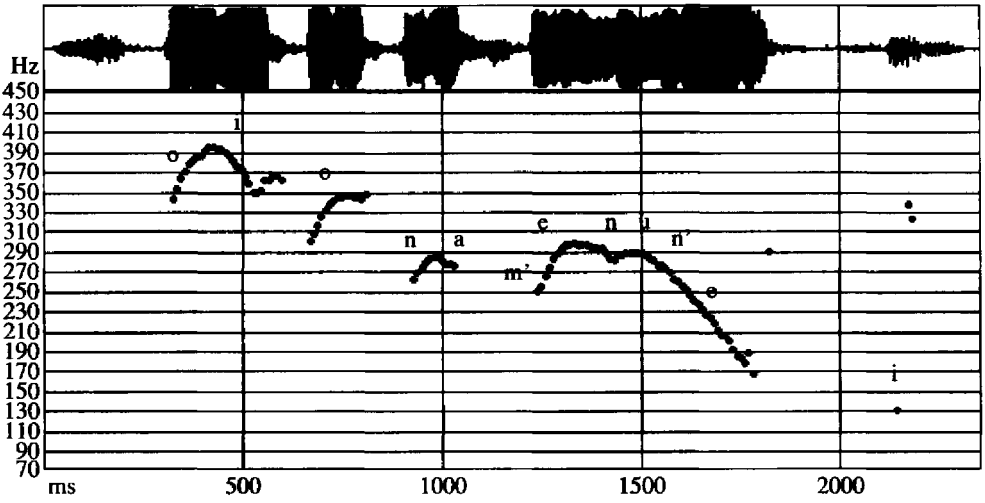
Нейтральная интонация используется не только в повествовательных высказываниях, но и в вопросительных[18], а также в некоторых несентенциальных, например в наименованиях и заглавиях (включая однословные); рассмотрим примеры (3) и (4).

---

[17] Здесь мы отходим от формулировки ядра как $[НВ]_n$ ВН, предложенной в работах [Yokoyama 1986; 1987; 1990]; формула была пересмотрена после включения в анализ многофразовых высказываний.

[18] Местоименные вопросы не упоминаются в работе [Брызгунова 1980] среди употреблений ИК-1, конструкции, соответствующей, по-видимому, нисходящей части (ВН) ядра нашей нейтральной интонации. О возможности оформлять их нейтральной интонацией, однако, говорится в работах [Всеволодский-Гернгросс 1922; Гвоздев 1949; Светозарова 1975; Yokoyama 1986] и др. При обсуждении употребления вариантов ИК-5 в работе [Кодзасов 1996: 96] имеется в виду, видимо, то же наблюдение, хотя С.В. Кодзасов, останавливаясь на ИК-5, допускает в таких вопросах лишь одну восходящую синтагму. В отличие от ИК-5, при оформлении вопроса нейтральной интонацией возможны более чем одна восходящая тонема.

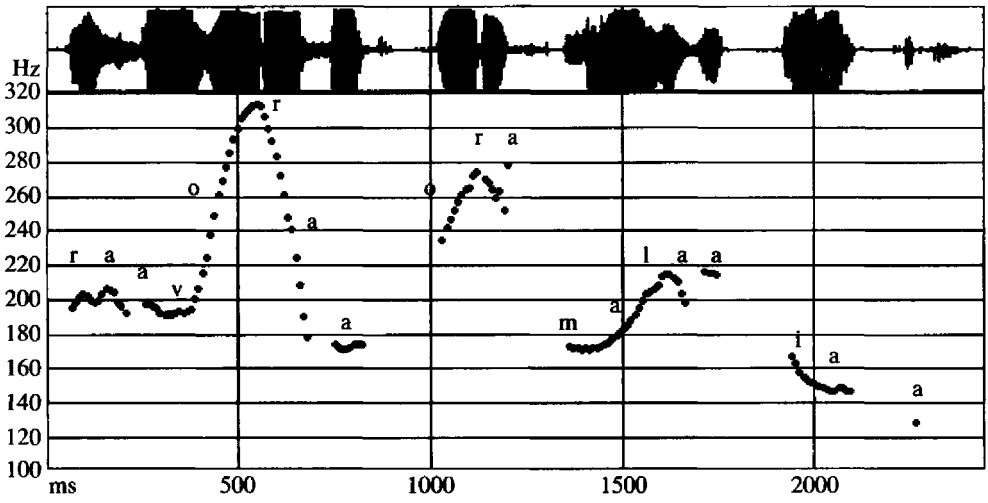
(3) *Что идет на смену нефти?*



[Брызгунова 1984, кассета, иллюстрация № 4]

В этом примере, по-видимому, усматривается начальная пограничная тонема %В, которой объясняется высокий зачин, а также относительно малый диапазон восходящих тонем НВ. Между восходящей и нисходящей тонемами, составляющими ядро, в высказывании (3) приходится предположить фразовый акцент В-, удерживающий F_0 заударного слога слова *смену* от понижения. Тонологическая структура интонации этого высказывания: %В НВ НВ НВ В- ВН Н- Н%.

(4) *Разговор об актерах Малого театра.*



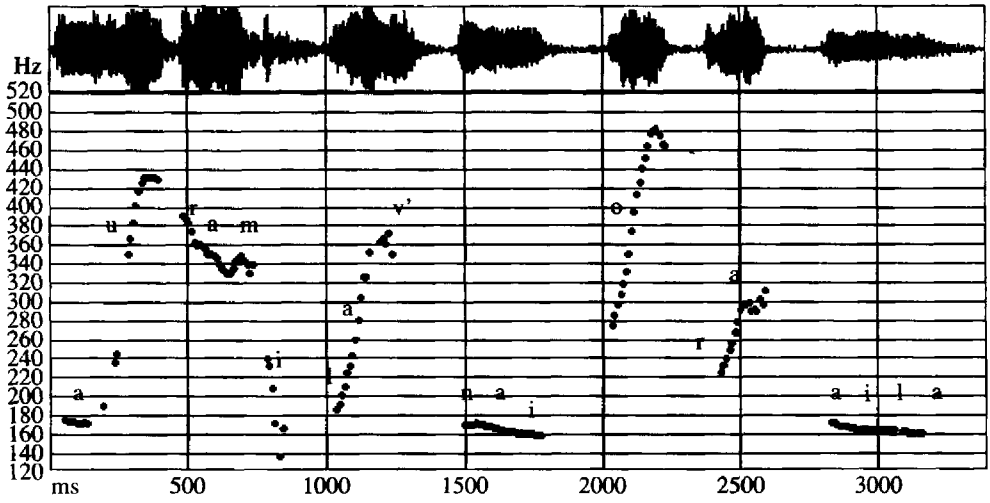
[Китайгородская, Розанова 1995, кассета к с. 8]

Отметим эффект деклинации в (3) и (4): абсолютная (фонетическая) высота F_0, соответствующая части В в скользящей тонеме ВН в третьих восходящих синтагмах оказывается меньше, чем абсолютная высота, соответствующая Н в первых синтагмах НВ[19]. Тонологически (4) состоит из цепочки НВ НВ НВ НВ ВН Н- Н%.

2.2.2. Нейтральная интонация в многофразовых высказываниях

В относительно длинных высказываниях с нейтральной интонацией, где базисное понижение естественно ограничивается пределом, положенным базальной линией, интонация добавочного сегмента материала оформляется за счет изменения тонемного состава в части, предшествующей ядру НВ ВН, причем высказывание делится на фразы, выделяемые пограничными тонемами. Пример (5) состоит из двух сочиненных простых предложений, разделяемых пограничным тоном, приходящимся на союз[20]. Тонологическая структура высказывания (5): НВ НВ НВ ВН Н- Н% НВ НВ ВН Н- Н%[21].

(5) *А утром пришла весна и все растаяло.*



[Заппок, Бондарко 1994, кассета к с. 34]

Кроме реализации, представленной в (5), возможна и другая нейтральная интонация этого высказывания. В первой фразе возможна восходящая тонема НВ, реализованная на последнем слове *весна*. Вслед за этой тонемой пойдет фразовый акцент В- и пограничная тонема В%. Вторая фраза остается без изменений.

---

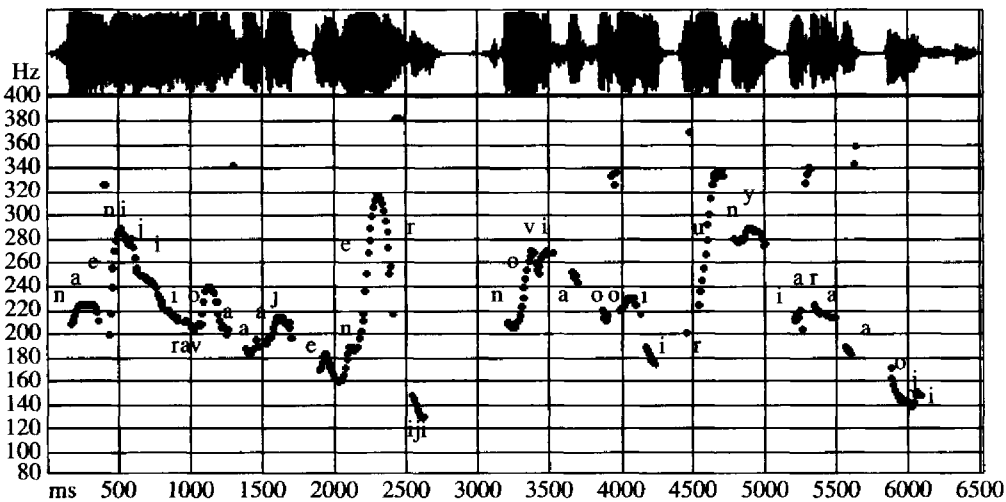
[19] Взаимодействие между просодией слова и высказывания приводят к схожим результатам; ср. [Lehiste, Ivić 1984: 235–237].

[20] Высказывание (5) понимается здесь как одно, хотя вопрос границ между высказываниями решается неоднозначно. В данном случае мы руководствовались тем, что конец слова *весна* и следующий за ней союз *и* полностью сливались, в то время как после слова *растаяло* была ощутима пауза.

[21] Примечательно базисное понижение восходящих тонем; особенно интересна его выраженность в первом слоге слова *растаяло*. Высоту тона в предударном слоге слова *весна* программа не выдала.

В длинных нейтральных высказываниях, независимо от их синтаксической структуры, встречаются серии тонем НВ с базисным понижением, как, например, в примере (6):

(6) *Снабжение мирового хозяйства энергией становится все более трудным и дорогостоящим.*



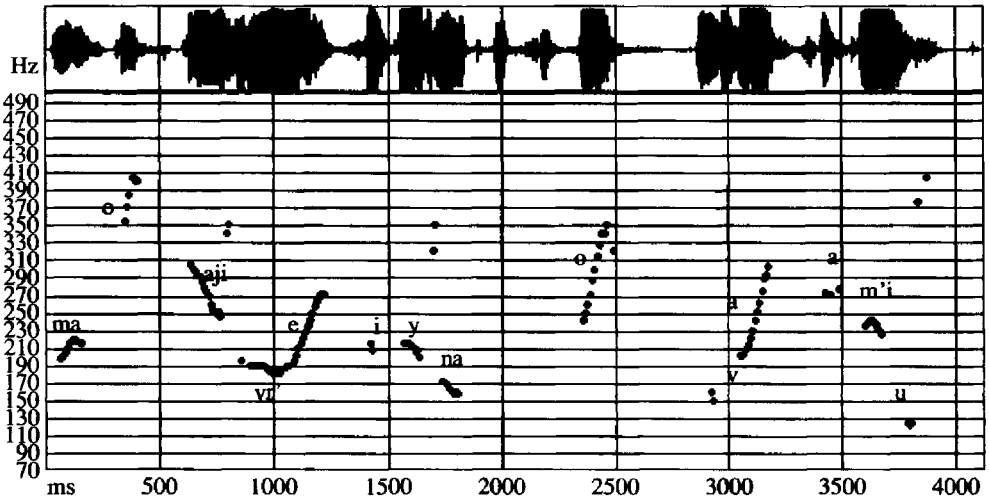
[Брызгунова 1984, кассета, иллюстрация №4]

Первая пограничная тонема в этом высказывании расположена после слова *энергией*, контур которого порождается тонемной цепочкой НВ Н- Н%. Интонация сегментного материала перед этим словом порождается серией восходящих тонем $[НВ]_n$ с четко выраженным сплющиванием. Скобки [ ] обозначают базисное понижение, которому не подвергается четвертая тонема НВ. Тонемный состав первой фразы – $[НВ]_3$ НВ Н- Н%. Базисное понижение заметно и во второй фразе, где серия $[НВ]_2$ просматривается в контуре двух фонетических слов *становится* и *все более* (*все* – проклитика). В этой фразе за третьей тонемой НВ, не подвергающейся базисному понижению, следует фразовый акцент В- и пограничная тонема Н%. В конечной фразе восходящая тонема НВ предшествует нейтральному ядру НВ ВН. В целом контуру (6) соответствует тонемная структура $\{[НВ]_3$ НВ Н- Н%$\}_1$ $[НВ]_2$ НВ В- Н% НВ НВ ВН Н- Н%. Возможно, это является одной из формул, реализуемых в длинных высказываниях, произносимых с нейтральной дикторской интонацией, более абстрактно выражаемой как последовательное сочетание $\{[НВ]_n$ НВ Н- Н%$\}_p$, $[НВ]_k$ НВ В- Н% и НВ НВ ВН Н- Н%[22].

Монотонность длинных высказываний с нейтральной интонацией может разнообразиться другими тонемными цепочками, реализуемыми на материале, расположенном перед характерным ядром НВ ВН, как, например, в (7):

[22] Формула приводится здесь в пересмотренном виде.

(7) *Московское время четырнадцать часов двадцать минут.*



[Брызгунова 1984, кассета, иллюстрация № 4]

В состав первой фразы в (7) входят две восходящие тонемы, заключаемые фразовым акцентом и пограничной тонемой; уровень основного тона второй восходящей тонемы снижается не только благодаря базисному понижению, но также и под влиянием последующих Н- Н%. Тонемная структура этого высказывания представляется нам как $[НВ]_2$ Н- Н% ВН НВ В- В% НВ НВ ВН Н- Н%.

Мы не претендуем здесь на полный перечень всех возможных тонемных формул, используемых для порождения интонационных контуров высказываний, состоящих из сегментного материала большого объема. Все они, однако, отличаются одним признаком – характерным ядром НВ ВН. Они все также подвергаются базисному понижению. О семантической значимости формул, наблюдаемых в примерах (5)–(7) и в других подобных им случаях нейтральной интонации, мы на данном этапе не беремся ничего утверждать[23], кроме того, что во всех формулах сохраняется отдаленность между говорящим и адресатом. Значение это мы предлагаем считать инвариантным значением нейтральной интонации. Тонемный состав формул, однако, не лишен семантической значимости, о чем свидетельствуют рассматриваемые в следующем разделе примеры.

2.3. Узкое определение: пресуппозиция и интонация главного предложения в позиции перед придаточным определительным

Разница между узким и широким определением придаточного определительного связывается с интонацией стоящего перед ним главного предложения. Когда глав-

[23] Восходящие тонемы, реализуемые перед пограничными в неконечных фразах длинных высказываний типа (6), например, могут не только означать открытость (незавершенность), как принято считать [Cruttenden 1986], но также и служить средством установления обратной связи с адресатом (требованием внимания к себе или попыткой удержать его), как локальное увеличение высоты тона вообще (хотя сигнал об установке обратной связи может выводиться и просто из незавершенности). Отметим, однако, что в работе [Bruce 1999] увеличение диапазона основной частоты не связывается с установлением обратной связи в интонации прочитанных высказываний.

ное предложение составляет интонационную фразу и на последнем ее слове, которое определяется придаточным предложением, реализуется восходящая тонема НВ, тогда придаточное предложение сужает определение этого слова. Если же на тонологическую структуру главного предложения налагается цепочка $[НВ]_n$ НВ ВН Н- Н% и контур определяемого слова соответственно нисходящий, тогда значение придаточного предложения определения не сужает. Ср. разницу в значении и в интонации в следующих примерах.

(8) *Рядом с нами живет девушка, которую недавно приняли в МГУ.*

Сужающее определение: $[НВ]_3$ НВ В- В% $[НВ]_3$ НВ ВН Н- Н%
Несужающее определение: $[НВ]_2$ НВ ВН Н- Н% $[НВ]_3$ НВ ВН Н- Н%

Существенно, что сужающее значение несовместимо с определяемыми именами собственными и что именно поэтому слово *Маша* не может быть интонировано тонемой НВ:

(9) *В комнату вошла Маша, на которой было новое белое платье.*

Сужающее определение: *$[НВ]_2$ НВ В- В% $[НВ]_3$ НВ ВН Н- Н%
Несужающее определение: $[НВ]_2$ НВ ВН Н- Н% $[НВ]_3$ НВ ВН Н- Н%

Именем собственным *Маша* называется определенный референт, которого сделать более определенным уже нельзя. Не сужая сферу референции слова *Маша*, всегда можно просто добавить связанную с Машей информацию, если интонировать придаточное предложение соответственным образом.

Направление тона в главном предложении также связано с фактивностью. Когда за представляющим собой интонационную фразу главным предложением следуют некоторые адвербиальные подчиненные предложения цели (с союзом *чтобы*) или причины (с союзом *так как*), то восходящая интонация последнего слова в главном предложении показывает, что его пропозициональное содержание предполагается, входит в пресуппозицию. Если же на последней синтагме главного предложения реализуется нисходящая тонема ВН, то главное предложение является утверждением, а не пресуппозицией:

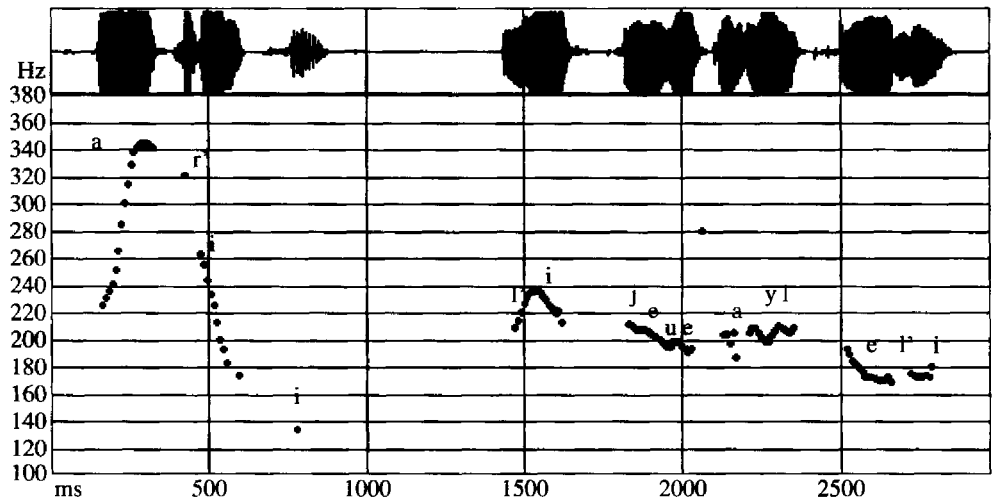
(10) *Здание построили, чтобы поместить в нем склад.*

Пресуппозиция: НВ НВ В- В% $[НВ]_2$ НВ ВН Н- Н%
Ассерция: НВ НВ ВН Н- Н% $[НВ]_2$ НВ ВН Н- Н%

2.4. Высказывания с ненейтральной интонацией

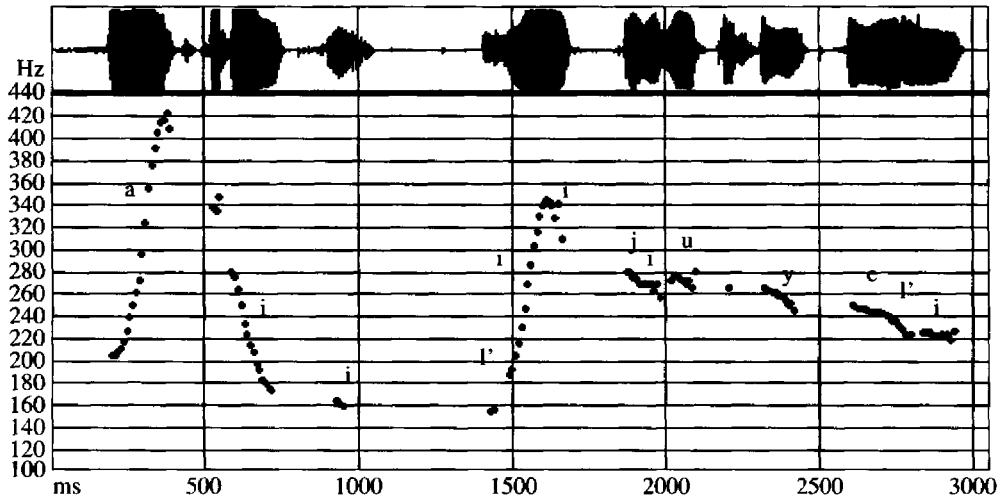
Все ненейтральные типы русской интонации характеризуются наличием СУ, которое ставится на слог, где реализуется скользящая тонема ВН или НВ. Контуры перед и после СУ порождаются тонемными фразовыми акцентами Н- или В-; пограничные тоны тоже возможны как Н% или В%. Диапазон F_0 после СУ сплющен. Если объем сегментного материала, на который налагается тонемный Н-, этого требует, то происходит базисное повышение в границах растекания Н-, приводящее к небольшому повышению F_0, который затем продолжает понижение в направлении пограничной тонемы Н%. Фонетическую (поверхностную) реализацию этих тонем отличает отсутствие периодических взлетов и падений, четко выявляющееся в нейтральной интонации. В противоположность этому контур почти ровный, за исключением одного выраженного "скачка" на слоге, несущем СУ. Скачок этот тяготеет к началу высказывания, хотя не исключаются и другие позиции. В ненейтральных высказываниях (11) и (12), следующих за первым однословным высказыванием "*Смотрите!*", на слогах, несущих СУ, реализованы соответственно ВН и НВ.

(11) *Смотрите! Листья уже пожелтели...*



[Брызгунова 1984, кассета, иллюстрация № 2]

(12) *Смотрите! Листья уже пожелтели...*



[Брызгунова 1984, кассета, иллюстрация № 2]

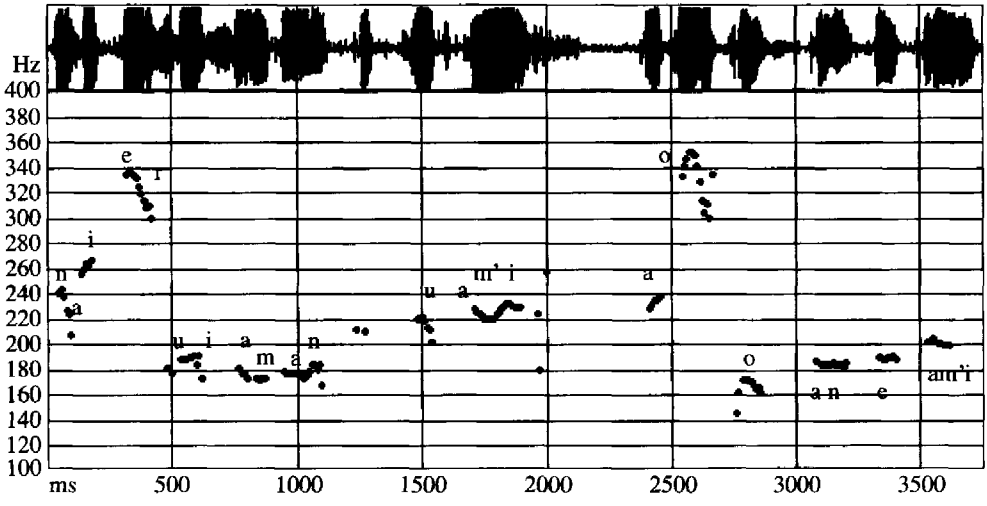
В примере (11) СУ падает на слово *листья*, на ударном слоге которого реализуется нисходящая тонема ВН[24]. Вслед за этим слогом идет отрезок низкого основного тона, порождаемого фразовым акцентом Н-; эта растекающаяся тонема подвергается фонетической деклинации по мере приближения к концу высказывания, где она заключается пограничной тонемой Н%. Тонемная структура этого высказывания – ВН Н- Н%. В примере (12) СУ падает на то же слово, но на ударном слоге его реализуется восходящая тонема НВ. Интонация остальной части порождается фразовым акцентом В- и пограничной тонемой Н%. Мы предполагаем здесь для всего высказывания тонемную структуру НВ В- Н%.

---

[24] Выгиб контура слога [l'i] состоит из подъема на сонанте [l'] и падения на гласном [i]; не исключается и возможность тонемного НВН (см. сноску 11).

Ненейтральная интонация структурно многообразна. Как видно из (11) и (12), направление скользящих тонем, на которые приходится СУ, может быть по крайней мере двух видов (НВ и ВН), фразовые акценты тоже могут быть или Н- или В-. СУ может по-разному соотноситься с остальным сегментным материалом. Кроме того, как видно из примера (13), слева от СУ может встречаться одна или более восходящих тонем НВ, которые могут отделяться от остающейся части высказывания пограничной тонемой. С ненейтральной интонацией связывается ряд артикуляционных и фонационных признаков (гортанная смычка, "скрипучий" голос, придыхание, назальность, изменение тембра и амплитуды, дифтонгизация, удлинение гласного или согласного и т.д.[25]), а также некоторые экстралингвистические признаки. Синтаксически они тяготеют к простым структурам, хотя и могут состоять из более чем одной интонационной фразы, как, например, в (13):

(13) *На десерт будет шампанское с фруктами, потом кофе с конфетами.*



[Брызгунова 1984, кассета, иллюстрация № 3]

Это высказывание разделяется пограничной тонемой В% на две фразы. В каждой из них имеется СУ, причем оно в обеих фразах совпадает с нисходящим тоном (на словах *шампанское* и *кофе* соответственно). Фонетический контур после первого СУ порождается фразовым акцентом В- и пограничной тонемой В%. После второго СУ F_0 порождается фразовым акцентом Н- и пограничной тонемой В%. Обе фразы начинаются синтагмами с восходящим тоном (на фонетических словах *на десерт* и *потом*), порождаемым тонемой НВ. Низкий зачин реализации тонемы ВН, приходящейся на слоги, отмеченные СУ, объясняется предшествующим этим слогам фразовым акцентом Н-. Тонемная репрезентация высказывания (13) выглядит как НВ Н- ВН В- В% НВ Н- ВН Н- В%.

2.5. Первичность ненейтральной интонации

Как следует из примеров (1)–(4), так называемая нейтральная интонация используется даже в резко отличающихся по своей коммуникативной функции высказываниях, невзирая на различия между утверждениями и вопросами, пропозициями и непропозициональными высказываниями. Ее относительно регулярная, хорошо установленная структура представляет собой формулу, ее реализация рекурсивна, она подвергается ав-

[25] Описание этих средств см., например, в работе [Кодзасов 1996: 103–109; Земская 1973: 132–150].

томатическим процессам типа базисного понижения, а ее прагматическое инвариантное значение поддается простому определению как отдаленность от собеседника. Хотя у нейтральной интонации и имеются некоторые не очень поддающиеся пока определению возможности выражения экспрессивных значений (например, растяжка ударных гласных), репертуар их весьма ограничен. Монотонные периодические подъемы и спады нейтральной интонации вполне достаточны для ее ограниченной коммуникативной функции, с трудом допускающей в ее " чужом" модусе выражение субъективности.

Ненейтральная интонация, с другой стороны, охватывает большое число разных тонемных структур и часто сопровождается другими языковыми и внеязыковыми признаками. Структурное разнообразие ненейтральных тонемных цепочек представляет собой богатый материал для семантических различий. Полный список этих цепочек и их значение – задача будущего[26]. На данном этапе отметим одно инвариантное значение всех видов ненейтральной интонации[27] – близость между собеседниками (или "свой" коммуникативный модус [Yokoyama 1994]). Множество субъективных значений получает выражение именно при условии близости между говорящим и адресатом, и эти значения кодируются интонационно сочетанием СУ с разными тонемными цепочками (а также и сегментными, лексическими, морфологическими и другими языковыми и неязыковыми средствами). Разница между нейтральной и ненейтральной интонацией, следовательно, выявляется не только отсутствием или наличием СУ, но также и разнообразием ненейтрального инвентаря, противостоящего ограниченности и скудости нейтральной интонации.

Из терминов "нейтральный" и "ненейтральный" как бы выводится первичность нейтральной интонации. Экспрессивная ограниченность нейтральной интонации в сочетании с давно установившимся понятием маркированности экспрессии вообще (ср. [Jakobson 1965]) и с фактом использования нейтральной интонации в предложениях с так называемым нейтральным, "немаркированным" порядком слов может показаться достаточным основанием, чтобы считать понятия "нейтральной интонации" и "немаркированной интонации" эквивалентными. От презумпции немаркированности нейтральной интонации, однако, приходится отказаться ввиду следующих двух соображений. Во-первых, если маркированность понимать квантитативно, как это иногда делается, то немаркированной будет ненейтральная интонация, как состоящая из бóльшего числа разнообразных тонемных структур, в отличие от ограниченного числа нейтральных тонемных цепочек. Во-вторых, если понимать маркированность в генеративном смысле как приобретенный, а не врожденный признак, данные, рассматриваемые в следующем разделе и свидетельствующие о более раннем появлении у ребенка ненейтральной интонации, опять-таки говорят в пользу маркированности именно нейтральной интонации. Указанное противоречие устраняется, если вопреки традиции немаркированным членом оппозиции "экспрессивность – неэкспрессивность" считать экспрессивность. Думается, что и действительно едва ли правомерно считать объективный, неэкспрессивный узус языка первичным и основным, а экспрессию в языке вторичной. Такое традиционное мнение скорее является продуктом определенной культуры, в которой оно сложилось, чем логично – и наименее всего исторически – оправданным положением. Хотя делать широкие обобщения о языке на основании ограниченного материала, связанного с русской интонацией, рискованно, все же предварительный анализ стадий освоения интонации русскоязычным ребенком, представленный ниже, указывает на существование эмпирических данных для переопределения экспрессивной интонации как немаркированной.

Есть и еще одна, косвенная, причина, по которой нейтральную интонацию хотелось бы считать вторичной. Вспомним, что примеры (1)–(17) взяты из радиовещания или (в одном случае) из нарратива. Высказывания такого типа запланированы или, по крайней мере, сознательно управляемы говорящим. Та же сознательная, контролируемая интонация ре-

---

[26] См. один из вариантов растущего интонационного лексикона в [Кодзасов 1989].

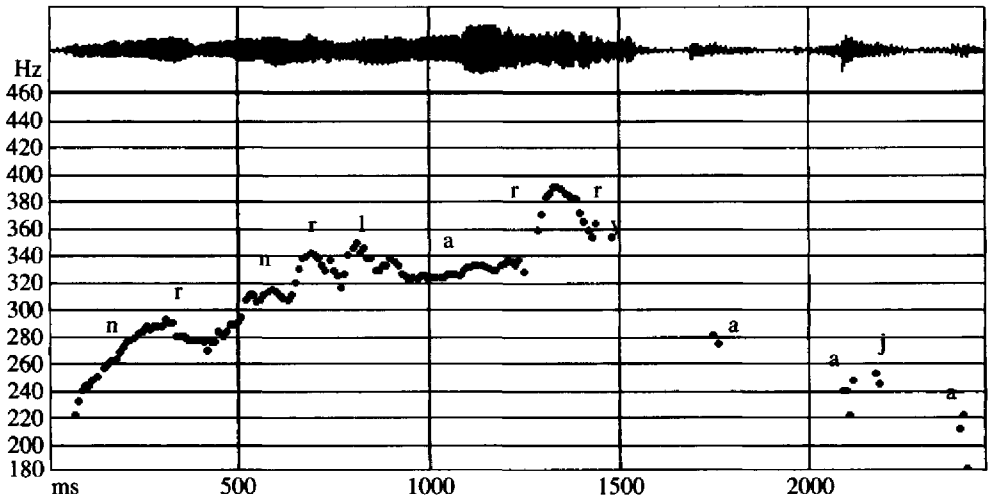
[27] Этот тип интонации мы ранее называли типом II (см. сноску 16).

гулярно используется при чтении вслух (исключая те случаи, когда читающий нарочито воспроизводит спонтанность[28]). В частности, многие вариации в интонационной структуре материала, находящегося перед ядром НВ ВН, встречаются как раз при чтении вслух. В этой связи примечательно сходство между русской нейтральной интонацией с описанной Д. Болинджером [Bolinger 1978: 490] нарративной интонацией с ее базисным понижением: по-видимому, этот тип интонации чтения или повествования свойствен многим европейским языкам. Исходя из истории русской культуры, не исключается возможность заимствования нейтральной интонационной формулы из французского языка[29].

2.6. Освоение нейтральной интонации ребенком

В записях Вани[30] почти все высказывания, состоящие из двух или более слов, порождались с ненейтральной интонацией[31], как, например, в (14) (жирный шрифт означает СУ):

(14) *Нырнула **рыба** какая-то.*



[Заппок, Бондарко 1994, кассета к с. 32]

Растяжка первого слова вызвана артикуляционно трудным для ребенка сегментным составом (*нырнула*). СУ падает на подлежащее *рыба*, на ударном слоге которого реализуется нисходящая тонема ВН, за которой следует фразовый акцент Н- и пограничная тонема Н%. Ребенок еще не освоил артикуляцию, но ненейтральная интонация у него уже вполне четко выражена.

Ваня играет и сочиняет историю, действующими лицами которой являются его игрушки. В возникающем в процессе игры диалоге между Ваней и его мамой наблюдаются некоторые интересные интонационные явления. Когда мать начинает фразу, используя нейтральную интонацию, и хочет, чтобы мальчик закончил ее, он заканчива-

---

[28] Интересное сопоставление интонации прочитанного текста и интонации спонтанной речи см. в [Ayers 1994].

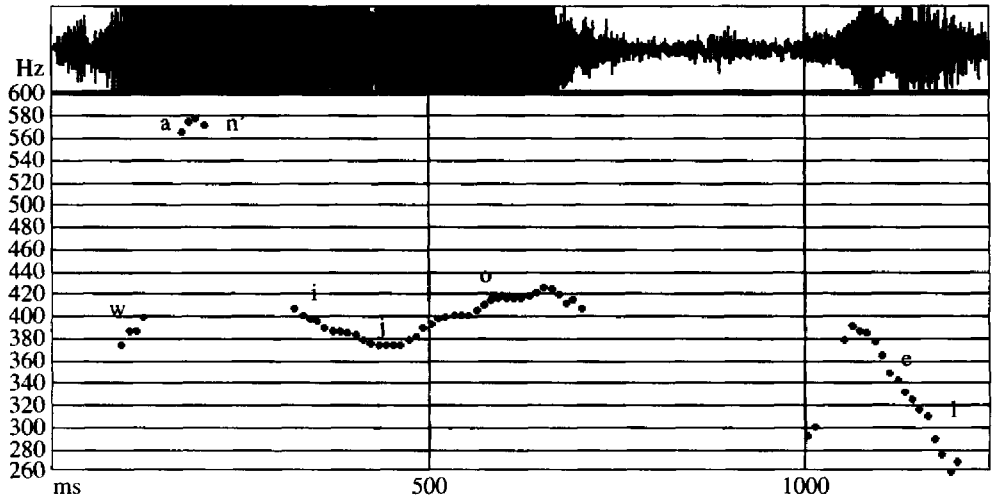
[29] Особенно представляется возможным влияние французской интонации на использование нейтральной интонации в вопросительных высказываниях. Вопрос этот может быть разрешен, однако, только после отдельного исследования.

[30] Ваня родился в Санкт-Петербурге, в семье среднего социального положения, во время записи в 1993 г. ему было два с половиной года.

[31] Однословные высказывания здесь не рассматривались из-за скудности сегментного материала, затрудняющего диагностику нейтральной и ненейтральной интонации.

ет ее нейтральной интонацией. После ненейтральных высказываний матери, а также без ее вмешательства [см. (14)], ребенок использует интонацию ненейтральную. В речи матери нейтральная интонация встречается прежде всего в нарративной функции [ср. ее высказывание (5)]. Ванино высказывание (15) следует за маминым словами: *И большая рыба распахнула свою пасть и ...*:

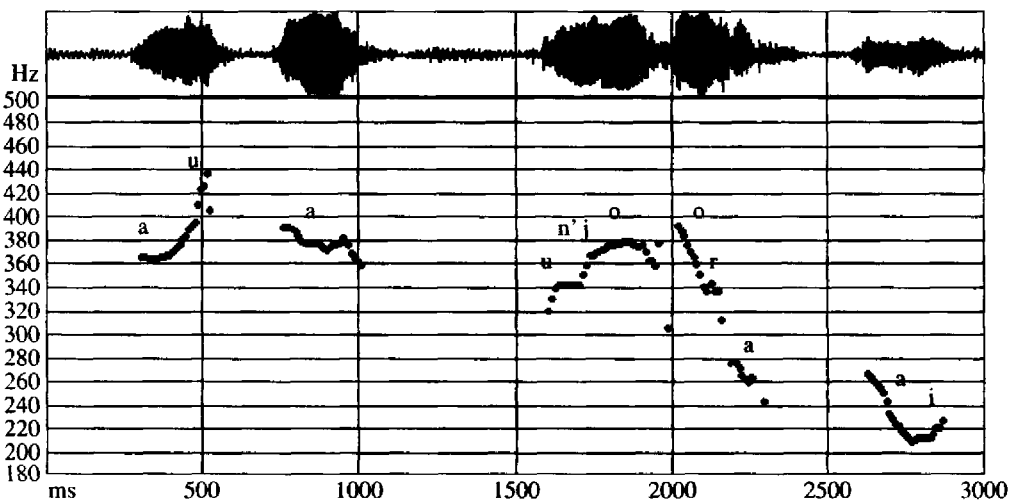
(15) *... Ваня ее съел*!



[Заппок, Бондарко 1994, кассета к с. 33]

Ваня заключает мамину нейтрально оформленную фразу своей тоже нейтрально оформленной фразой $[НВ]_2$ НВ ВН Н- Н%. Когда же мать приглашает ребенка продолжить вслед за ее ненейтрально оформленным высказыванием, ребенок продолжает в том же ключе. Высказывание (16) является ответом на вопрос рыбы, произнесенный матерью: ***Почему*** *лиса плачет*? – ***рыба*** *спросила*.

(16) *Потому что у нее* ***дом*** *растаял*.



[Заппок, Бондарко 1994, кассета к с. 34]

СУ в (16) стоит на подлежащем *дом*, на котором реализуется нисходящая тонема ВН[32]. Высказывание тонемно состоит из цепочки В- ВН Н- Н%. Вопрос освоения русской интонации ребенком заслуживает отдельного изучения[33], и на этой предварительной стадии можно лишь указать на весьма четкую корреляцию между интонацией ребенка и интонацией предшествующих его высказываниям высказываний матери. Спонтанные высказывания Вани все оформляются в ненейтральном ключе, из чего можно предположить, что к моменту записи он не только уже начал порождать нейтральную интонацию, но уже освоил функциональную дифференциацию повествовательной интонации от ненейтральной диалогической. В отдельной работе [Йокояма 2002] мы также приводим данные, свидетельствующие о том, что к четырем годам дети испытуемой группы освоили нейтральную интонацию и пользовались ею при воспроизведении существующих нарративов, а также в рассказах о себе.

Эти данные детской речи говорят о первичности ненейтральной интонации в русском языке. Они также говорят о том, что формулы нейтральной интонации усваиваются постепенно, сначала в ее нарративной функции и лишь позднее, когда ребенок познает антропологическую оппозицию "свой-чужой", эта интонация или переинтерпретируется или обобщается как интонация дистантного "чужого" модуса[34].

3. ПЕРЕВОД СИСТЕМЫ ИК В АВТОСЕГМЕНТНУЮ

По описанию в работе [Брызгунова 1980], ИК разделяются на те, в которых в интонационных центрах тон повышается, и те, в которых он понижается. В двух ИК (ИК-1 и ИК-2) он понижается, в трех (ИК-3, ИК-6 и ИК-7) он повышается. ИК-4, ИК-5 и ИК-7 несколько отличаются от других. ИК-4 описывается как варьирующаяся в отношении направления тона, которое может быть "ровное, нисходящее, нисходяще-восходящее, восходящее" [Брызгунова 1980: 114]. ИК-5 уникальна своей двуцентровостью: первый центр у нее восходящий, второй – нисходящий. ИК-7 отличается от всех других обязательным наличием гортанной смычки, замыкающей подъем тона, во всех же других отношениях она идентична ИК-3[35]. В этом разделе мы рассмотрим, как относятся ИК-1, ИК-4 и ИК-6 к нейтральной и ненейтральной интонации, описанной в разделе 2; ИК-7 будет обсуждена здесь вместе с ИК-3, а ИК-5 будет посвящен подраздел 3.4. Везде, где было возможно, примеры были взяты из кассет Е.А. Брызгуновой и подвергнуты нами инструментальному анализу.

3.1. Система ИК и нейтральная интонация однофразовых высказываний

В разделе 2.2.1 было указано, что нейтральная интонация может реализоваться в однословных высказываниях типа *Москва*. Это одно из употреблений ИК-1[36]. Мы считаем, что характерное для нейтральной интонации ядро НВ ВН соответствует ИК-1. Варьирующаяся "степень понижения тона на гласном центра" [Брызгунова 1980: 109], встречающаяся в "нейтральных реализациях" ИК-1, порождается, как мы полагаем, высокими или низкими фразовыми акцентами и пограничными тонемами и их сочетаниями.

Однофразовые высказывания с сегментным материалом перед ядром, порождаемые, по нашему предположению, одной или несколькими восходящими тонемами, предшествующими ядру, соответствуют сочетаниям ИК-6, ИК-4 или ИК-4 в позиции

---

[32] Первый слог первого слова в оформлении ребенка отсутствовал.

[33] Автор приносит благодарность Соне Тьернан за интересные замечания на семинаре по русской интонации в UCLA в 1999 г.

[34] См. работу [Йокояма 2002], посвященную дальнейшей разработке этой темы.

[35] Гортанная смычка также иногда встречается в ИК-5.

[36] См., например, определение конструкций однословного высказывания *Читала* в работе [Брызгунова 1984: 24].

перед ИК-1. Пример (1) определяется как последовательность ИК-6 и ИК-1, где центр ИК-6 приходится на первое, а центр ИК-1 – на второе слово [Брызгунова 1984: 37]. Пример (2) тоже анализируется как сочетание ИК-6 и ИК-1; центр ИК-6 на втором слове *обзор*, а центр ИК-1 – на последнем (с. 37)[37]. То, что постепенно понижающиеся реализации восходящих тонем НВ не отмечены как ИК, неудивительно: в системе ИК постепенное понижение подъемов, порождаемое базисным понижением, можно отметить, лишь назвав каждый подъем отдельной ИК (включая переходные ИК, совмещающие два типа), и это подчас, как нам кажется, интерпретируется не совсем последовательно. Что же касается ИК-4, контур которой в описании 1980 г. определяется очень широко, мы полагаем, что все случаи ИК-4 в неконечных синтагмах в нейтральных высказываниях переводимы просто как НВ.

3.2. Система ИК и нейтральная интонация многофразовых высказываний

В разделе 2.2.2 было высказано предположение, что в многофразовых нейтральных высказываниях добавочный сегментный материал отделяется пограничными тонемами и интонация его порождается специальными формулами. Пример (6) мы предлагали рассматривать как реализацию тонемной цепочки $\{[НВ]_3$ НВ Н- Н%$\}_1$ $[НВ]_2$ НВ В- Н% НВ НВ ВН Н- Н%. Интерпретация этого высказывания в [Брызгунова 1984: 37] дается как последовательность ИК-3, ИК-6 и ИК-1 с центрами соответственно на словах *энергией*, *трудным* и *дорогостоящим*. Центры, следовательно, приходятся на четвертую тонему НВ первой фразы, третью тонему НВ второй фразы (обе они не подверглись базисному понижению) и первую нисходящую тонему ВН последней фразы. В нашей тонемной транскрипции относительно низкий уровень реализации восходящей тонемы НВ в первой фразе (т.е. ИК-3) по сравнению с более высокой реализацией НВ во второй фразе (т.е. ИК-6) объясняется воздействием фразового акцента Н- на первую из них. В поверхностной структуре (6) несоответствий между ожидаемой реализацией предложенной нами тонемной структуры и интерпретацией по системе ИК не имеется.

Иначе обстоит дело с анализом примера (7). В работе [Брызгунова 1984: 37] такой анализ приводит к последовательности ИК-4, ИК-6, ИК-1 с центрами на словах *время*, *часов* и *минут*. Из рис. (7) непонятно, почему центром первой фразы считается слово *часов*, а не слово *московское*, т.к. вершина тона ударного слога последнего гораздо выше (около 420 Гц), чем вершина слова *время* (около 260 Гц). Центры на словах *часов* и *минут* приходятся соответственно на наши тонемы НВ во второй фразе и ВН в последней.

Различия, выявляемые тонемным анализом многофразовых высказываний, предложенным в разделе 2.2.2, плохо отражаются описательными средствами системы ИК и, по-видимому, поэтому обычно игнорируются. Вот еще один пример невыраженности тонемных различий диагнозом в системе ИК:

4 1

(17) *Ответ на ваше заявление/еще не поступил.* [Брызгунова 1980: 115]

Звукозаписи этого высказывания в нашем распоряжении не имеется, но из трактовки ИК-4 на последнем слове первой фразы просматриваются две возможности: или на ударном слоге слова *заявление* реализуется тонема НВ, или же на ударном слоге этого слова реализуется тонема ВН, а за ней следуют тонемы В- и В%. Сегментный материал перед этим словом тоже может быть результатом наложения разных тонем от $[НВ]_2$ (на словах *ответ* и *на ваше*) до одной лишь ВН или НВ на слове *ответ* при включении фонетического слова *на ваше* в следующую синтагму. Все эти потенциальные различия могут быть значимы, они доступны описанию в

[37] По-видимому, интерпретация ИК-6 на слове *обзор* относится к другому высказыванию, чем то, которое дается в кассете и рассматривается здесь нами: как видно из схемы (2), контур слова *передаем* явно выше контура слова *образ*.

предлагаемой здесь модели. В системе ИК они игнорируются, возможно оттого, что их вклад в семантику в настоящее время неясен, т.к. он не меняет нейтральности интонации всего высказывания.

В описании ИК иногда упоминается интонация перечисления, которая связывается с употреблением ИК-1, ИК-2 и ИК-4 [Брызгунова 1980: 115]. Перечисление не упоминается эксплицитно в связи с ИК-6 или ИК-3, но встречается в примерах этих ИК[38]. Думается, что все случаи интонации перечисления в нейтральном ключе соответствуют типам нейтральной интонации, рассмотренным в разделе 2.2.2. В примере (5) наблюдается перечисление (однородные члены предложения) с ИК-1 или ИК-2, и число однородных членов может быть увеличено и оформлено в принципе такой же интонацией, как в первой фразе. Перечислению, оформляемому восходящей интонацией ИК-3, ИК-4 или ИК-6, с другой стороны, соответствуют тонемы, используемые в неконечных фразах примеров (6) и (7). Интонацию перечисления можно, как мы полагаем, считать эквивалентной интонации неконечных синтагм многофразовых высказываний.

3.3. Ненейтральная интонация и ИК

Мы полагаем, что все случаи употребления ИК-2, ИК-3/ИК-7, ИК-4 и ИК-6 в однофразовых высказываниях представляют собой ненейтральную интонацию. В таких высказываниях всегда есть СУ, совпадающее с интонационным центром этих ИК и тонологически являющееся НВ или ВН. Интонационный контур этих ИК и в особенности основная частота фразовых акцентов перед или за скользящими тонемами показывают это достаточно убедительно. Мы предлагаем следующее соотношение между ИК и тонемной структурой однофразовых высказываний:

(18) ИК-2 ВН Н-

ИК-4 ВН В-

ИК-3 НВ Н-

ИК-6 НВ В-[39]

Когда в односинтагменном однофразовом высказывании единственный центр определяется как неоднозначная в отношении направления тона ИК-4, мы полагаем, что тонема тут нисходящая; возможно, что ей всегда предшествует фразовый акцент Н-. Пример ИК-6 в ненейтральном высказывании мы видели во втором предложении в (2), интонация которого порождается, как мы утверждаем, цепочкой НВ В-. Контур того же предложения в (11), с другой стороны, является реализацией тонем ВН Н-. Хотя мы предлагаем считать, что последняя цепочка в (18) соответствует ИК-2, у Е.А. Брызгуновой второе предложение в (11) помечено как ИК-1, а не как ИК-2. Это один из тех случаев, когда интонация, с нашей точки зрения ненейтральная, диагностируется как ИК-1.

В высказываниях с нисходящим тоном в последней синтагме вообще не всегда ясно, почему некоторые из них определяются как ИК-1, а некоторые как ИК-2. Мы полагаем, что все случаи, помеченные ИК-2, и многие из (возможно, небесспорных) случаев, помеченных ИК-1, соответствуют нашему определению ненейтральной интонации. Различие между нейтральной и ненейтральной интонацией, естественно, представляет зна-

---

[38] Примеры ИК-6 см. в [Брызгунова 1980: 118]; пример ИК-3 (ранее называемой "синтагматическим ударением первого типа") см. в [Брызгунова 1963: 188]: *Дайте мне стакан сметаны /два куска хлеба/ и чай.*

[39] Предлагаемые здесь формулировки ИК-3 и ИК-6 в однофразовых высказываниях отражают замечание, высказанное в [Брызгунова 1980: 107] о том, что разница между ИК-3 и ИК-6 – в уровне тона в постцентре. В этом случае устанавливается соответствие между постцентром и сферой растекания фразового акцента в нашей системе.

чительные трудности в тех случаях, когда ИК-2 отмечается на последнем слове высказывания, и тем более на единственном слове однословного высказывания. Представляется логичным предположить, что обычные, типичные ИК-1, реализуемые в однословных высказываниях, соответствуют предложенному выше характерному для нейтральной интонации ядру НВ ВН с последующими тонемами Н- Н%. Если же однословное высказывание помечено ИК-2, то тонемная структура у него, скорее всего, Т- ВН Н- Н% (где Т может быть В или Н). Даже однословные высказывания должны в принципе делиться на высказывания с СУ и высказывания без СУ, хотя это принципиальное различие затемняется в окружении сплющенного диапазона, низкого начального пограничного тона Н% и других пока еще неясных нам условий. Особенно очевидна роль количества сегментного материала, нехватка которого затрудняет "видимость" тоновых различий.

3.4. Формулы в интонационном лексиконе

В разделе 2.1 был предложен весьма скудный инвентарь тонем русского языка[40]. Из этих тонем составлялись конфигурации, налагаемые на сегментный материал и порождающие поверхностные интонационные контуры. Значит ли это, что мы предполагаем в русском языке наличие лексикона "интонационных морфем", т.е. минимальных цепочек тонем, а если да, то из чего именно он состоит? Думается, что такой лексикон действительно имеется и что, хотя мы еще очень далеки от его полного описания, в него входят следующие цепочки тонем.

Одной из "словарных статей" интонационного лексикона мы предлагаем считать ядро нейтральной интонации НВ ВН. Значение этой "морфемы" – дистанция между адресантом и адресатом. "Лексический" статус разных тонемных цепочек, налагающихся на неконечные фразы многофразовых высказываний с нейтральной интонацией, подлежит дальнейшему изучению.

Думается, что двуцентровой ИК-5, с первым центром восходящим, а вторым нисходящим, следует уделить отдельную "статью" в интонационном лексиконе. Ядро этой ИК тонологически можно обозначить как НВ В- ВН. Первая скользящая тонема реализуется на первом полном слове, а вторая скользящая тонема – на последнем. Если лексически независимого сегментного материала не имеется, но имеются предударные слоги, то НВ реализуется на первом слоге слова, а ВН – на ударном [Брызгунова 1980: 115–118]. Исходя из этих соображений, мы утверждаем, что интонация первого слова-высказывания *Смотрите*! в примерах (11) и (12) порождается формулой НВ В- ВН. У Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1984: 23] эти однословные высказывания помечены ИК-2. В пользу формулы НВ В- ВН, соответствующей ИК-5, говорит необычайно широкий для ИК-2 диапазон подъема и спада, хотя отсутствие промежуточного вокального сегментного материала между первым и ударным слогами затемняет реализацию формулы. Как значение этой формулы (и ИК-5) мы предварительно предлагаем "манерное восклицание"[41].

На отдельные статьи в интонационном лексиконе претендуют также, как нам кажется, пограничные тонемы Н% и В%. Они представляют собой однотонемные ин-

---

[40] В этом мы отличаемся от [Кодзасов 1996], где в интонационный лексикон входят как элементарные просодические единицы (наши "тонемы"), так и более сложные конфигурации типа ИК.

[41] В работе [Кодзасов 1996: 96] указывается, что употребление ИК-5 не ограничивается восклицаниями, как это утверждается Е.А. Брызгуновой. В восклицательных высказываниях, оформляемых ИК-5, как говорит С.В. Кодзасов, обязательно замедляется ритм и присутствует придыхание, без чего высказывание становится или повествовательным или вопросительным. Хотя эти наблюдения представляются нам убедительными, омонимия, как нам думается, исключается в первую очередь потому, что невосклицательные употребления контуров, включаемых С.В. Кодзасовым в ИК-5, согласно нашему анализу, представляют собой нейтральную интонацию (см. сноску 18).

тонационные "морфемы", указывающие на завершенность или незавершенность границы. Чтобы точнее определить их значение, необходимо дальнейшее экспериментирование (см. сноску 23).

В полное описание русской интонации войдет обязательным образом полный интонационный лексикон. В нем все интонационные значения, существующие в языке, субъективные и объективные, будут перечислены и описаны не только в виде тонемных конфигураций, но также с упоминанием всех других интонационных (тембр, темп, тип фонации и т.д.) и неинтонационных сопровождающих признаков.

4. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данная работа предлагается в качестве иллюстрации возможностей, предоставляемых принципиально четким, последовательным различием между тонемным и аллотоновым ярусом в системе интонации русского языка в сочетании с использованием автосегментного подхода к процессу, порождающему поверхностный ярус из глубинного. В ней описывается фрагмент явлений русской интонации и используется просодическая транскрипция системы [Pierrehumbert 1980] и модифицированный стандарт ToBI. Сопоставлением с системой ИК мы пытались показать, как те же интонационные конструкции могут быть описаны с глубинных тонологических позиций, опираясь на общие фонологические, автосегментные принципы и процессы.

Набросанная здесь схема интонационного компонента русского языка по своей структуре аналогична построению как систем сегментной фонологии, так и лексических систем. Вопрос интонационного значения в интонационном компоненте языка неотделим от вопросов о тонологическом инвентаре, допустимых тонемных конфигурациях и тонологических процессах, порождающих слышимые, регистрируемые основные частоты. В работе предлагаются некоторые абстрактные прагматические и метаинформационные значения, присущие определенным тонемным цепочкам. Думается, что описанию других типов значений, в особенности субъективных и оценочных, должно предшествовать вычленение и определение подобных прагматических значений.

Интонационный материал русского языка слишком богат, а наука об интонации слишком молода, чтобы получить удовлетворительные результаты в короткий срок. Многие из положений, приведенных в данной работе, нуждаются в экспериментальном подтверждении, основанном на дальнейшей работе с сегментным материалом, искусственно синтезированными интонационными контурами и на статистических исследованиях перцептивного характера. Весьма возможно, что некоторые конкретные трактовки, предложенные выше, будут уточнены, изменены, даже отвергнуты. Все же думается, что фонологический подход, предложенный здесь, верен общепринятым фонологическим концептам и некоторым мощным фонологическим универсалиям. Как таковой, он может способствовать появлению нового, теоретически обоснованного описания русской интонации, в которой он выявит ее универсальные и специфические черты. Для дальнейшего прогресса в этой области необходимо сотрудничество между фонетистами, фонологами и специалистами по дискурсу и прагматике речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамец 1966 – *П. Адамец.* Порядок слов в современном русском языке // Rozpravy Československe Akademie Věd. Rada společenskih věd. 76. Praha, 1966.

Брызгунова 1963 – *Е.А. Брызгунова.* Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.

Брызгунова 1969 – *Е.А. Брызгунова.* Звуки и интонация русской речи. М., 1969.

Брызгунова 1977 – *Е.А. Брызгунова.* Звуки и интонация русской речи. 3-е изд. М., 1977.

Брызгунова 1978 – *Е.А. Брызгунова.* Фонологический метод в интонации // Интонация / Ю.А. Жлуктенко, Л.Р. Зиндер (ред.). Киев, 1978.

Брызгунова 1980 – *Е.А. Брызгунова.* Интонация // Русская грамматика / Н.Ю. Шведова и др. (ред.). Т. I. М., 1980.

Брызгунова 1984 – *Е.А. Брызгунова*. Эмоционально-стилистические различия звучащей речи. М., 1984.
Брызгунова 1993 – *Е.А. Брызгунова*. Ответы на анкету "Об основах теории интонации" // Т.М. Николаева (ред.). Проблемы фонетики. I. М., 1993.
Брюс 1999 – *Г. Брюс*. Моделирование шведской интонации для прочитанной и спонтанной речи // Проблемы фонетики. III / Р.Ф. Касаткина (ред.). М., 1999.
Всеволодский-Гернгросс 1922 – *В.Н. Всеволодский-Гернгросс*. Теория русской речевой интонации. Петроград, 1922.
Гвоздев 1949 – *А.Н. Гвоздев*. О фонологических средствах русского языка. Сб. статей. М., 1949.
Заппок, Бондарко 1994 – *Хр. Заппок, Л.В. Бондарко*. Речь русского ребенка // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложение № 4. Бохум; СПб., 1994.
Иванов 1964 – *В.В. Иванов*. Историческая грамматика русского языка. М., 1964.
Иванова-Лукьянова 1998 – *Г.Н. Иванова-Лукьянова*. Культура устной речи. М., 1998.
Йокояма 1992 – *О.Т. Йокояма*. Социолингвистический аспект русской интонации // Russistik. 1. 1992.
Йокояма 2002 – *О.Т. Йокояма*. Маркированность так называемой нейтральной интонации: по данным детской речи // Проблемы фонетики. IV. М., 2002.
Китайгородская, Розанова 1995 – *М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова*. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
Кодзасов 1989 – *С.В. Кодзасов*. Проект просодической транскрипции для русского языка // Бюллетень фонетического фонда русского языка. 2, 1989.
Кодзасов 1996 – *С.В. Кодзасов*. Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи / Т.М. Николаева (ред.). М., 1996.
Кодзасов 1999 – *С.В. Кодзасов*. Уровни, единицы и процессы в интонации // Проблемы фонетики. III / Р.Ф. Касаткина (ред.). М., 1999.
Николаева 1977 – *Т.М. Николаева*. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
Николаева 1982 – *Т.М. Николаева*. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
Пешковский 1933 – *А.М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1933.
Светозарова 1978 – *Н.Д. Светозарова*. Интонация частного вопроса в русском языке и проблема протяженности релевантной зоны интонационного контура // Интонация / Ю.А. Жлуктенко, Л.Р. Зиндер (ред.). Киев, 1978.
Шведова и др. 1980 – *Н.Ю. Шведова и др.* Русская грамматика. М., 1980.
Ayers 1994 – *G.M. Ayers*. Discourse functions of pitch range in spontaneous and read speech // Papers from the linguistics laboratory. 1–49 / J.J. Venditti (ed.). Columbus (Ohio), 1994.
Bolinger 1978 – *D. Bolinger*. Intonation across languages // Universals of human language / J.H. Greenberg (ed.). V. 2. Stanford, 1978.
Clements 1979 – *G.N. Clements*. The description of terraced-level tone languages // Languages. 55, 1979.
Cruttenden 1986 – *A. Cruttenden*. Intonation. Cambridge; New York, 1986.
Fougeron 1999 – *I. Fougeron*. Интонация и единство текста // Проблемы фонетики. III / Р.Ф. Касаткина (ред.). М., 1999.
Jakobson 1965 – *R. Jakobson*. "Signe zéro" // R. Jakobson. Selected writings. II. Word and language. The Hague; Paris; New York, 1965.
Lehiste, Ivić 1984 – *I. Lehiste, P. Ivić*. Word and sentence prosody // Current studies in linguistics. 13. Cambridge (Mass.), 1984.
Ode 1989 – *C. Odé*. Russian intonation. A perceptual analysis. Amsterdam, 1989.
Pierrehumbert 1990 – *J.B. Pierrehumbert*. The phonology and phonetics of English intonation. Bloomington (Indiana), 1990.
Silverman et al. 1992 – *K. Silverman, M. Beckman, J. Pitrelli, M. Ostendorf, C. Wightman, P. Price, J. Pierrehumbert, J. Hirschberg*. ToBI: A standard for labeling English prosody // Proceedings of the Second International conference on spoken language processing. 2. Banff (Canada), 1992.
Yokoyama 1986 – *O.T. Yokoyama*. Discourse and word order. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
Yokoyama 1987 – *O.T. Yokoyama*. Towards a unified framework of Russian intonation // Proceedings of the Eleventh International Congress of phonetic sciences. V. 2. 1987.
Yokoyama 1990 – *O.T. Yokoyama*. Reinterpreting the IK system: A phonological approach // Harvard studies in Slavic linguistics/O.T. Yokoyama (ed.). V. 1. 1990.
Yokoyama 1994 – *O.T. Yokoyama*. Iconic manifestation of interlocutor distance in Russian // Journal of pragmatics. 22. 1994.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Восточнославянские изоглоссы. 2000. М., 2000: Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 2000. 173 с.

Вышел в свет очередной, третий выпуск коллективной монографии "Восточнославянские изоглоссы" (далее – ВСИ), приуроченный к славному юбилею известного диалектолога и историка русского языка С.В. Бромлей, стоявшей у истоков одноименного проекта (см. об этом – "Восточнославянские изоглоссы. 1995". М., 1995; "Восточнославянские изоглоссы. 1998". М., 1998).

Выпуски ВСИ – это логическое продолжение развернувшегося с середины прошлого века процесса создания диалектологических атласов славянских языков и региональных атласов. Впечатляющие итоги, достигнутые в результате реализации задач по лингвогеографической интерпретации диалектных континуумов ("Диалектологический атлас русского языка", "Общеславянский лингвистический атлас", "Общекарпатский диалектологический атлас", "Дыялекталагічны атлас беларускай мовы", "Атлас української мови" и др.), подвели к необходимости широкомасштабного ареального изучения восточнославянских диалектов.

Помимо конкретных задач каждый из выпусков ВСИ преследует и общие цели – сконцентрировать материал, важный для уточнения ряда фундаментальных теоретических положений современной славистики, способствовать решению некоторых насущных проблем историко-лингвистического и сравнительно-типологического характера, создать прочную базу для дальнейших обобщений, связанных с вопросами славянского этногенеза и глоттогенеза.

Авторы статей выпусков ВСИ – в большинстве своем коллеги и ученики Р.И. Аванесова, профессионалы высокого класса, приобретшие уникальный опыт в процессе создания "Диалектологического атласа русского языка" и "Общеславянского лингвистического атласа".

Мысль о необходимости подробного лингвогеографического исследования диалектных особенностей восточнославянских языков принадлежала Р.И. Аванесову [Аванесов, Бернштейн 1958: 3], а воплотилась в жизнь тщанием С.В. Бромлей в конце восьмидесятых годов, когда под ее руководством была разработана теоретическая концепция восточнославянского атласа, сформулированы основные задачи и методы лингвогеографического изучения диалектного материала (см. об этом [ВСИ 1995: 3]).

Рецензируемый опус, объединенный несколькими общими идеями, представляет собой сборник статей, посвященный лингвогеографическому описанию разноуровневых явлений восточнославянского диалектного пространства. Несмотря на многоплановость содержания, монография воспринимается как единое целое, сцементированное общей идеей системности картографируемого материала, необходимостью интерпретации фактов на основе наиболее надежных, проверенных временем теорий. Идея представления систематизированного материала, пригодного для решения задач общего характера, реализуется в рассматриваемом выпуске в полной мере. Из сформулированных в выпуске задач наиболее актуальными являются следующие: поиск "новых лингвогеографических (ареалогических) аргументов" (см. "Предисловие", с. 5), способных высветить характер диалектного членения позднепраславянского языка, ответить на вопросы о том, был ли позднепраславянский период временем диалектной дифференциации праславянского языка, представлял ли собой общевосточнославянский праязык генетическое единство, является ли близость совре-

менных русского, украинского и белорусского языков результатом длительных конвергентных процессов, открыть новые свидетельства противопоставленности центральных и периферийных говоров и мн. др.

По существу третий выпуск ВСИ представляет собой "новый тип атласа" (см. "Аннотацию" к выпуску), включающий в себя комментарии и карты, "на которых методом сопоставительного картографирования показаны явления разных языковых уровней...". Новизна выпусков ВСИ заключается как в особенностях картографирования, так и в характере комментариев к картам. Карты, помещенные в рецензируемом выпуске, можно отнести к числу типологических. Главная задача этих карт заключается в том, чтобы "по возможности четко отразить наиболее существенные для диалектных систем связи и противопоставления между элементами, т.е. раскрыть системные отношения между отдельными явлениями и показать те сходства и различия современных восточнославянских диалектов, которые обусловливают синхронную типологическую группировку исследуемых говоров" [ВСИ 1995: 7]. Что касается комментариев, то они представляют собой подробные исследования отраженных на картах явлений, при этом по необходимости используются исторические, этимологические и сравнительно-сопоставительные данные.

Пятнадцать статей с весьма обстоятельным и высокоинформативным "Предисловием", написанным руководителем проекта Т.В. Поповой, составляют содержание рецензируемого труда. Сразу же следует оговориться, что сопоставительный анализ и картографирование различного рода явлений встречает определенные трудности, обусловленные неравномерностью представления материала в национальных атласах или же их различной экспликацией. Часть явлений не картографируется или по причине их слабой распространенности, или же в случае их отсутствия в том или ином регионе. Это заставляет исследователей искать дополнительные источники, важные для решения проблемы полного ареального представления картографируемых явлений.

Вопросам фонетики посвящено две работы Л.Э. Калнынь: "Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов" и "Фонетические диалектные различия, обусловленные рефлексацией прасл. сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными".

В обширной первой статье рассмотрен широкий круг фонетических явлений в парадигматическом и синтагматическом планах, демонстрирующих распределение восточнославянских диалектов в зависимости от разнообразия вокалического или консонантного инвентарей и их сочетаемостных свойств. Дихотомия вокальность/консонантность детализируется "в рамках фонетического устройства идиомов". Автор, интерпретируя широкий круг явлений (перечень которых представлен в заключительной части работы, см. с. 26), сопоставляет изоглоссы отношения к признаку вокальность с изоглоссами отношения к признаку консонантность. Выделяется зона максимально высокого уровня консонантности и "ее антипод" – зона с максимально высоким уровнем вокальности/низким уровнем консонантности, захватывающая некоторые северо-украинские говоры.

Не имея возможности остановиться на всем спектре затронутых Л.Э. Калнынь сюжетов, отметим только, что автор вносит существенный вклад в системную разработку ареальных проблем диалектной фонетики, демонстрируя широту охвата материала, тонкий анализ и проницательность.

Во второй статье убедительно показано, как рефлексация сочетаний **trъt*, **tlъt*, **trьt*, **tlьt* делит восточнославянский континуум на три региона в зависимости от качества согласного в безударном слоге. Приложенные карты дают исчерпывающее представление о судьбе указанных праславянских сочетаний на восточнославянской территории.

Позволю себе напомнить, однако, безотносительно к рецензируемой статье тот тривиальный факт, что диалектология имеет дело с историческими различиями, распределенными на географическом пространстве. Поэтому принцип историзма важен применительно к изучению проблем любого уровня диалектного языка на любом этапе его развития. Применительно к фонетике/фонологии необходимость совмещения исторических и диалектных данных приобретает особое значение. В свое время В.В. Колесов [Колесов 1975: 135] справедливо отмечал: «...синтагматические по своему характеру изменения фонем (изменения фонем в составе словоформы) каждый раз, на каждом синхронном уровне, в каждой диалектной системе индивидуальны и объясняются совершенно различными парадигматическими отношениями фонем и совершенно различной фонетической ситуацией изменения. Только в общем контексте исторического исследования совокупно с другими источниками может быть преодолен "неисторизм" диалектного материала».

В качестве исторического объяснения диалектных (в широком смысле слова) фактов можно привести один пример из работы Н.С. Трубецкого "О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского единства" [Трубецкой 1987: 143–167]. Ученый раскрывает причины и определяет хронологию перехода великорусск. *svinja*, *sud'ja* и т.п. в украинск. *svyńńa*, *sud'd'a*, белорусск. *svińńa*, *suźźa*, опираясь на реконструкцию последовательностей звуковых изменений в разных частях восточнославянской диалектной территории.

В статье Н.Н. Пшеничновой "Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в формах прилагательных" исследуется давно обсуждаемая проблема, до сих пор не получившая однозначной интерпретации. Часть ученых (и их большинство) считают односложные окончания прилагательных результатом фонетического процесса, представленного в разное время в разных славянских языках, другие (как, например, С.В. Бромлей), предполагают здесь результат морфологического процесса, связанного с утратой нечленных форм в атрибутивной функции. Кстати, сторонником фонетического объяснения стяженных форм был также А.А. Шахматов [Шахматов 1957: 343–344], который, в частности, писал: "Диалектически находим стяженные формы в именительном-винительном единственного и множественного числа прилагательных: вместо *ая, ую, ое – а, у, о*, вместо *ые – ы*. Думаю, что необходимо допустить фонетическое объяснение таких форм, а именно, что они возникли в результате выпадения неслогового *i* между однородными гласными...".

Скрупулезно собранный и тщательно расклассифицированный материал позволяет автору сформулировать оригинальное видение исследуемой проблемы. Н.Н. Пшеничнова, ориентируясь на различного рода расхождения между результатами стяжения гласных в глаголах и прилагательных, справедливо полагает, что "фонетический по происхождению процесс стяжения был все-таки с самого начала морфологизованным". Проведенное автором исследование позволило не только выявить и очертить границы описываемого явления и характер его протекания на разных территориях, но и внести определенную лепту в актуальную тему о противопоставленности центральных и периферийных говоров по их отношению к признакам вокальность/консонантность.

Состоящая из двух частей статья Л.Е. Лопатиной и А.В. Тер-Аванесовой "Морфонологические особенности склонения имен существительных с основой на заднеязычный согласный" посвящена описанию диалектных различий, связанных с преобразованием исхода основы имен в восточнославянском ареале. Об актуальности такого рода исследований, важных для осмысления направления морфонологических преобразований в диалектных системах, а также для славянских сравнительно-типологических штудий, свидетельствует тот факт, что этой проблематике посвящено немало работ (кроме приведенных в рецензируемой работе см. также [Толстая 1976: 85–113; Славянская морфонология 1987; Иорданиди 1991: 67–76] и др.).

В первой части статьи показано, что в подавляющем большинстве украинских и белорусских говоров осуществляется переходное смягчение заднеязычных согласных основы перед гласными дифтонгического происхождения **ě* и **i*, в то время как подавляющему большинству русских говоров такой переход не свойствен. При этом рассматриваются различные падежно-числовые формы существительных **o*-склонения мужского и среднего рода и **a*-склонения женского рода. Особое внимание уделено так называемым счетным формам, когда существительное выступает в сочетании с числительными *две, три, четыре, полторы, пол* и местоимением *обе, обедве*, оформляясь окончанием, восходящим к именит.-винит. падежам двойственного числа.

Способность заднеязычных смягчаться непереходно, не изменяя своего основного качества, сложившаяся в славянской фонетике, в полной мере находит отражение в русской словоизменительной системе. Вторая часть рецензируемой статьи, написанная А.В. Тер-Аванесовой, посвящена морфонологическим закономерностям выбора флексий в именных основах на заднеязычный согласный на русской диалектной территории – мягкой или твердой – в разных парадигматических позициях.

Подробнейший комментарий к карте и сама карта (№ 1) непреложно свидетельствует о том, что в северо-западных русских говорах чередуются очаги с преимущественным окончанием твердой разновидности склонения *-е* в формах род. ед., местн. ед., а также, по говорам, дат. ед. числа и особый набор окончаний, отличный как от твердой, так и от мягкой разновидностей склонения. Карта № 2 демонстрирует распределение окончаний родительного, дательного и местного падежей ед. числа существительных на заднеязычные согласные в соотношении с окончаниями других разновидностей *а*-склонения. Эта картографическая работа отличается мастерской репрезентацией большого материала, часть которого собрана в полевых условиях.

Следующие комментарии к картам А.В. Тер-Аванесовой на тему: "Отражение флексии nom.-acc. dualis в счетной форме существительных *а*-склонения и *о*-склонения среднего рода" столь же подробны и информативны. На карте № 1 показано распределение рефлексов *-*е* и *-*i* в кругу существительных *а*- и *о*-склонений различной акцентуации и типа основ; карта № 2 представляет территории распространения различных форм род., дат. и местн. падежей ед. числа существительных твердой разновидности *а*-склонения.

Представляется, что было бы целесообразно в этом сюжете учесть последние работы О.Ф. Жолобова [Жолобов 1997; 2002: 1–27] посвященные проблематике "квантитативных конструкций" в истории русского языка и их представлению как "морфосинтаксических единиц" (*два, три, четыре* + существительное), подверженных унификации.

Исследование С.К. Пожарицкой "Флексии творительного падежа множественного числа существительных" отвечает давно назревшей необходимости показать все многообразие плюральных форм творительного падежа в восточнославянских диалектах и в ряде случаев уточнить характер их происхождения. Работы такого направления отвечают потребностям историко-лингвистического, лингвогеографического и сравнительно-типологического исследований славянской морфологии. В свое время Н. Трубецкой отмечал, что "проблема исследования славянского склонения относится к такого рода проблемам, решение которых требует объединенного сравнения языков, притом диахронический анализ должен вестись параллельно с географическим" [Трубецкой 1987: 211].

С.П. Пожарицкая подробно рассматривает происхождение и территориальное распространение широкого набора флексий (ударных и безударных – *-ам'и, -ам, -ама, -има, -ома, -ими, -и, -ми*), оформляющих имена, используя богатый материал национальных атласов, отдельных историко-диалектологических работ и собственных полевых наблюдений.

Автор совершенно справедливо полагает, что обсуждать "фонемное содержание первого гласного в составе безударной флексии имеет смысл только в связи с фонетическими и фонологическими особенностями соответствующего диалекта...".

Обращают на себя внимание прокомментированные и представленные на карте случаи "обратной" унификации форм творительного падежа (когда формы женского рода *а*-основ оформляются старой флексией *о*-основ мужского рода – *з jего с'ироти*), случаи сохранения этой флексии в кругу слов masculina, остаточные формы двойственного числа в виде словоформ на *-ама, -ома, -има*; случаи совпадения форм дательного и творительного падежей в морфеме <ам>. Автор утверждает, что "наличие обширного и достаточно компактного ареала форм на <има> (как адъективных, так и субстантивных) "усиливает" представления о роли двойственного числа в формировании множественного" (с. 87). Происхождение такого рода флексий в истории языка можно объяснять, как кажется, исходя из особенностей унификации форм множественного числа, которая могла осуществляться не только путем "стирания" родовых оппозиций в результате обобщения плюральных форм, но и путем обобщения форм дуальных.

В рецензируемой статье подробно рассматриваются фонетические и морфологические гипотезы, имеющие объяснительную силу в осмыслении процессов становления тех или иных форм.

Работа, проведенная С.К. Пожарицкой, представляет особый интерес не только для диалектологов, но и для историков языка: материал, которым оперирует автор, дает в ряде случаев новую, более полную интерпретацию в отношении "бытия и становления" "звукового облика флексий" [Якобсон 1985: 198] и их функционирования в восточнославянском ареале.

Публикация Н.Л. Голубевой "Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *тот-этот*" посвящена тому фрагменту восточнославянской морфологии, который до сих пор не получил сколько-нибудь полного освещения в историко-диалектологической науке.

Автор постулирует ту точку зрения, что трехчленная местоименная оппозиция в восточнославянских говорах (как и в славянских литературных языках) содержит указание не на три степени отдаления предмета, а на две; третье местоимение является общим неопределенным указанием на предмет, "безотносительно к его отдаленности от говорящего" (с. 94–95).

В итоговой части этой статьи в комментариях к картам содержатся интересные наблюдения, дифференцирующие восточнославянские говоры в отношении инвентаря указательных местоимений и их смыслового оппозиционирования. Результатом систематизации лингвогеографического материала стал внушительный список местоимений, фигурирующих в русских, украинских и белорусских говорах. Этот список может быть попол-

нен местоимениями, которые "усиливают" свою смысловую структуру с помощью частиц или наречий: *нутóт, нутогó, нутомý, в нутóм* северн.-в.-пинежск.; *тотвóт, тогóвоту, темвóтым, в томвóтом, товóто, тавóта, тувóту, в тевóте, тевóты, техвóтых* красноборск.; *тоготам, темтам* северн.-в.-рус. (см. [Толстой 1973: 56]).

Описанию различных типов инфинитива посвящены три статьи Т.В. Поповой: "Формы инфинитива от глаголов с основой на /к, г/ типа рус. лит. *печь, беречь*", "Формы инфинитива от глаголов с основой на гласный типа рус. лит. *ходить, видеть, гнать, писать*" и "Формы инфинитива от глаголов с основой на согласный типа рус. лит. *плести, вести, грести и класть, прясть, грызть*". В этих основательных, крупных по объему работах дано исчерпывающее представление – историко-лингвистическое и ареальное – исследуемого предмета.

Проанализированный в первой статье материал дает основания автору констатировать достаточно сложную картину дифференциации диалектного пространства в отношении различных вариантов образования инфинитивных форм (*печи, беречи; пекчи, берекчи; пекти, беректи; пекци, бераг(х)ци; печт', беречт'; пект', берект'* и других) в особенности в северо-восточных русских говорах и говорах белорусского языка.

Во второй статье, помимо лингвогеографического описания материала, автор, не претендуя на решение вопроса о происхождении инфинитивных форм на *-т'* (*ходит'* вместо *ходити*), предпринимает попытку обозначить основные этапы их развития. Следует заметить, что из приведенных в работе примеров два, трактующиеся как инфинитив с суффиксом *-т'* из древнерусских памятников XI в., требуют некоторой корректировки [это скорее упрек в адрес Г.П. Півторака (см. монографию 1974 г., на которую ссылается Т.В. Попова)], ошибочно интерпретирующего примеры А.И. Соболевского [1907: 165]: **пророкъ не придоухъ разорить нъ *напълнить*** ЕвО 1156–1157, 213б (супин); **придѣхоу иноплеменьници *почьрпать*** [воду] Изб 1073, 257б (супин); **ако ни єдинъ же моужь тѣхъ зъваныхъ *не вкоусить* мока вечера** (3-е лицо ед. числа). Формы ***напълнить*** и ***почьрпать***, являющиеся по происхождению супином, в связи с заменой исконного ***-тъ*** на ***-ть***, следует толковать, вслед за А.И. Соболевским, как контаминацию инфинитива и супина. Таким образом, предположение о том, что древнерусской системой, сложившейся в X/XI вв., "допускалось употребление инфинитивных форм как с суффиксом *-ти*/т'и/, так и с суффиксом *-ть*/т'/", в принципе возможное, можно принять с известными оговорками. Замечу также, что в рамках принятой периодизации единого общерусского (восточнославянского, древнерусского) языка – XI–XIV вв. – нет никаких оснований говорить о "памятниках старобелорусской письменности" XIII в. (см. с. 126).

Материал, исследованный автором в рассматриваемой статье, позволил сделать заключение о том, что образование диалектных инфинитивных форм от глаголов типа русск. лит. *ходить, брать* на восточнославянской территории осуществляется с помощью суффиксов /т'и/, /т'/ и /т/.

Третья публикация автора предоставляет большой материал, свидетельствующий о том, что формы инфинитива от глаголов с основой на зубные и губные согласные (русск. лит. *брести, мести, грести, класть*) могут быть образованы с суффиксами /ст'и/, /ст'/ и /с'/. При этом наиболее распространенным в восточнославянском континууме оказывается архаический суффикс /ст'и/.

Т.В. Попова демонстрирует постоянное внимание к показаниям исторических и диалектных материалов, не ограничиваясь данными атласов, и это обеспечивает высокую надежность проведенного исследования, представленного как в комментариях, так и в картах.

Перу Л.Е. Лопатиной принадлежат две следующих статьи: "Конструкции типа рус. *корова* (*корову*) *подоено*, бел. *грыбы пазбирана*, укр. *гроші узято*" и "Формы винительного падежа множественного числа одушевленных существительных".

Первая, небольшая по объему работа, затрагивает проблему, весьма актуальную с точки зрения исторического и диалектного синтаксиса: нехарактерные для русского литературного языка безличные конструкции. В белорусских говорах такие конструкции известны на ограниченных территориях, в то время как украинский язык демонстрирует их широкую распространенность как в литературной форме, так и по говорам. Исследование опирается, в основном, на данные ДАРЯ и И.Б. Кузьминой, научная деятельность которой была много лет сфокусирована на изучении диалектного синтаксиса.

Неоднозначное впечатление оставляет вторая работа Л.Е. Лопатиной. Если "диалектологическая" часть публикации представляет собой ценный источник информации по ареальному распространению различного рода конструкций – глагол + вин. = родит. или глагол + вин. = именит., то "историческая" часть вызывает некоторые возра-

жения, что связано, в частности, с трактовкой истории развития категории одушевленности в восточнославянских языках. Автор опирается на две гипотезы, исключающие друг друга – построения Г.А. Хабургаева [1990] и В.Б. Крысько [1994]. Описание становления категории одушевленности в истории русского языка, с преимущественным вниманием к явлениям древнерусского периода, основанное на огромном новом материале, позволило В.Б. Крысько представить новый взгляд на теорию и историю этой категории, обозначить основные вехи ее развития, в том числе и в формах pluralis. Приведение в соответствие "истории" грамматикализации значения одушевленности и "географии" инновационных конструкций дало бы возможность Л.Е. Лопатиной нарисовать более четкую историко-типологическую картину функционирования форм винительного падежа множественного числа одушевленных существительных на восточнославянском диалектном пространстве.

Две публикации Г.П. Клепиковой – "Названия частей плуга. 1. 'лемех'; 2. 'отвал'" и "Названия 'муравьев'" демонстрируют важность лексических показателей для реконструкции праславянского диалектного членения и для представления восточнославянской картины мира. В свое время Н. Трубецкой замечал [1987: 513–514]: "...сравнительно-этимологическое изучение славянской лексики невозможно без установления точного ареала распространения каждого слова..."; "...точное установление лексических изоглосс в пределах славянских языков дает возможность с новой точки взглянуть на историю всех славянских языков".

В первой из рецензируемых работ автор, ориентируясь на существующие в разных областях Восточной Славии реалии, показывает распространение различных лексем, манифестирующих названия частей плуга. Ограниченность материала, вызванная отрывочностью соответствующих сведений в ДАРЯ, все-таки позволяет Г.П. Клепиковой, используя материалы ОЛА и СРНГ ("Словаря русских народных говоров"), представить четкую диалектную дифференциацию в отношении территориальной прикрепленности тех или иных восточнославянских наименований: *лемех, лемешь* плуга, *отвал* плуга, *сошник, нарог, над, нож* (*ніж*), *плита, пос'т'іў* и др.

Особо следует отметить высокоинформативные примечания автора, помещенные в конце работы, которые дают различного рода сведения – исторические, этимологические, экстралингвистические относительно рассматриваемых лексем.

Для более полного отражения материала (ввиду большого числа фонетико-словообразовательных вариантов названий муравьев – это вторая публикация автора) Г.П. Клепикова составляет три обобщающие карты – лексическую, словообразовательную и дополнительную лексическую, призванных продемонстрировать все разнообразие энтомонимов, характеризующих восточнославянский ареал: названия, содержащие корень **morv-* (*муравей, муравли, мурави, мурал'і, мураши, мараши, мураш'ки, морашки, мурахи, муран'ки* и т.д.); названия, содержащие корень *ком-* и суффиксы *-ар*, *-ах*, *-аш(к)*, *-аш(н)* (*комар/камар, комаха, комашка, камашня* и под.); названия типа русск. диал. *сикляхи* и т.д. Раздельное рассмотрение лексических и словообразовательных фактов, связанных с названиями муравьев, позволило автору выявить ряд существенных деталей и более полно представить ситуацию, касающуюся дифференциации исследуемых энтомонимов на восточнославянском диалектном пространстве.

Во всех случаях материал картографируется по схеме "от значения к слову", что позволяет продемонстрировать географию отдельных лексем и их ареальное соотношение на обследуемой территории.

Нельзя не отметить предельную четкость и строгость графического решения прилагаемых к каждой статье карт в рецензируемой монографии. Картографическая репрезентация материала отличается высокой точностью, рациональностью и экономностью: здесь используется стандартный набор геометрических фигур и штриховок. Несомненно, что картографическая концепция выпусков ВСИ опирается на опыт ДАРЯ, ОЛА и ОКДА. Вызывает сожаление лишь тот факт, что полиграфическая издательская база не позволяет пользоваться цветовым решением в картографическом представлении материала, что могло бы еще более четко продемонстрировать границы противопоставленных явлений.

В монографии приведены новые факты, свидетельствующие о неоднородности общевосточнославянского языкового пространства. Так, в "Предисловии" отмечается, что "украинский язык по своему происхождению занимает особое место среди других восточнославянских языков, нередко нарушая представление о едином в прошлом восточнославянском диалектном континууме" (см. с. 8). Изначальная гетерогенность восточнославянского ареала, на которую было обращено внимание ряда исследователей, подкрепляет-

ся новыми данными, представленными в обсуждаемой монографии. Заметим, кстати, что Н. Трубецкой [1987: 143, 166], говоря о едином "общерусском или общевосточнославянском праязыке" вместе с тем утверждал, что «..."праукраинский" существовал... не *после*, но *до* распада общерусского языкового единства».

Замечания к отдельным публикациям разбросаны по тексту рецензии. Что касается рекомендаций более общего характера, то они сводятся к следующему. Обращает на себя внимание отсутствие в монографии заключения, в котором бы рассмотренные факты приводились к единому знаменателю. Было бы важно показать, находят ли продолжение границы фонетических явлений в границах морфологических, словообразовательных и лексико-семантических, т.е. продемонстрировать совпадение (или несовпадение) изоглосс, отражающих распространение явлений разного языкового уровня в исследуемом ареале. Справедливости ради следует заметить, что некоторые наблюдения обобщающего характера содержатся в "Предисловии", но представленные в монографии факты столь важны и столь любопытны, что заслуживают подробнейшего промежуточного итогового описания.

Рецензируемая монография – это, безусловно, крупное достижение диалектологов-славистов и русистов, имеющее не только практическое, но и общетеоретическое значение. Собран, проанализирован и картографирован большой материал, важный для осмысления ряда явлений восточнославянской и – шире – славянской языковой истории и диалектологии. Сделан еще один шаг на пути создания будущей типологии славянских диалектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесов, Бернштейн 1958 – *Р.И. Аванесов, С.Б. Бернштейн.* Лингвистическая география и структура языка // IV Международный съезд славистов: Доклады. М., 1958.

ВСИ 1995 – Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995.

Жолобов 1997 – *О.Ф. Жолобов.* Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, 1997.

Жолобов 2002 – *О.Ф. Жолобов.* Морфосинтаксис числительных *два, три, четыре*: к истории малого квантитатива // RLing. V. 26. 2002.

Иорданиди 1991 – *С.И. Иорданиди.* Из наблюдений над морфонологическими чередованиями /к, г, х/~/ц, з, с/ в истории русского субстантивного склонения // Язык и письмо. Волгоград, 1991.

Колесов 1975 – *В.В. Колесов.* Значение лингвистической географии в историческом изучении языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. М., 1975.

Крысько 1994 – *В.Б. Крысько.* Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Славянская морфонология 1987 – Славянская морфонология. М., 1987.

Соболевский 1907 – *А.И. Соболевский.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Толстая 1976 – *С.М. Толстая.* Морфонологические типы субстантивных парадигм в польском языке // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976.

Толстой 1973 – *Н.И. Толстой.* Из наблюдений над членом-артиклем и указательным местоимением в южнославянских диалектах // Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. М., 1973.

Трубецкой 1987 – *Н.С. Трубецкой.* Избранные труды по филологии. М., 1987.

Хабургаев 1990 – *Г.А. Хабургаев.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

Шахматов 1957 – *А.А Шахматов.* Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Якобсон 1985 – *Р. Якобсон.* Избранные труды. М., 1985.

С. И. Иорданиди

R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.) **Changing valency. Case studies in transitivity.** Cambridge: Cambridge University Press. 2000. 413 p.

Рецензируемая книга, посвященная типологии актантной деривации (valency changing derivation), составлена известным специалистом в области современной синтаксической типологии Робертом Диксоном в соавторстве с русским типологом и специалистом по амазонским языкам Александрой Айхенвальд (ныне живет и работает в Австралии).

Эту область типологии грамматики можно по праву назвать одной из наиболее подвижных. На данный момент можно уверенно говорить о сосуществовании нескольких принципиально различных концепций актантной деривации и залоговых преобразований. Одним из преимуществ рассматриваемого сборника является то, что практически все работы имеют в основе единый теоретический фундамент.

Книга состоит из двенадцати глав. В первой главе – введении – изложен принятый в сборнике подход к описанию актантной деривации. Вторая глава представляет собой обзор типологии каузативов. Девять глав посвящены описанию актантной деривации в отдельных языках, а именно в киче (майя, Гватемала), крик (мускоги), тариана (аравакский, Бразилия), раванг (сино-тибетский), центральный юпик (эскимосско-алеутский), нганьгитьемерри (дейли, Австралия), амхарский (эфиосемитский), мотуна (восточнопапуасский). Еще одна глава посвящена сравнительному анализу залога и актантной деривации в языках атапаскской семьи.

Разработанная Р. Диксоном и А.Ю. Айхенвальд и изложенная ими в первой главе книги концепция представляет собой развитие идей из их же совместной статьи [Dixon, Aikhenvald 1997]. В основе подхода лежит различение ядерных и периферийных аргументов (core vs peripheral arguments) по признаку обязательности (may vs. may not be omitted) и опирающееся на это различение определение (не)переходности (transitive vs. intransitive clauses). Предикация с единственным ядерным аргументом (S) называется непереходной, предикация с двумя ядерными аргументами (A и O) – переходной. Следует иметь в виду, что S, A и O – это морфосинтаксические понятия, т.е. наборы морфологических и синтаксических свойств аргумента, а не семантические роли. В связи с этим Диксон и Айхенвальд допускают (как кажется, с некоторым усилием над собой) возможность существования языков без противопоставления переходных и непереходных транзитивных, ссылаясь на данные Мартина по языку крик (глава 12, см. также ниже). Допускается также наличие еще одного специального синтаксического статуса (E – **extension of the core**), такой аргумент часто кодируется дативом Глаголы с аргументом E получают ярлык **extended intransitive** (экспериенциальные глаголы во многих языках) и **extended transitive** (например, глагол 'дать'). Насколько можно судить, по мнению авторов, E занимает позицию, промежуточную между ядерными и периферийными аргументами предиката.

Актантная деривация определяется как изменение признака переходность/непереходность путем добавления или удаления ядерного аргумента. Различаются повышающая деривация (valency-increasing), делающая непереходный предикат переходным (появление S или A либо переход периферийного аргумента в S или A) и понижающая деривация (valency-decreasing), имеющая обратный эффект (элиминация S или A либо переход S или A в периферийный аргумент). Актантные деривации, имеющие иные последствия, например, каузатив от уже переходного предиката или опущение S непереходного предиката ("имперсональный пассив") считаются вторичными. Действительно, если в языке вообще есть каузативная деривация, то она может применяться к непереходным и не применяться к переходным глаголам, в то время как обратное невозможно.

Обсуждается третий тип операции с аргументами предиката – интерпретирующая (valency-reartanging) деривация, при которой число ядерных аргументов сохраняется, но меняются их семантические роли. Можно заметить, что понимание интерпретирующей деривации, например, в [Плунгян 2000] не совпадает с пониманием, принятым авторами сборника. Связано это с тем, что определения Диксона и Айхенвальд, оперируя с S, A и O, подразумевают синтаксические, а не семантические сущности. В [Плунгян 2000] рефлексив отнесен к интерпретирующей актантной деривации, так как агенс совпал с пациенсом. Для Диксона и Айхенвальд это – понижающая деривация, так как глагол утрачивает прямое дополнение.

Универсально выделяются следующие преобразования валентности:

a) понижающая деривация: **пассив** (прототипический, безагентивный или декаузатив), **антипассив** (прототипический или беспациентивный), **рефлексив, реципрок**.

b) повышающая деривация: **каузатив, аппликатив**.

Каждому из этих преобразований дано определение. В качестве примера приведем определение пассива:Пассив (с. 7).

Данная деривация применяется к переходной предикации и порождает производную непереходную предикацию:

– Исходное O становится S.

– В языках с различением агентивных и неагентивных S (т.е. в языках активного строя, или, в терминах Диксона и Айхенвальд, в языках со Split-S) O становится агентивным S.

– Исходный А уходит на периферию. Он может быть опущен, хотя (в прототипическом пассиве) всегда есть возможность включения его в предикацию.

– Пассивная конструкция формально маркируется, обычно глагольным аффиксом или перифрастической глагольной конструкцией.

Далее составители сборника говорят о возможных отклонениях от прототипического пассива в зависимости от поведения А в производной конструкции. Выделяются

a) **прототипический пассив:** А – периферийный аргумент, который может быть не выражен, а может быть выражен

b) **безагентивный пассив:** участник А подразумевается, но не может быть выражен

c) **антикаузатив:** участник А не подразумевается

Диксон и Айхенвальд отмечают отсутствие общепринятого понимания термина **middle** (медий или средний залог). Даже в рецензируемом сборнике наблюдается заметный разнобой – авторы различных статей называют медием пассив, рефлексив, антикаузатив и др. Оказывается, что медий может обозначать практически любую деривацию, понижающую валентность. Авторы предлагают либо вернуться к исходному толкованию данной категории, соответствующему греческому медию (действие, направленное на себя или осуществляемое в собственных интересах), либо вообще отказаться от употребления этого термина.

Вступительная статья в краткой и "свободной от теории" (theory-free) форме излагает формальную систематику актантных деривaций. Это позволяет авторам других глав эффективно использовать ее в качестве каркаса при описании актантных деривaций в конкретных языках. Но это же определяет и отсутствие во введении заметных теоретических прорывов; авторы скорее формулируют теоретические проблемы, чем предлагают ответы на них. Впрочем, статья содержит ряд важных наблюдений.

Таково, например, замечание о "валентной нестабильности" глаголов, занимающих на типологической шкале транзитивности срединное положение, т.е. далеких как от прототипически переходных, так и от прототипически непереходных (с. 20). Диксон и Айхенвальд указывают, что если основа такого глагола непереходна, то она оказывается деривационно склонна к переходности (например, может присоединять и статистически часто присоединяет показатель аппликатива). Если же основа такого глагола переходна, то она оказывается деривационно склонна к понижению транзитивности (к антипассивизации). Иными словами, у таких глаголов часто имеется морфологически производный "двойник", имеющий противоположное значение признака (не)переходности.

Позволим себе остановиться еще на одной очень содержательной дискуссии. Возражая типологам, предлагающим видеть в любой актантной деривации в первую очередь семантический феномен, авторы введения выступают за комплексный подход, рассматривающий актантную деривацию одновременно с трех точек зрения: семантической, синтаксической и дискурсивно-прагматической. Каузативы, например, имеют отчетливую семантическую нагрузку, но даже каузативы изредка используются в синтаксических целях (ссылки на данные из тариана, чеченского и ингушского и языков помо, с. 17). Напротив, во многих языках пассив играет отчетливо синтаксическую роль; при этом нельзя отрицать типологическую связь пассива со значением результирующего состояния. Таким образом, определенная актантная деривация в конкретном языке может быть более или менее семантической, синтаксической или прагматической, но в любом случае эти компоненты связаны между собой. Так, указывают Диксон и Айхенвальд, значение каузатива предполагает появление дополнительного аргумента, т.е. изменение семантики вызывает определенный синтаксический эффект. Нам не удалось найти в статье обратный пример – синтаксическую деривацию, семантический эффект который вторичен. Позволим себе предположить, что в качестве такого примера можно было бы использовать русское *-ся*. Его инвариантной функцией является, по-видимому, понижение транзитивности; при этом употребление с различными классами предикатов приводит к самым разным семантическим эффектам, покрывающим пассив (*воспитываться*), антипассив (*кусаться*), рефлексив (*мыться*), реципрок (*целоваться*), антикаузатив (*взрываться*), т.е. все выделенные Диксоном и Айхенвальд типы понижающих деривaций.

При этом авторы говорят о том, что одни деривации с типологической точки зрения являются преимущественно синтаксическими (например, пассив), а другие – преимущественно семантическими (например, каузатив). В целом нельзя не признать такую модель привлекательной; заметим, однако, что при многофакторном подходе остается не вполне ясным, что вообще объединяет такие явления, как, например, семантически моти-

вированный каузатив и синтаксически мотивированный пассив, в типологически однородную категорию актантной деривации – что, кроме возможности единообразно формализовать сопутствующие этим деривациям синтаксические преобразования?

В конце вводной статьи Диксон и Айхенвальд перечисляют те теоретические проблемы в области актантной деривации, которым, с их точки зрения, до сих пор уделялось недостаточно внимания и которые в будущем должны быть подробно исследованы (с. 25–27). В проблемный список Диксона и Айхенвальд попали: диахрония, грамматикализация и лексикализация показателей актантной деривации; типология аппликативов; типология комбинирования деривационных показателей; изучение взаимодействия между граммемами актантной деривации и другими категориями глагола; комплексное исследование семантических, синтаксических и дискурсивно-прагматических аспектов актантной деривации. От себя мы бы добавили сюда типологию лабильности, которая, хотя и не является, строго говоря, примером актантной деривации, несомненно связана с типологией последней самым тесным образом. Диксон и Айхенвальд также пишут о недостаточной изученности связи между деривационными процессами и определенными семантическими параметрами и связи актантной деривации с синтаксическими операциями типа инкорпорации. Кроме того, необходимо сравнительно-типологическое исследование роли категории переходности/непереходности в конкретных языках и ее связи с количеством лабильных глаголов.

Ниже мы кратко обсудим каждую из глав сборника.

За исключением введения, единственной общетеоретической статьей является глава II о типологии каузативов, написанная Диксоном. Опираясь на данное во введении определение каузатива, автор последовательно рассматривает формальные механизмы образования, синтактику и семантику каузативной конструкции. Выделяются следующие способы образования каузативов:

1. Морфологические процессы:
a) чередования (напр., литовский)
b) удвоение согласной (напр., арабский)
c) удлинение гласной (напр., кашмири)
d) изменение тона (напр., лаху)
e) префиксация (напр., амхарский)
f) суффиксация (напр., киче)
g) циркумфиксация (напр., грузинский);
2. Сериальная конструкция: два глагола в одной предикации (напр., французский)
3. Перифрастическая конструкция: два глагола в разных предикациях (напр., персидский)
4. Лексические каузативы (напр., дирбал)
5. Мена вспомогательных глаголов (нганьгитьемерри, см. ниже).

Первые четыре механизма достаточно широко распространены. Их Диксон помещает на "шкале компактности" (">" = 'более компактный, чем'): лексические каузативы > морфологические каузативы > сериальная конструкция > перифраза. Большая или меньшая компактность средства коррелирует с девятью семантическими параметрами выбора одного способа образования каузатива из нескольких существующих в языке. Эти четко сформулированные параметры представляются с типологической точки зрения одной из самых сильных сторон этого исследования:

1. Глагол: стативный/нестативный,
2. Глагол: переходный/непереходный,
3. Каузируемый участник: контролирует/не контролирует ситуацию,
4. Каузируемый участник: действует по своей воле/против своей воли,
5. Каузируемый участник: частично/полностью затронут ситуацией,
6. Каузатор: действует непосредственно/опосредованно,
7. Каузатор: действует намеренно/не намеренно,
8. Каузатор: естественный/неестественный,
9. Каузатор: вовлечен/не вовлечен в действие.

Что касается имени, то здесь автор выделяет пять типов поведения аргументов:

1. Каузируемый участник маркируется специальным образом.
2. И каузатор, и каузируемый участник маркируются как А.
3. Каузируемый участник становится новым О, а исходное О маркируется как периферийный аргумент.
4. Исходное О полностью сохраняет свои свойства, а каузируемый участник маркируется как периферийный аргумент.

Глава III, написанная М. Митун, посвящена весьма развитой системе актантной деривации в языке центральный юпик. Значительное место уделено описанию дистрибуции показателей по глагольным классам (каковых выделяется четыре: переходные, непереходные, лабильные пациентивные и агентивные глаголы), а также связи актантной деривации с лексической семантикой глагола.

В языке мотуна (глава IV, М. Ониси) залоговое различие между активом и медием

(этот термин используется автором для обозначения диатезы, соответствующей extended intransitive в терминах Диксона и Айхенвальд) выражается двумя разными сериями лично-числовых показателей. Отметим, что среди описанных актантных деривaций (всего их пять) есть одна интерпретирующая деривация – кажется, единственный случай на весь сборник. Это *стимулятив* (частный случай аппликатива). Стимулятив затрагивает аргумент S – занимающий эту позицию экспериенцер заменяется на стимул. Например, экспериенциальный глагол *ni'r* 'быть удивленным' после прибавления стимулятивного суффикса принимает значение 'удивлять'.

Глава V, написанная А.Ю. Айхенвальд, посвящена аравакскому языку тариана. Детально рассмотрены повышающая и понижающая актантная деривация. Особый интерес представляет описание каузативной конструкции. В языке представлено три стратегии образования каузативов (аффиксация, перифраза, сериальная конструкция). Автор подробно анализирует факторы, влияющие на выбор той или иной стратегии. Любопытно также, что аффикс, участвующий в образовании каузативов непереходных глаголов, при лабильных глаголах маркирует их переходность и указывает на обязательность выражения периферийного актанта – адресата, места, цели или инструмента.

К. Райс – автор главы VI – исследует актантную деривацию в атапаскских языках. Рассматриваются два аффикса, кодирующих соответственно повышающую и понижающую деривацию; сопоставляются их значения в отдельных языках семьи. Особое внимание автор уделяет связи категорий актантной деривации с аспектом и, в частности, распределению деривационных показателей по акциональным классам глаголов.

В главе VII описаны актантные деривации в языке киче. Автор, Л. Кэмпбелл формулирует выбор того или иного преобразования в терминах фокуса (action focus, O focus, agent focus, focus on result), что, кажется, сближает ее видение проблемы со взглядами автора XII главы, о которых будет сказано ниже. Исследование Кэмпбелл также содержит элементы сравнительного анализа с другими языками семьи майя.

В отличие от других сино-тибетских языков, в языке раванг (глава VIII, Р. Ла-Полла) кодирование переходности/непереходности оказывается грамматически релевантным. Описывается шесть средств повышения валентности и два средства ее понижения. Большое внимание уделено взаимодействию и взаимовлиянию между различными показателями актантной деривации.

В амхарском языке, которому посвящена глава IX, также обнаруживается сложная система актантных деривaций и классов транзитивности. Для автора, М. Амберебера, оказывается существенным противопоставление актантной деривации (valency-changing devices) и "кодирования валентности" (valency-encoding). Второе имеет отношение к "связанным" глаголам (bound verbs), то есть таким, которые не существуют в языке без деривационных аффиксов, например, есть глаголы *tə-dəssətə* 'быть счастливым', *as-dəssətə* 'осчастливить', но беспрефиксального глагола **dəssətə* не существует. Актантная деривация и кодирование валентности могут выражаться разными средствами.

Необычная ситуация наблюдается в языке нганьгитьемерри (глава X, автор Н. Рейд), где основные средства кодирования и изменения валентности глагола не являются деривационными в собственном смысле слова. В языке представлена система сочетаний основных и вспомогательных глаголов. В главе II, приводя пример на образование каузатива меной вспомогательного глагола, Диксон пользуется материалом именно нганьгитьемерри. Как и во многих других языках, ведущую роль в сочетаниях основного и вспомогательного глагола играет признак переходность/непереходность. Различные комбинации переходных или непереходных финитных глаголов с переходными или непереходными вспомогательными являются эквивалентом актантной деривации. Так, в нганьгитьемерри нейтральным является сочетание непереходного основного и непереходного вспомогательного глаголов, а при изменении признака вспомогательного глагола на "переходный" конструкция становится каузативной.

Написанная Б. Комри глава XI посвящена цезскому языку. Именно Комри в 1985 г. предложил в свое время термины **valency increasing/decreasing derivation** [Comrie 1985]. Дагестанские языки известны слабой развитостью систем актантной деривации. Действительно, Комри констатирует, что единственной актантной деривацией в цезском является каузатив. Автор выявляет "привилегированные" именные группы цезского языка, то есть такие именные группы, которые являются контролерами или мишенями синтаксических преобразований. Рассматривается поведение именных групп в разных синтаксических конструкциях в свете порядка слов, опущения кореферентной именной группы и рефлексивизации. Выявленные закономерности позволяют говорить о том, что даже в языках типа

цезского есть средства (прежде всего, синтаксические) для придания определенным аргументам большего или меньшего веса, то есть средства сродни актантной деривации.

Как уже говорилось, почти все главы сборника написаны в рамках подхода, предложенного Диксоном и Айхенвальд в первой главе сборника. Раздел Дж. Мартина "Creek voice: beyond valency" (гл. XII) является в какой-то степени исключением. Автор предлагает самостоятельную интерпретацию явлений, традиционно рассматриваемых как залоговые преобразования и актантная деривация.

Подкрепляя свои слова примерами из языка крик, Мартин пишет о неуниверсальности категорий переходность/непереходность и, как следствие, неприложимости базовых понятий концепции Диксона-Айхенвальд для исследования этого языка. Мартин пишет, что химическая метафора "валентность" если не исчерпала себя, то во всяком случае не может больше оставаться отправной точкой в исследованиях залоговых преобразований.

Мартин совершенно определенно выступает за признание примата семантики в описании актантных деривaций; синтаксические эффекты оказываются лишь последствиями семантических сдвигов. Он обращается к традиции, которая строго разграничивает категорию переходности/непереходности и категорию залога. Цитируя О. Есперсена, Мартин пишет, что пассивный и средний залоги следует рассматривать как явления, изменяющие "точку зрения" и "центр интереса".

Для Мартина первичным оказывается изменение перспективы, в которой рассматривается событие. Например, медий в языке крик предлагается описывать как залог, кодирующий переход от причины (немаркированная перспектива) к следствию (маркированная перспектива). В сущности, он не предлагает ничего революционно нового, говоря, что во многом развивает концепцию залога, предложенную Крофтом [Croft 1994]. Статья Мартина наглядно демонстрирует, что активизировавшиеся в последнее время попытки исследователей сформулировать универсальную и непротиворечивую теорию актантной деривации далеко не исчерпали себя; многие важные проблемы еще ждут своего разрешения.

Как показывает пример настоящего сборника, формальный аппарат, предложенный Диксоном и Айхенвальд, позволяет довольно успешно описывать и систематизировать обширный материал. Хочется в этой связи заметить, что, несмотря на все нарастающий объем литературы, посвященной данной проблематике, разнообразие актантной деривации в языках мира до сих пор мало изучено. Рецензируемая книга может стать важным подспорьем при заполнении этой дескриптивной лакуны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Плунгян 2000 – *В.А Плунгян*. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.

Comrie 1985 – *B Comrie*. Causative verb formation and other verb-deriving morphology // Shopen (ed.) Language typology and syntactic description. Cambridge, 1985.

Croft 1994 – *W Croft*. Voice: beyond control and affectedness // B. Fox, P.J. Hopper (eds.) Voice: form and function. Amsterdam, 1994.

Dixon, Aikhenvald 1997 – *R. Dixon, A. Aikhenvald* A typology of argument-determined constructions // Bybee et al. (eds.) Essays on language function and language type. Amsterdam, 1997.

М.А. Даниэль, А В. Подобряев

B. Heine, T. Kuteva. **World Lexicon of Grammaticalization.** Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 387 p.

Новая книга Б. Хайне и Т. Кутевой, озаглавленная авторами как "Всемирный лексикон грамматикализации", представляет собой словарь-справочник регулярных путей возникновения и развития грамматических показателей. В книге приводятся сведения о нескольких сотнях (более 400) типичных процессах грамматикализации, с примерами из огромного количества языков мира (порядка 500), комментариями и перекрестными ссылками.

Бернд Хайне, профессор Института африканских исследований при Кёльнском университете, – один из крупнейших современных лингвистов, автор целого ряда монографий, в том числе по проблемам грамматикализации (см. общую характеристику его взглядов в обзоре [Плунгян 1998]). Таня Кутева, лингвист из Болгарии, в настоящее время работает в Дюссельдорфском университете; недавно была опубликована ее книга, посвященная типологии вспомогательных глаголов в свете теории грамматикализации [Kuteva 2001]. "Лексикон грамматикализации" явился результатом исследований, проводившихся на протяже-

нии десяти лет, с 1991 по 2000 г., в Кельнском университете, а также в Центре исследований по поведенческим наукам в г. Станфорд, Калифорния.

Данное издание было задумано в первую очередь как справочник, в котором было бы суммировано множество конкретно-языковых фактов, разбросанных по многочисленным публикациям, посвященным возникновению и развитию грамматических показателей. Действительно, последние 20 лет ознаменовались всплеском интереса к проблеме эволюции грамматики; на Западе появился целый ряд монографий, в которых обсуждались различные аспекты этого явления (см., прежде всего, [Lehmann 1982; Heine, Reh 1984; Heine et al. 1991; Hopper, Traugott 1993; Bybee et al. 1994]), в результате чего стало возможным говорить об особом направлении исследований, получившем название "теория грамматикализации". При этом долгое время отсутствовал единый каталог путей грамматикализации, бóльшая часть которых не ограничена какими-либо языковыми общностями или ареалами, а регулярно воспроизводится в самых различных уголках мира[1]. По-видимому, первая попытка составления подобного списка принадлежит самому Б. Хайне (который является одним из основателей "теории грамматикализации") и его коллегам – в приложении к книге [Heine, Reh 1984] были перечислены основные пути грамматикализации, характерные для африканских языков и подробно описываемые в этой монографии. Непосредственным же предшественником книги Хайне и Кутевой 2002 года был коллективный труд "Концептуальные переходы: лексикон процессов грамматикализации в африканских языках", составленный сотрудниками Кельнского университета и опубликованный малым тиражом в качестве одного из выпусков "Трудов по африканистике"; см. [Heine et al. 1993]. (Наряду с изданием словаря путей грамматикализации имелся и опыт составления словаря терминов теории грамматикализации – см. подробный трехтомник [Lessau 1994] объемом свыше 1000 страниц.)

Справочник 1993 года включал в себя сведения приблизительно о 500 путях грамматикализации; основная масса языкового материала приходилась на африканские языки, хотя привлекались и другие доступные данные. По сравнению с этим изданием "Лексикон грамматикализации" 2002 года отличается более уравновешенным отбором данных – языковая выборка более сбалансирована, в качестве примеров приводятся только наиболее надежные и хорошо документированные случаи, и кроме того, в рассмотрение включаются в основном те пути грамматического развития, которые засвидетельствованы более чем в одной языковой семье.

Книга состоит из введения, указателя используемых грамматических терминов, собственно Лексикона, трех приложений (алфавитные списки переходов и указатель языков) и библиографии; имеется также список сокращений и символов.

Во "Введении" (с. 1–14) обсуждаются основные свойства процесса грамматикализации, а также проблемы, возникающие в ходе работы над систематизацией конкретно-языковых фактов при составлении их обобщающего "лексикона". Грамматикализация определяется как процесс развития от лексической формы к грамматической, а от грамматической к "еще более грамматической" форме (с. 2). В данном процессе задействованы по крайней мере четыре взаимосвязанных механизма – десемантизация, или "семантическое обесцвечивание" (bleaching); так наз. "расширение" (extension), т.е. постепенное использование формы во все новых контекстах; декатегоризация, т.е. утрата грамматикализуемым элементом морфосинтаксических свойств, характерных для исходных знаменательных лексем; и эрозия (erosion), т.е. редукция фонетического материала. Для авторов "Лексикона" грамматикализация важна прежде всего как специфический семантический процесс – процесс, в ходе которого формы с более конкретным, "вещественным" (лексическим) значением начинают употребляться в определенном контексте для выражения более абстрактных (грамматических) значений, – например, когда языковая единица, обозначающая часть тела человека ('спина') используется для указания на пространственное расположение ('сзади'), или когда языковая форма, обозначающая действие в пространстве ('идет сделать что-либо') используется для выражения временной референции ситуации (будущее время: 'сделает что-либо'). Именно семантические процессы, ведущие к грамматикализации языковых

[1] Отметим, что задача систематизации возможных путей развития лексических значений не решена до сих пор (впрочем, сделать это будет гораздо сложнее, поскольку лексических значений заведомо на несколько порядков больше, чем грамматических); ср. в этой связи обсуждение проекта создания так называемого "Каталога семантических переходов" в [Зализняк 2001].

форм, являются объектом описания в "Лексиконе" – интересно, прежде всего, какие языковые единицы могут подвергаться грамматикализации, и чем обусловлена связь между исходным (лексическим) и конечным (грамматическим) значениями. Наряду с чисто описательным (систематизация возможных переходов и их представление в едином формате) в книге Б. Хайне и Т. Кутевой присутствует и объяснительный компонент – в комментариях к статьям справочника мотивация переходов, как правило, раскрывается, и даются отсылки к близким по характеру путям развития.

Поскольку грамматикализация представляет собой явление сложное и многостороннее, при составлении "Всемирного лексикона грамматикализации" авторы не могли не столкнуться с целым рядом трудностей, которые они также обсуждают во "Введении", аргументируя принятые в наиболее проблематичных случаях решения. Так, исследования авторов базируются на данных из не более чем десятой части языков мира, в силу чего можно усомниться в том, что их лексикон является действительно "всемирным". Тем не менее, авторы справедливо указывают на то, что стратегия выражения более абстрактных понятий (например, временных) через более конкретные (например, пространственные) является скорее универсальной, поэтому мы вправе ожидать, что проявления данной стратегии будут обнаружены и в языках, пока еще не документированных в "Лексиконе". Далее, некоторым упрощением является представление всех случаев грамматикализации в строгом формате "от источника (source) к результату (target)", как если бы источник и результат всегда были бы четко противопоставлены друг другу. В действительности, грамматикализация является процесом "цепочечного" (chainlike) типа, так что любое развитие проходит через ряд промежуточных стадий и имеет континуальный, а не дискретный, характер (в силу чего границу между различными стадиями провести не всегда легко). Имеется и более общая проблема того, когда можно с уверенностью говорить, что грамматикализация (в данном конкретном случае) уже произошла – здесь следует руководствоваться целым набором различных параметров, хотя, как правило, далеко не всю необходимую информацию можно обнаружить в существующих грамматических описаниях. Наконец, в процесс грамматикализации в качестве источников зачастую бывают вовлечены не просто лексемы, а целые конструкции (ср. англ. форму *is going to do* 'собирается сделать', где имеется лексема 'идти' в определенной грамматической форме – прогрессиве настоящего времени, с целевым (инфинитивным) показателем *to* 'чтобы'), так что упоминание в названии перехода одной только лекемы (например, только глагола *go*) также является существенным упрощением. Впрочем, указанные недостатки в ряде случаев удается устранить, помещая более подробную информацию в комментариях к переходам.

Второй вводный раздел "Грамматические понятия, используемые в работе" (с. 15–26) включает в себя алфавитный список из 170 терминологических ярлыков, которыми авторы пользуются для характеристики грамматических значений. Термины сопровождаются краткими пояснениями (не являющимися строгими определениями), а также указанием на иерархически вышестоящую категорию – например, ABLATIVE (spatial, case), BENEFACTIVE (case), HABITUAL (aspect), EPISTEMIC (modality) и пр[2]. Наряду с терминами, вполне очевидными и широко используемыми в русскоязычных работах (такими, как "прохибитив", "результатив", "диминутив", "реципрок" и т.п.. ср. также перечисленные выше), в списке фигурируют и термины, введенные самими авторами (в предшествующих работах). Так, например, ярлык AVERTIVE ("авертив") – 'показатель, указывающий на ситуацию, находившуюся на грани осуществления и так и не осуществившуюся', ср. *почти, чуть не* – восходит к посвященной данному значению статье [Kuteva 1998], а обозначения различных типов выражения посессивности – A-POSSESSIVE (атрибутивный посессив, ср. генитивное падежное маркирование или англ. предлог *of*), B-POSSESSIVE (предикативный посессив типа конструкции с *belong* 'принадлежать') и H-POSSESSIVE (предикативный посессив типа конструкции с *have* 'иметь') – подробно описываются в монографии [Heine 1997].

Можно заметить, что в списке "грамматических понятий" встречаются и такие, которые, на первый взгляд, лишь с натяжкой можно отнести к собственно "грамматическим" – ср., например, ALREADY 'уже', ALSO 'также', EVEN 'даже', EXCLAMATION (восклицательная частица), NEXT 'следующий', ONLY 'только', ONE 'один', TWO 'два' (чис-

[2] Аналогичный список грамматических терминов для глагольных категорий, на который ссылаются и авторы "Лексикона грамматикализации", ранее был представлен в приложении к книге [Bybee et al. 1994].

лительные), OTHER 'другой', SAME 'такой же', SOME 'около, приблизительно', SUCCEED 'суметь, удасться', TOGETHER 'вместе'. Это обстоятельство отмечают и сами авторы, которые указывают на то, что они не стремились провести строгой границы между "грамматическими" и "неграмматическими", или "лексическими", значениями, а причиной того, чтобы рассматривать значения типа ONLY или TOGETHER в ряду грамматических является тот факт, что они "обладают бóльшим числом грамматических и меньшим числом лексических свойств по сравнению с теми единицами, из которых они происходят диахронически" (с. 15).

Основная часть книги приходится на собственно "Лексикон от источника к результату" (с. 27–316), в котором обсуждается более 400 случаев "грамматического развития" (или, что то же самое, путей грамматикализации, хотя этот термин в данной книге не фигурирует). Входы упорядочены в алфавитном порядке, при этом в лексикон включены как многочисленные случаи перехода лексического источника в грамматический показатель (например, BELLY > IN, CHILD > DIMINUTIVE, COME TO > FUTURE, EAT > PASSIVE, GIVE > BENEFACTIVE, SAY > EVIDENTIAL, SIT > CONTINUOUS, THING > COMPLEMENTIZER, YESTERDAY > PAST и пр.), так и случаи развития от одного грамматического значения к другому (ср. ABLATIVE > AGENT, ALLATIVE > DATIVE, COMITATIVE > INSTRUMENT, CONDITIONAL > CONCESSIVE, FUTURE > EPISTEMIC MODALITY, LOCATIVE > A-POSSESSIVE, PERFECT > PAST, H-POSSESSIVE > OBLIGATION, REFLEXIVE > PASSIVE и т.п.). Для каждого перехода приводится по нескольку примеров из различных (по возможности, далеких генетически) языков; сентенциальные примеры, при этом, почти всегда даются со строкой морфемного разбора. Особо удачным кажется то, что во многих случаях переход иллюстрируется примерами использования конкретно-языковой формы как в исходном, так и в грамматикализованном употреблении. После языковых примеров следуют краткие комментарии – как правило, о когнитивной природе данного перехода, степени его распространенности и изученности (с библиографическими ссылками), а также даются отсылки к концептуально близким переходам.

Использование справочника облегчается благодаря наличию приложений. В первом из них (с. 317–326) все рассматриваемые в книге пути приводятся в виде алфавитного списка в формате "источник > результат" (т.е. так, как выглядят заголовки входов в основной части "Лексикона"). Во втором приложении (с. 327–336) пути перечислены, также по алфавиту, уже от результата к источнику (таким образом можно получить, например, сведения о том, из каких источников возможно происхождение данного грамматического показателя). В целом оказывается, что в процессы "грамматического развития", описанные в книге, вовлечено 182 возможных источника (как первичных, т.е. лексических, так и вторичных, т.е. уже грамматических) и 144 результата грамматикализации. Среди значений, которые могут являться источниками наибольшего числа грамматических значений – LOCATIVE (источник в 11 путях грамматикализации), COMITATIVE (10), GET, ONE (по 9), DEMONSTRATIVE, SAY (по 8), ABLATIVE, ALLATIVE, TAKE, GO (по 7 путей, плюс три пути с источником GO TO). Самое же большое число возможных источников – у таких итоговых грамматических значений, как CONTINUOUS (13), FUTURE (12), CAUSE, PASSIVE (по 9), COMPARATIVE, COMPLEMENTIZER, HABITUAL, PURPOSE (по 8).

Наконец, в третьем приложении (с. 337–349) приводится алфавитный список упоминаемых в работе языков (их, напомним, порядка 500) с указанием их генетической принадлежности. (К сожалению, в списке языков отсутствует указание на страницы, поэтому читатель "Лексикона" не может сразу узнать, какие случаи грамматикализации описываются в книге для какого-либо конкретного языка.) Книгу завершает обширная библиография (на 36 страницах), в которую, помимо всех упоминаемых в тексте источников, входят также некоторые не упомянутые, но также релевантные для исследуемой темы публикации.

"Лексикон грамматикализации", составленный Б. Хайне и Т. Кутевой, является, бесспорно, чрезвычайно важным и полезным справочником, потребность в котором ощущалась уже давно. Работа над ним, однако, может и должна быть продолжена, поскольку, как отмечают и сами авторы, на сегодняшний день учтенные в книге процессы представляют собой "лишь верхушку айсберга по сравнению с тем, что могут обнаружить будущие поколения исследователей" (с. 13). Действительно, при том, что в текущей версии справочника описано несколько сотен переходов, в том числе весьма редкие и специфические (как, например, ALONE > ONLY, BEAT > PRO-VERB, BOWELS > IN (spatial), BRANCH > CLASSIFIER, EAR > LOCATIVE, FIELD > OUT, FOOTPRINT > BEHIND, MAN > > EXCLAMATION, SEE > PASSIVE), можно

все же указать на некоторые распространенные пути грамматикализации, которые отсутствуют в "Лексиконе". Таковы, например, переходы РЕЗУЛЬТАТИВ > ПЕРФЕКТ (широко обсуждавшийся в литературе по аспектологии) и РЕЗУЛЬТАТИВ > прошедшее время косвенной засвидетельствованности, СМОТРЕТЬ > КОНАТИВ ('пытаться сделать'; например, в тюркских или дравидийских языках), ИДТИ или ПРИХОДИТЬ (с причастием прошедшего времени) > пассивная конструкция (например, в индо-иранских языках, а также в итальянском), ПОДНИМАТЬСЯ > ИНХОАТИВ ('начать делать'; например, в ряде языков Юго-Восточной Азии)[3], ГОВОРИТЬ > показатель порядковых числительных (например, в ряде нахско-дагестанских языков) и др.

Некоторые усовершенствования желательны и в схеме описания переходов. Так, хотя авторы принимают ту точку зрения, что грамматикализации подвергаются, как правило, не лексемы как таковые, а "более сложные концептуальные сущности, такие как словосочетания, целые пропозиции или даже более сложные конструкции" (с. 6), далеко не всегда в описании перехода фиксируются все необходимые параметры исходных конструкций. Например, в случае грамматикализации аналитической глагольной конструкции важно знать, в какой именно форме должен находиться смысловой глагол (например, причастие или деепричастие, часто с определенным аспектуальным маркированием), а также имеются ли ограничения на грамматическую форму вспомогательного глагола (т.е. собственно грамматикализуемой единицы типа 'идти', 'брать', 'хотеть' и т.п.; ср. пример с англ. *is going to* выше).

Не останавливаясь подробно на обсуждении авторских трактовок многочисленных конкретно-языковых явлений, позволим себе прокомментировать некоторые примеры из русского языка, которые представляются не вполне удачными. Так, на с. 94 при обсуждении перехода COPULA > AVERTIVE ("связка > авертив", об этом термине см. выше) в качестве одной из иллюстраций приводится конструкция с русской частицей *было*, а также пример ее употребления *Машина было поехала, но...*, переведенный как *'The car nearly started out...'* / *'The car was just about to start but...'* Такую трактовку русского *было* Т. Кутевой (пример взят из ее работы [Kuteva 1998]) нельзя признать верной – в действительности, конструкция с этой частицей указывает на то, что ситуация начала иметь место, но вскоре прекратилась, либо на то, что достигнутый результат ситуации был впоследствии отменен (ср. *Я закрыл было окно, но оно тут же распахнулось*). Значения "прерванной попытки" или "отмененного результата" можно относить к тому же семейству "антирезультативных" значений, что и "авертив" (ср. обсуждение в [Плунгян 2001]), однако в любом случае собственно авертивного значения 'чуть было не' простая конструкция с *было* выражать не может.

Вряд ли можно также согласиться с утверждением (сделанным в сноске на с. 171 со ссылкой на анонимного рецензента книги) о том, что русское слово *сердце*, производное от корня *серед-* 'середина', является примером развития значения в обратном направлении по сравнению с разбираемым в книге путем грамматикализации HEART (body part) > IN (spatial). Во-первых, если и имело место указанное развитие 'середина' > 'сердце', его следовало бы рассматривать не на уровне современного русского языка, а едва ли не на общеиндоевропейском уровне, поскольку этимологически русск. *серд-ц-е* соответствует англ. *heart* или лат. *cor, cord-is* с тем же праязыковым корнем (т.е. возникновение значения 'сердце' из 'середины' могло иметь место не позже, чем в праиндоевропейском). Во-вторых, что более важно, даже если слово со значением 'сердце' и является производным от существительного 'середина', это развитие не представляет собой контрпримера к однонаправленному переходу 'сердце' (часть тела) > 'внутри' (локативный показатель), поскольку исходное существительное 'середина' грамматическим "локативным показателем" не является[4]. Приведенный пример показывает другое – а именно, возможность неоднонаправленного развития л е к с и ч е с к и х значений: здесь, действительно, возможен как переход 'середина' > 'сердце' (если принять, что такое развитие имело место в праиндоевропейском), т.е. сердце получает свое название по месту расположения в теле, так и переход 'сердце' > 'середина' (ср. русск. слово *сердцевина* или англ. *heart of a cabbage* 'капустная кочерыжка', а также выражения типа *in the heart of the city* 'в самом

[3] Подробнее о возможных путях грамматикализации глаголов движения и позиции см. [Майсак 2000; 2002].

[4] С контрпримером мы бы имели дело в том случае, если бы, скажем, предлог со значением 'внутри' превратился бы в самостоятельную лексему со значением 'сердце'; такого рода развитие, однако, нигде не отмечено.

сердце города'), т.е., напротив, расположение в центре чего-либо описывается через расположение сердца человека. В целом, отсутствие свойства однонаправленности развития является известной особенностью лексических значений (в противоположность грамматическим). Приведенные же выше семантические переходы описываются общей схемой 'середина' (лекс.) ↔ 'сердце' (лекс.) → 'внутри' (грамм.).

Можно также указать на некоторые неточности в генетическом указателе языков: так, айнский язык на с. 337 причислен к корейско-японской группе алтайской семьи (хотя обычно он считается изолированным), а кетский на с. 342, напротив, обозначен как изолят (хотя является на самом деле единственным живым представителем енисейской языковой семьи). Не указан и источник информации о генетической принадлежности языков – скорее всего, это упомянутый в библиографии популярный справочник [Ruhlen 1987], хотя на сегодняшний день более современными и полными являются издания [Grimes 2000] и [Dalby 2000].

Несмотря на указанные замечания, "Всемирный лексикон грамматикализации" Б. Хайне и Т. Кутевой представляет собой, бесспорно, выдающуюся публикацию в рамках "теории грамматикализации". Это уникальный на сегодняшний день по объему привлекаемого материала справочник, подводящий своеобразный итог 20-летнему периоду интенсивных исследований в области процессов диахронического развития грамматики. Дальнейшую работу над новыми расширенными изданиями "Лексикона" можно только приветствовать.

В заключение отметим, что "Лексикон грамматикализации" будет интересен самому широкому кругу лингвистов, интересующихся проблемами языковых изменений. Эта книга может стать настольной для исследователей в области семантики, типологии и компаративистики; кроме того, представителям смежных с лингвистикой наук – антропологам, социологам, психологам – знакомство с данной книгой также будет полезно, поскольку оно поможет, пользуясь словами авторов, "обнаружить, что тот тип человеческого поведения, который ответствен за развитие грамматических форм, не так уж сильно отличается от типа поведения, с которым они сталкиваются в их областях знаний" (с. 1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зализняк А. 2001 – *Анна А. Зализняк.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект "Каталога семантических переходов" // ВЯ. 2001. № 2.

Майсак 2000 – *Т.А. Майсак.* Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // ВЯ. 2000. № 1.

Майсак 2002 – *Т.А. Майсак.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Плунгян 1998 – *В.А. Плунгян.* Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях: обзор // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.

Плунгян 2001 – *В.А. Плунгян.* Антирезультатив: до и после результата // Плунгян В.А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001.

Bybee et al. 1994 – *J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca.* The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.

Dalby 2000 – *D. Dalby.* The Linguasphere register of the world's languages and speech communities. V. 2. Hebron, 2000.

Grimes 2000 – *B. Grimes* (ed.). Ethnologue: languages of the world. 14th edition. Dallas, 2000. (См. также электронную версию www.ethnologue.com).

Heine 1997 – *B. Heine.* Possession: sources, forces and grammaticalization. Cambridge, 1997.

Heine et al. 1991 – *B. Heine, U. Claudi, F. Hünnemeyer.* Grammaticalization: a conceptual framework. Chicago, 1991.

Heine et al. 1993 – *B. Heine, T. Güldemann, Ch. Kilian-Hatz, D. Lessau, H. Roberg, M. Schladt, T. Stolz.* Conceptual Shift: A lexicon of grammaticalization processes in African languages. 1993.

Heine, Reh 1984 – *B. Heine, M. Reh.* Grammaticalization and reanalysis in African languages. Hamburg, 1984.

Hopper, Traugott 1993 – *P. Hopper, E.C. Traugott.* Grammaticalization. Cambridge, 1993.

Kuteva 1998 – *T. Kuteva.* On identifying an evasive gram: action narrowly averted // SL. 1998. № 1.

Kuteva 2001 – *T. Kuteva.* Auxiliation: an enquiry into the nature of grammaticalization. Oxford, 2001.

Lehmann 1982 – *Ch. Lehmann.* Thoughts on grammaticalization: a programmatic sketch. Köln, 1982.

Lessau 1994 – *D. Lessau.* A dictionary of grammaticalization. Bochum, 1994.

Ruhlen 1987 – *M. Ruhlen.* A guide to the world's languages. V. 1: Classification. Stanford, 1987.

Т.А. Майсак

Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания. Антология / Сост. В.Н. Базылев, В.П. Нерознак. М.: Academia, 2001. 576 с.

Мы довольно плохо знаем наше недавнее прошлое. Если начать вспоминать, что происходило до войны и сразу после нее, то одни будут говорить об индустриализации, коллективизации, трудовом подъеме, другие же – о массовых репрессиях и голоде. Все это было. Но для того, чтобы знать свою историю по-настоящему, человек должен ясно представлять себе ушедшее время во всех его проявлениях, во всех областях жизни. История науки – важнейшая отрасль знания: наука предстает не как набор непреложных истин, а как борьба за их установление, – тяжелая, далеко не всегда ведущаяся джентльменскими методами. Широко известна трагическая история советской биологической науки: борьба Лысенко и присных с генетиками, арест и гибель всех противников учения, признанного единственно верным с высокой трибуны. Значительно хуже известна история отечественного языкознания. Правда, появившиеся за последние 15 лет книги В.Г. Ларцева (1988) о Поливанове, В.М. Алпатова (1991) и М.В. Горбаневского (1991) о Марре, В.М. Алпатова и Ф.Д. Ашнина (1994) о "деле славистов" отчасти ликвидируют этот пробел. Но в них нет еще цельной картины отечественного языкознания XX века.

Для того, чтобы такая работа могла, наконец, появиться, необходимо собрать достаточное количество источников из малодоступных изданий и архивов, сделать их доступными для исследователей. Этой цели и служит рецензируемая хрестоматия. Весь материал в ней разбит по главам: "Перед заходом солнца" (лингвистические работы конца 20-х гг.), «На "языковедном фронте"» (статьи участников сборника "Языкфронт"), "Против буржуазной контрабанды в языкознании" (отдельные работы из одноименного сборника, громящего "языкфронтовцев"), "Яфетические зори" (Марр и его безусловные последователи), "Марксизм и вопросы языкознания" (дискуссия 1950 г., завершенная одноименной брошюрой Сталина), "Как это было: воспоминания". Такое разделение, безусловно, внутренне строго логично: 20-е гг. – это поиски новых путей в лингвистике, попытки вырваться из старых парадигм младограмматиков и школьных грамматик. Среди попыток построить новое языкознание особую роль сыграла так называемая "яфетическая теория", созданная Н.Я. Марром Марр критиковал индоевропейскую лингвистику еще до Октябрьского переворота, затем же объявил, что его теория есть подлинно марксистское языкознание и стал громить традиционную лингвистику как "буржуазную расистскую индоевропеистику". Начав с утверждения о родстве иберийско-кавказских ("яфетических") языков с семито-хамитскими, Марр дошел и до пресловутого "четырехэлементного анализа". Молодые языковеды (Т.П. Ломтев, Г.К. Данилов, М. Гус, Э.К. Дрейзен), которых отталкивали крайности марровского учения, объединились в группу "Языкфронт" и стали критиковать как традиционную компаративистику, так и марровское "новое учение о языке". Марристы ответили на это обвинением в "буржуазной пропаганде" и одержали победу. "Языкфронт" был разгромлен, некоторые его члены были репрессированы (впрочем, как и некоторые марристы: сталинский каток проехался и по победителям, и по побежденным). Следующий важный этап отечественного языкознания – дискуссия 1950 г и последовавшая за ней реабилитация сравнительно-исторического языкознания; после этого отечественное языкознание эволюционировало без особых потрясений. Воспоминания же современников об этих эпохах уточняют общую картину, делают ее объемной. Тому же служит и прилагаемая к первым четырем разделам "Хроника научной жизни".

Как же оценивают историю советского языкознания сами составители? В.Н. Базылев и В.П. Нерознак прокомментировали название своей антологии следующим образом: сумерки, согласно Далю и Евгеньевой, – это время как перед наступлением ночи, так и перед рассветом. "Тем самым название нашей книги должно удовлетворить как оптимистов (сумерки – это полусвет), так и пессимистов (сумерки – это полумрак)" (с. 3). Справедливо, но все-таки у слова "сумерки" в русской, да и не только в русской традиции есть вполне определенная оценочная компонента. Сумеречное состояние души – вовсе не предрассветное; последняя часть вагнеровской тетралогии – "Götterdämmerung" – это именно "Сумерки богов", преддверие их гибели (хотя немецкое Dämmerung может переводиться и как "сумерки", и как "рассвет"). Таким образом, название книги настраивает читателя скорее на пессимистический лад. Но жизнь – не смена дня и ночи. И за сумерками может внезапно забрезжить свет.

Составители справедливо предостерегают от однобоких оценок периода 1918–1957 гг. в языкознании. Наука развивается в силу традиций, и любое новаторство может существовать лишь в рамках традиции. Традиции лингвистов 20–40-х гг., безусловно, определяют многое в нынешней науке, достаточно

вспомнить хотя бы фонологию. Зародившись в конце XIX в., она бурно развивалась именно в 20–30-е гг., когда ей приходилось давать ответы на насущный вопрос: как создавать письменность для бесписьменных ранее языков и языков, пользовавшихся несовершенной графикой. По мнению авторов, существовали три устойчивые традиции отношения к указанному периоду: конформистски-националистический (после появления работ Сталина), конформистски-монистический в 50–70-е гг., плюралистически-пессимистический в 80–90 гг., с преобладанием мрачных оценок. Нижняя временна́я планка данного периода – 1918 г. – бесспорна: первый год после революции. Что же касается верхней, то она более условна; В.Н. Базылев и В.П. Нерознак связывают ее с окончанием "сталинского" периода, обращением отечественных языковедов к достижениям зарубежной науки.

По мнению составителей, в рассматриваемый период существовали следующие парадигмы.

Во-первых, сложившиеся еще до революции Московская, созданная Ф.Ф. Фортунатовым, и Петербургская (ставшая Ленинградской), созданная И.А. Бодуэном де Куртенэ, лингвистические школы. Несмотря на отъезд из России ряда выдающихся ученых, обе школы развивались весьма успешно, особенно Московская. На наш взгляд, следовало бы подчеркнуть, что вплоть до начала 30-х гг. уехавшие из России ученые поддерживали связь с соотечественниками; находясь в различных странах, они достойно развивали традиции своих учителей. Р.О. Якобсон и Н.С. Трубецкой создали Пражскую фонологическую школу, которую В.К. Журавлев остроумно назвал "позиционным вариантом" Московской. Сложнее была судьба Ленинградской школы. Академик Л.В. Щерба во многих вопросах отошел от традиций Бодуэна. Более близкий к этим традициям Е.Д. Поливанов был репрессирован; бóльшая часть его публикаций увидела свет после 1957 г., а многие работы погибли. Заметим, что труды Поливанова по фонологии, опубликованные при его жизни в СССР и за рубежом, сыграли немаловажную роль в становлении Пражской школы: сформулированные в них понятия о дивергенции и конвергенции фонем были обобщены затем в "Принципах исторической фонологии" Якобсона. В.В. Виноградов, близкий по взглядам к Л.В. Щербе, создал в Москве свою школу, по преимуществу занимавшуюся лексикографией и лексикологией, конкурировавшую с Московской.

Во-вторых, это представители "нового учения о языке", и прежде всего Н.Я. Марр. Деятельность этих языковедов характеризовалась резким разрывом с традицией, яростной критикой индоевропейского (шире – сравнительно-исторического) языкознания как "реакционной буржуазной лингвистики", жонглированием марксистскими терминами. Сам Марр утверждал, что языки не возникают из праязыка, а должны слиться в будущем в единый язык коммунистического человечества. Основные положения школы Марра – единство глоттогонического процесса, соответствие языка общественно-экономической формации и происхождение всех слов в любом языке мира из четырех элементов – *sal, ber, roš, ion*.

В-третьих, это те парадигмы, которые составители называют маргинальными: феноменология языка (Г.Г. Шпет), лингвистическое направление, тесно связанное с философией имяславия (П.А. Флоренский, С.Л. Франк, В.Ф. Эрнст, Л.П. Карсавин, А.Ф. Лосев). Авторы предисловия оценивают их достаточно высоко. В работах Шпета [1931; 1996] намечены те проблемы, которые затем рассматривались философскими школами герменевтики: природа слова, слово с точки зрения его внутренней структуры и внешних связей, проблема понимания слова (см. [Рикёр 1994]). Что же касается "имяславной" парадигмы, то в ней предпринята попытка связать слово с первоосновами бытия, выявить в нем черты Абсолютного. Все это справедливо, но важно подчеркнуть, что западная школа феноменологии и герменевтики, питаясь из того источника, что и лингвофилософия Шпета (в философии – теория Э. Гуссерля, в лингвистике – учение В. фон Гумбольдта), развивалась независимо от Шпета. Следовательно, при всех заслугах этого замечательного философа, ему нельзя приписать очень большого влияния на отечественную философию и лингвистику[1]. Что же касается лингвистической философии Лосева, то она отличается цельностью и продуманностью. Но автор прекратил ее разработку в том виде, в каком она представлена в книге 1927 г. Это объясняется тем, что А.Ф. Лосев был истово

[1] Влияние на развитие советского языкознания скорее оказал Густав Густавович Шпет как личность, один из руководителей Московского лингвистического кружка, мудрый и неутомимый наставник лингвистической молодежи, обучавший ее основам научной методологии. Ср. характерное замечание из дневника А.А. Реформатского: "Опять же мысли текут к Декарту, до чего же сей муж был умен!.. Спасибо Шпету и Асмусу, научившим меня любить Декарта" [Реформатский 1987: 262].

православным человеком, а православная церковь признала имяславие ересью. И лишь в 60–70-е гг. XX в. вновь вернулся к проблематике своей старой книги (см. [Лосев 1968; 1982; 1983; 1989]), выступая, однако, не как философ языка, а скорее как методолог языкознания. Таким образом, приходится утверждать, что философско-религиозная парадигма отечественного языкознания была не только маргинальной, но и незавершенной. Кроме того, не следует забывать, что "Философия имени" Лосева – это труд именно философский, а не лингвистический (в отличие от его цитированных работ), хотя и содержащий много интересных наблюдений и над основными лингвистическими понятиями.

Еще одна маргинальная парадигма – лингвистический "авангард" (В. Хлебников, А. Кручёных, А. Туфанов, И. Терентьев). Главная идея этих лингвистов-футуристов состоит в том, что значение и звучание слова по сути тождественны. Мысль не новая и вполне еретическая с точки зрения традиционной лингвистики; ее отстаивал Бальмонт в своей известной статье "Поэзия как волшебство". Однако толкования Бальмонта выглядят еще более надуманно, чем у футуристов, так как, в отличие от них, он старался приписать значения изолированным звукам. В отличие от него, футуристы обращались к потокам звуков. Поэтому, при всей ошибочности их основных выводов, они сделали интересные наблюдения над стиховой фоникой. Не следует забывать, что Р.О. Якобсон начинал свою деятельность именно как поэт-футурист. Эта школа сыграла большую роль в становлении его как стиховеда и фонетиста. Но большинство футуристов осталось на донаучной стадии постижения языка. И здесь В.П. Нерознак и В.Н. Базылев сделали очень тонкое и глубокое замечание о схождениях этой маргинальной парадигмы с доминирующей марровской. Их объединяет попытка отыскать некоторые общие законы человеческой речи, дробление языка на "первоатомы" и пренебрежение к научным методам. И футуристы, и марристы заменяли анализ материала вдохновением[2]. К этому можно добавить удивительное сходство стиля некоторых сочинений И.Г. Терентьева и Н.Я. Марра. В самом деле, сравним высказывания: "Кто может сомневаться, что нелепость, чепуха, голое чудо, последствия творчества!" (И.Г. Терентьев, с. 21[3]) «Я не буду настаивать на том, что "узрюли[4]" означает – "ноздри льва", может быть, это "глазища".., но произносительный пафос этого слова, одинаковый почти у всех чтецов, доказывает основную правильность догадки: торжественный зверь смотрит, раздувая ноздри» (он же, с. 23); и: "Кому Милосская Венера, да Владимир Красно Солнышко, а кому богиня Мотыга (? – *К.К.*) или, что то же, богиня Рука, да Свинья Красно Солнышко" (Н.Я. Марр, с. 220); «А впрочем, кто установил, что в такой же мере не общи по происхождению именно у украинского (да пусть и у русского) языка с грузинским, мегрельским, чанским, сванским и т. д. сами слова и из примеров, приведенных выше по тому же звуковому явлению, так, например, основа грузинского глагола ფიც, народн. ფიტ "клясться"?» (он же, с. 228).

Как видим, и для не имевшего научных рангов И.Г. Терентьева, и для вице-президента АН СССР Н.Я. Марра характерны: слабая согласованность слов в предложении, стремление нагромоздить как можно больше однородных членов предложения, подмена доказательств риторическими сомнениями. Представляется, что все это – последствие одержимости сверхценной идеей, которая для ее носителя так ярка и несомненна, что требует не аргументов в свою пользу, а лишь манифестации. Общим является и стремление выявить новые слова путем всевозможных комбинаций из старых. Для Марра это упомянутые выше "первослова" (греч. Ὀλβία, этимологически "счастье" и лат. *Alba* "белая", как и имя грузинского городка *Orbel* – сочетание *sal* + *ber*), а для Терентьева – слова русского языка, произвольно им вычленяемые: так, в "Евгении Онегине" (I, XI) он находит "заумное" *мокужон* (мог уж он).

И здесь мы переходим к чрезвычайно важному вопросу: есть ли за этими фантастическими построениями хоть какая-нибудь ценность? Составители собрали большой материал, свидетельствующий о том, что тео-

[2] Это утверждение справедливо по отношению к футуристам, чьи работы представлены в антологии, и чьи имена упомянуты в "Предисловии". Однако среди участников группы ЛЕФ были и серьезные филологи. Так, монографическая статья О.М. Брика "Ритм и синтаксис" написана вполне в традиционном духе; она является вкладом и в лингвистику, и в теоретическую поэтику.

[3] Указываются страницы рецензируемого издания.

[4] Имеется в виду "слово", которое Кручёных, Терентьев и его единомышленники выловили у Пушкина: "Узрю ли русской Терпсихоры // Душой исполненный полет?" ("Евгений Онегин", 1, XIX).

рия Марра, при всей ее иррациональности (точнее сказать – абсурдности) не полностью отвергнута современной наукой.

Так, Т.В. Гамкрелидзе [1988] отмечал, что "четырехэлементный анализ" Марра напоминает генетический код: ДНК, управляющая генетическим кодом любого организма, является комбинацией из четырех молекул, так называемых нуклеотидов; аминокислота белка соответствует "триплету" (сочетанию трех из четырех нуклеотид), ср. трехфонемность "первоэлементов" Марра. По мнению Т.В. Гамкрелидзе, мы имеем здесь дело с интуицией ученого, приблизившегося к истине вненаучным путем. Подобная же интуиция руководила древнегреческими философами, видевшими мир как сочетание четырех "первоэлементов", создателями китайской книги "И Цзинь" с их четырьмя комбинациями мужского начала *ян* и женского *инь*. Марр сравнивается с древними натурфилософами.

П. Серио подчеркивает, что критическое отношение к индоевропейской лингвистике было свойственно не только школе Марра. Н.С. Трубецкой и (в меньшей степени) Р.О. Якобсон в 20-е гг. сосредоточили свои усилия на изучении языковых контактов. Первый выдвинул понятие "аллогенетического родства" и рассматривал праязык скорее как набор ареально-типологических характеристик, свойственных для всех языков, входящий в данную семью[5].

В.М. Жирмунский [1976: 8–9] указывал на то, что у Марра есть отдельные ценные идеи: отказ от "евроцентризма" (под этим термином автор, по-видимому, подразумевает попытки строить грамматику разноструктурных языков только по образцу европейских), типологическое сравнение языков вне зависимости от их происхождения, "стадиально-типологическую точку зрения на развитие языка", семантический подход к явлениям грамматики. Г.А. Климов также отмечает заслуги школы Марра в становлении контенсивной типологии [Климов 1981: 107].

Вяч.Вс. Иванов [1976] и Ю.С. Степанов [1998] видят в Марре предшественника некоторых направлений семиотики. Так, по мнению Ю.С. Степанова, Марру принадлежит открытие закона "функционального переноса": новый артефакт обозначается именно тем значком, которым маркировался старый, равный по функции артефакт: так, франц. *chauffeur*, дословно "истопник, кочегар" (в том числе при паровом двигателе) стало обозначать водителя автомобиля с двигателем внутреннего сгорания [Степанов 1998: 85]. А Вяч.Вс. Иванов ставит Марру в заслугу то, что он указал на важность порядка слов для типологии и установил бóльшую древность оборота 'у него есть' по сравнению с 'он имеет' [Иванов 1976: 56].

Все эти аргументы стóят того, чтобы остановиться на них подробнее. Сравнение марровской модели языка с генетическим кодом, как представляется, довольно малоинструктивно, так как само по себе количество "первоэлементов" ничего не говорит об их семантике, синтактике и прагматике. Вообще, сходство языкового и генетического кода было, по-видимому, преувеличено Р.О. Якобсоном [Jakobson 1974; Якобсон 1985], который стремился найти как можно более широкие связи лингвистики с другими науками. Выдающийся же биолог Ф. Жакоб [1992] гораздо более сдержанно оценивал параллелизм ДНК и языка, отмечая его элементарный и внешний характер.

О близости же Якобсона и Трубецкого к марризму, конечно, не приходится говорить всерьез, и П. Серио в цитированных работах отмечает лишь некоторый параллелизм. Якобсон вообще никогда не отвергал традиционной компаративистики, а лишь старался дополнить ее данными типологии и ареальных исследований; в его широко известном докладе на конгрессе лингвистов в Осло содержались дополнения к традиционной методике, но не ее пересмотр [Якобсон 1963]. Недаром же он явился автором предисловия к своду сравнительного языкознания Гамкрелидзе–Иванова [Якобсон 1984]. Трубецкой же, предложив свою модель праязыка как типологического образования, на практике (в исследованиях северокавказских и старославянского языка) выступал как традиционный компаративист. В.К. Журавлев полагает, что его "Книгой жизни" явилась так и не написанная им грамматика праславянского языка [Журавлев 1991]. Этот идиом Трубецкой рассматривал как язык в пространстве и времени. Следовательно, его изыскания по индоевропеистике явились пересмотром конкретных результатов, полученных языковым сравнением, но не методологии в целом.

Контенсивная типология и семантический подход к грамматике связаны с именем не столько Марра, сколько его ученика И.И. Мещанинова. В работах самого Марра гораздо больше "палеонтологии речи", чем сравнительного анализа грамматических систем.

---

[5] Составители ссылаются на статью [Серио 1995]. Но взгляды швейцарского лингвиста гораздо полнее изложены в его книге [Sériot 1996], в настоящее время изданной и по-русски [Серио 2001].

И.И. Мещанинов в начале своей научной деятельности придерживался идей стадиальной типологии (полагая, что каждый язык должен пройти определенные типологические стадии в своем развитии), но после 1945 г. фактически от этого отказался. Его позднейшие работы – это синхронно-типологические исследования, не претендующие на установление этапов языковой эволюции. Надо учесть также, что И.И. Мещанинов вдохновлялся в своих контенсивных исследованиях отнюдь не только Марром. Его теория частей речи в конечном итоге восходит к А.А. Шахматову, а представление о "понятийных категориях" – к О. Есперсену.

Закон функционального переноса открыт вовсе не Марром; о нем писал один из основателей сравнительно-исторической семантики М.М. Покровский [1959]. У Марра есть интересные наблюдения над отдельными случаями переноса, причем не только языкового, но это еще не собственная теория. Типология же порядка слов рассматривалась еще классиками младограмматизма. Так, Я. Вакернагель в своей классической работе показал, что тяготение глагола к позиции после субъекта характерно для утвердительных предложений [Wackernagel 1892: 98]. К. Бругман классифицировал предложения в зависимости от порядка слов так: повествование – начальная позиция глагола (из примеров Бругмана следует, что таковы только предложения зачина), повеление – также, описание и суждение – конечная позиция. При утверждении возможна и срединная позиция глагола [Brugmann 1922: 683–684]. Несколько иначе рассматривался порядок слов в трудах Дж. Гринберга. По его мнению, положение глагола в предложении имплицирует и иные типологические черты: языки с порядком OV характеризуются препозицией определения и неразвитостью гипотаксиса, тогда как при VO определение ставится после определяемого, а система относительных предложений получает развитие [Гринберг 1968]. Выводы эти были сделаны без опоры на работы Марра, в которых нет и намека на нечто подобное. См. [Lehmann 1974] – применение импликаций Гринберга к индоевропейскому материалу.

Наконец, некоторые представители смежных наук считают, что Марр внес свой вклад в изучение первобытного общества, древнего сознания и т. д., сравнивая его с выдающимися учеными Л. Леви-Брюлем и Дж. Фрэзером. Действительно, Марр много занимался этим вопросом, и в его работах есть идеи верные и есть новые. Но верные положения заимствованы из работ того же Леви-Брюля[6] и Э. Тейлора, а новые – о классах в первобытном обществе, о языке как трудмагической (?) деятельности, – трудно назвать обоснованными.

Итак, в "сухом остатке" построений Марра по сути ничего не остается. Если не считать ранних работ по армяно-грузинской филологии и грамматике некоторых кавказских языков, ничем он не обогатил науку. Почему же ряд авторитетных лингвистов ищет в его трудах открытия? Думается, что это – скорее психологический феномен, чем научный. Классическое сравнительно-историческое языкознание есть порождение вполне определенной общенаучной парадигмы XVIII–XIX вв. с ее рационализмом, стремлением к наиболее полному и беспристрастному описанию отдельных объектов в их эволюционном развитии, к нахождению причин эволюции. Особенность же человеческой психики такова, что она не может удовлетвориться только рациональными и каузальными построениями, она тяготеет к иррациональности и телеологии. Нелишне вспомнить, что в XX веке подвергалась критике и детерминистская теория естественного отбора [Берг 1923; Любищев 1982], и физические модели Вселенной (поиск "торсионных полей", следов акта творения мира; [Петухов 1999][7]). В этой парадигме, представляющей собой реакцию на рационализм предшествующей, марризм и явился своего рода дополнением к традиционной лингвистике. Его устремленность к магии и магические методы исследования, очевидно, представляют определенную привлекательность для неудовлетворенных теми ограничениями, которые строгая наука накладывает на свой объект. Универсализм Марра, его претензии на решение всех проблем, связанных с происхождением и эволюцией языков мира, соотношением языка и мышления, языка и общества, тоже доставляет ему сторонни-

[6] Справедливости ради заметим, что разделяемая Марром идея Леви-Брюля об особом дологическом этапе человеческого мышления едва ли верна. Мышление – процесс очень многомерный; первобытному и современному человеку в равной степени свойственны и логическое и внелогическое мышление, проявляющееся в разных ситуациях.

[7] Мы отнюдь не ставим равенства между выдающимися трудами Л.С. Берга и А.А. Любищева и популярной, довольно фантастической книгой В.Н. Петухова, не говоря уже о измышлениях Марра. Общим у всех этих сочинений является недоверие к рационализму и детерминизму.

ков среди ученых, пытающихся решить глобальные лингвистические и философские проблемы (а большинство выше процитированных лингвистов и философов именно таковы). Автор одной из лучших отечественных книг о Марре В.М. Алпатов назвал ее с удивительной точностью: "Марр: История одного мифа" (М., 1991). Марризм – это миф со всеми чертами этого явления.

Но, конечно, марризмом советская лингвистика 20–50 гг. не ограничена. Ряд ученых не поддерживали марризм и выступали с позиций традиционной лингвистики. Это Г.А. Ильинский, Н.Н. Дурново, Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков и др. Но они в хрестоматии как раз не представлены. И это вовсе не недостаток. Составители с полным основанием объединяют под понятие "сумерок" именно те направления советской лингвистики, которые сознательно порывают с традицией, и перечисляют их общие черты: веру в появление грядущего всеобщего языка, осознание своего времени как периода великих перемен, установка на эпатаж[8], резкое неприятие буржуазной лингвистики, восторженное отношение к марксизму (И. Терентьев говорил, что перевел Маркса на заумный язык). Из этих черт, на наш взгляд, важнейшими являются две последние. Труды "Языкфронта" и Р.О. Шор (в том числе приводимая в "Хрестоматии" статья "Кризис современной лингвистики") написаны академическим стилем, не декларируя возникновения всеобщего коммунистического языка. Но в них содержится традиционный набор обвинений в адрес буржуазного языкознания, и прежде всего индоевропейского. Так, Р.О. Шор утверждала, что данные экспериментальной фонетики грозят затемнить основной предмет их исследований – фонему, а тщательное исследование диалектов, говоров и т. д. (с. 47–50). Решение же кризиса она видела по сути в возвращении к гумбольдтовской лингвистике (с. 66), не разъясняя, правда, как последняя может помочь в различении фонем и аллофонов. Т.П. Ломтев, обличая буржуазное языкознание, не удовлетворялся и яфетидологией, считая, что Марр и его последователи сделали только первый шаг в построении марксистской лингвистики. Самым суровым обвинением в адрес оппонента был упрек в незнании или искаженном понимании им идей Маркса-Энгельса-Ленина: «Итак, что такое язык по Марру? Язык – социальная надстройка и только... Специфика языка исследователем ни в какой мере не выясняется, хотя эта специфика и дана уже в выражении Маркса "язык есть практическое действительное сознание"» (Г.К. Данилов, представитель "Языкфронта", с. 95); «"Левый" загиб на ярком примере с "Языкфонтом" тесно переплетается с правой опасностью. По своей методологической "платформе" и политическим взглядам эта группа представляет собой право-левацкую эклектику, беспринципный "блок"» (Ф.П. Филин, с. 133). Главный аргумент, как видим, один и тот же: соответствие (вернее, несоответствие) оппонента догме. Разница же тона в текстах Г.К. Данилова и Ф.П. Филина объясняется разным отношением к оппоненту. Для Г.К. Данилова и его товарищей по "Языкфронту" марризм был необходимой, но уже пройденной попыткой построить подлинно марксистское языкознание. Следующий шаг должны были сделать именно они. Для правоверного же в то время марриста Ф.П. Филина и его единомышленников "языкфронтовцы" представлялись опасными конкурентами, с которыми нужно было поступить в духе эпохи (Г.К. Данилов был впоследствии расстрелян, а Т.П. Ломтев – вынужден уехать из Москвы). Вполне понятно, почему яфетидология практически исчезла после дискуссии 1950 г.: против нее высказался, так сказать, наместник Маркса на земле. Подчиняясь императиву Ipse dixit[9], марксисты-языковеды признали свои марровские ошибки не за страх, а за совесть. Впрочем, после разоблачения культа Сталина, в 70–80-е гг. некоторые марристы стали пытаться реабилитировать Марра и его учение. Направленная против таких поползновений книга Б.А. Серебренникова [1983] была изъята из продажи.

В целом, антология "Сумерки лингвистики" отличается удачным подбором материалов. Необъятного не обнять, и можно было бы пожалеть об отсутствии в ней многого: ряда программных статей футуристов-теоретиков (в том числе указанной в примечании 2 работы О.М. Брика), материалов "поливановской" дискуссии в Комакадемии 1929 г.

[8] Последнее есть характерная черта всякого модернизма (в том числе и постмодернизма). М.И. Шапир [1990] точно заметил, что авангард (он же модернизм) в искусстве создает не новую поэтику, а новую р и т о р и к у как систему воздействия на читателя. Одним из важнейших приемов этой риторики является именно эпатаж. К научному модернизму это приложимо в высшей степени.

[9] "Сам сказал": главный аргумент в философской школе пифагорейцев – ссылка на мнение самого Пифагора.

(опубликованы в [Поливанов 1991]) и сборника "За марксистское языкознание": в них содержится суровая оценка марровского "нового учения о языке" не с позиций "новейшего", а с точки зрения строгой науки. Кстати сказать, сборник "Против буржуазной контрабанды в языкознании" в значительной мере был направлен именно против Поливанова. В разделе "Как это было" перепечатаны из сб. "Восток–Запад" (М., 1988) воспоминания О.М. Фрейденберг о Марре, написанные вполне апологетически. Но в том же сборнике публикатор Н.В. Брагинская отмечает, что в архиве О.М. Фрейденберг содержатся значительно менее восторженные отзывы о Марре, отмечается его бóльший интерес не к науке, а к так называемой общественной деятельности. Идеальным было бы воспроизвести и этот материал в рецензируемой антологии; если нет такой возможности, следовало бы хотя бы упомянуть о нем.

Комментарий к антологии содержателен и интересен, но не исчерпывающ: так, следовало бы, очевидно, подробнее рассказать о РАНИОНе, часто упоминаемом в основной и справочной частях книги. Не все имена, упомянутые в тексте, отражены в комментарии. Так, естественным было бы упомянуть не только авторов публикуемых статей, но и тех, о ком они пишут: читатель остается в неведении относительно того, кто такие: Лукашевич (автор одиозной книги "Чаромутие"?), Корнеева-Петрулян (с. 127), Е. Спиридович (с. 160). Впрочем, и подбор сведений об упомянутых персонажах не всегда полон. С.Б. Берштейн на момент выхода антологии имел не только дату рождения, но и, к сожалению, дату смерти (1997 г.). Несвободна антология и от опечаток. Особенно досадно читать в заголовке и колонтитулах: *Б.А. Серебрянников* (с. 416–418).

Но, как говорится, на пашне не без огрешков. Составители антологии проделали большую работу. Впервые советская лингвистика 20–50 гг. оказалась так подробно представлена в одной книге. Насколько тогдашние парадигмы актуальны сейчас, в постсоветское время? Думается, что на этот вопрос ответит будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов 1991 – *В.М. Алпатов*. Марр. История одного мифа. М., 1991.

Алпатов, Ашнин 1994 – *В.М. Алпатов, Ф.Д. Ашнин*. Дело славистов. М., 1994.

Берг 1923 – *Л.С. Берг*. Номогенез. М., 1923.

Гамкрелидзе 1988 – *Т.В. Гамкрелидзе*. Р.О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // ВЯ. 1988. № 3.

Горбаневский 1991 – *М.В. Горбаневский*. В начале было слово... (Малоизвестные страницы из истории советской лингвистики). М., 1991.

Гринберг 1968 – *Дж. Гринберг*. Некоторые универсалии, касающиеся порядка слов в предложении // Новое в лингвистике. 1968. Вып. 6.

Жакоб 1992 – *Ф. Жакоб*. Лингвистическая модель в биологии // ВЯ. 1992. № 2.

Жирмунский 1976 – *В.М. Жирмунский*. Общее и германское языкознание. М., 1976.

Журавлев 1991 – *В.К. Журавлев*. Язык. Языкознание. Языковеды. М., 1991.

Иванов 1976 – *Вяч.Вс. Иванов*. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.

Климов 1981 – *Г.А. Климов*. Типологические исследования в СССР: 20–40-е гг. М., 1981.

Ларцев 1988 – *В.Г. Ларцев*. Евгений Дмитриевич Поливанов. М., 1988.

Лосев 1968 – *А.Ф. Лосев*. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968.

Лосев 1982 – *А.Ф. Лосев*. Знак. Символ. Миф. М., 1982.

Лосев 1983 – *А.Ф. Лосев*. Языковая структура. М., 1983.

Лосев 1989 – *А.Ф. Лосев*. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989.

Любищев 1982 – *А.А. Любищев*. Проблемы формы и систематики в биологии. М., 1982.

Петухов 1999 – *В.Н. Петухов*. Тайны пространства и времени. М., 1999.

Покровский 1959 – *М.М. Покровский*. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

Поливанов 1991 – *Е.Д. Поливанов*. Введение в языкознание для востоковедных вузов. М., 1991.

Реформатский 1987 – *А.А. Реформатский*. Лингвистика и поэтика. М., 1987.

Рикёр 1994 – *П. Рикёр*. Конфликт интерпретаций. М., 1994.

Серебренников 1983 – *Б.А. Серебренников*. О материалистическом подходе к явлениям языковой действительности. М., 1983.

Серио 1995 – *П. Серио*. Лингвистика и биология // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

Серио 2001 – *П. Серио*. Структура и целостность. М., 2001.

Степанов 1998 – *Ю.С. Степанов*. Язык и метод. М., 1998.

Шапир 1990 – *М.И. Шапир*. Что такое авангард // Даугава. 1990. № 9.

Шпет 1931 – *Г.Г. Шпет*. Внутренняя форма слова: Вариации на тему В. фон Гумбольдта. М., 1931.

Шпет 1996 – *Г.Г. Шпет*. Язык и смысл // Логос. 1996. № 7.

Якобсон 1963 – *Р.О. Якобсон*. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3.

Якобсон 1984 – *Р.О. Якобсон*. Предисловие к книге: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Якобсон 1985 – *Р.О. Якобсон*. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.

Brugmann 1922 – *K. Brugmann*. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Berlin; Leipzig, 1922.

Jakobson 1974 – *R. Jakobson*. Linguistics in its relation to other sciences // Main trends of research in the social and human sciences. Paris; Hague, 1970. Part 1: Social sciences.

Lehmann 1974 – *W.P. Lehmann*. The Proto-Indo-European syntax. Austin; London, 1974.

Seriot 1996 – *P. Seriot*. La structure et totalité. Paris, 1996.

Wackernagel 1892 – *J. Wackernagel*. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // IF 1892. Bd. 1.

К.Г. Красухин

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

18–20 октября 2002 года в городе Галле/Заале (Германия) состоялась международная конференция "Речевая коммуникация: проблемы, конфликты, помехи". Организаторы конференции: Институт речеведения и фонетики университета имени Лютера (Галле-Виттенберг), Германское общество речеведения и постановки произношения.

С приветственным словом к участникам конференции обратились министр образования, религии и культуры земли Саксония – Ангальт Германии проф., д-р Гендрик Ольберц, а также ректор университета, декан факультета.

В работе конференции приняли участие свыше 120 человек: докладчики, слушатели, гости. Формат конференции включал пленарные и секционные заседания, семинары и круглые столы.

Проблематика конференции охватывала следующие направления:

– клиническое речеведение;

– риторика и коммуникация:

– речевое мышление;

– интерференция и межкультурная коммуникация;

– эмоции как источник помех в межкультурной коммуникации;

– терапия и психотерапия в области голосообразования;

– иноязычный акцент в межкультурной коммуникации;

– устный перевод и речеведение;

– акустика речи: резонансные характеристики голосового тракта, спектральный анализ;

– категориальный (обусловленный родным языком) характер восприятия иноязычной устной речи;

– лингвистика, пара- и экстралингвистика;

– влияние двигательной моторики на голосообразование;

– голосовая терапия применительно к проблемам транссексуализма;

– коммуникативная конфликтология: "от компетенции применительно к конфликтам – помехам в коммуникации – к коммуникативной компетенции";

– гендерный аспект в речеведении;

– роль просодии в изучении произносительного стандарта Германии и Австрии;

– разработка транскрипции и нотации применительно к специфике манеры говорения.

Вышеизложенные исследовательские направления нашли отражение в ряде докладов, которые в свою очередь могут быть объединены в блоки, в каждом из которых один-два доклада являлись доминирующими по объему материала, достоверности и перспективности результатов.

Так, например, соотношение между отдельными аспектами речеведения и межкультурной коммуникации наиболее полно представлено в докладах У. Хиршфельд (Галле/Заале) "Фонетическая интерференция в межкультурной коммуникации", К. Райнке (Лейпциг) "Исследование эмоционально окрашенной речи немцев изучающими немецкий язык как иностранный", Е. Штока (Галле/Заале) "Эмоции как источник помех в межкультурной коммуникации", М. Тиле (Франкфурт-на-Майне) "К теории эмоционального диссонанса (применительно к церковной риторике)".

По мнению Е. Штока, культурологическая обусловленность эмоций неизбежно является источником помех в межкультурной коммуникации. Нет реализации речи вне эмоций. Сопровождающие речь эмоции влияют на эмоциональное состояние партнеров по коммуникации, определяют их реакции на сказанное. В то же время само понятие эмоции интерпретируется сторонниками различных теорий весьма разнообразно, что относится прежде всего к точной дефиниции эмоций, их силе, а также к отграничению в

понимании эмоций сравнительно с такими понятиями как "настроение", "чувство", "физиологическая реакция", "эмоциональное напряжение".

В то же время часто высказываются предположения, что эмоциональный процесс включает как универсальные, так и культурологически обусловленные компоненты. Для понимания проблемы коммуникативной корреляции по типу оппозиции "выражение (говорящий) – впечатление (слушающий)" и определения способов влияния на процесс данного соотношения необходима разработка теоретических основ и соответствующей методики в целях проведения дальнейших эмпирических исследований.

В докладе У. Хиршфельд отражены основные задачи, стоящие перед исследователями института речеведения и фонетики университета им. Лютера (Галле-Виттенберг) в ходе разработки проблемы соотношения между просодическими характеристиками речи и особенностями межкультурной коммуникации. Ключевой является тема: просодические признаки нейтрального и эмоционально насыщенного типа говорения в межкультурной коммуникации. При этом особое внимание уделяется вопросам изучения фонетических, в частности просодических отклонений в речи испытуемых, вызванных процессом межъязыковой интерференции. Разработка вышеуказанной проблемы связана в свою очередь с решением таких задач, как:

– определение комплексного влияния фонетических, лексических и грамматических отклонений;

– выявление отрицательного влияния на результат коммуникации отклонений в реализации просодии на процесс понимания в акте коммуникации, что может быть вызвано также определенными контекстуальными и ситуативными условиями;

– исследование влияния имеющихся просодических отклонений на процесс протекания дискурса в целом (с учетом вербальных и невербальных реакций, переспросов, смены партнеров по коммуникации и т.д.);

– установление и поддержание средствами просодии как единства мнений коммуникантов, так и расхождения во мнениях между ними (например, при повседневном бытовом общении, в ходе научной дискуссии и т.д.).

С точки зрения К. Райнке, оценка эмоционально окрашенной речи немцев с позиций изучающих немецкий язык как иностранный имеет непосредственное отношение к решению задачи, с одной стороны, определения личности говорящего с учетом, например, критерия "симпатичен слушающему – несимпатичен слушающему", с другой стороны, понимания и интерпретации содержания вербального высказывания.

В ходе вербального и невербального взаимодействия между носителями языка, на котором осуществляется коммуникация, в основе процесса восприятия и понимания сообщения лежит скрытый механизм функционирования автоматизированных образцов интерпретации сообщения, что не всегда "срабатывает" применительно к иноязычным партнерам по коммуникации. Следствием может быть неадекватная реакция партнера по коммуникации, ведущая к отторжению мнения коммуниканта и его личности. Не последним в ряду факторов влияния негативного характера являются многочисленные клише, относящиеся к общей стереотипной характеристике иноязычной речи (например, "Итальянская речь звучит так, как будто говорящий постоянно спорит...", "Финская речь заунывна, скучна..." и т.д.). Исходя из вышесказанного, К. Райнке ставит перед собой задачу: исследовать воздействие эмоционально окрашенной немецкой речи (на материале ТВ ток-шоу) на испытуемых, изучающих немецкий язык и являющихся носителями других языков.

В докладе М. Тиле изложены результаты исследования восприятия эмоций на материале церковной риторики. Автор считает, что теория эмоционального диссонанса основана на теории селективного восприятия, что связано в свою очередь с теорией когнитивного диссонанса, согласно которой когнитивные элементы функционируют избирательно, что обуславливает наличие когнитивной селекции. В той же степени (если не более) могут возникать расхождения между эмоциональными компонентами. При этом эти расхождения могут быть двоякого рода: либо между элементами, находящимися в контрадикции применительно к самому индивидууму (в данном случае, реципиенту), либо между элементами, один из которых принадлежит окружающему миру, а другой – индивидууму (реципиенту).

На основе механизма когнитивного диссонанса возникают коммуникативные сбои (помехи), препятствующие процессу убеждения слушающих, их переубеждения и т.д., ибо реципиенты склонны к тому, чтобы "пропустить сказанное мимо ушей", вытеснить или ослабить принимаемую информацию, элиминировать эмоциональную составляющую высказывания, одним словом, "снять" все то, что не соответствует собственной когнитивной и эмоциональной установкам.

В программном докладе Р.К. Потаповой (Москва) "Категориальность восприятия иноязычной речи (лингвистические, пара- и экстралингвистические аспекты)" изложены теоретические предпосылки и результаты исследований (как самого автора, так и ряда других исследователей) в области слуховой и зрительной оценки речевого поведения коммуникантов. Рассматривается специфика аудитивного и визуального восприятия иноязычной речи применительно к вербальным и невербальным сигналам. Психолого-фонетический подход делает возможным постановку и разработку следующих основных задач:

– слуховой анализ сегментной и супрасегментной специфики устных иноязычных высказываний;

– слуховой анализ паралингвистических особенностей устной иноязычной речи;

– анализ визуальной специфики экстралингвистических стимулов в неоднородной по языковой специфике коммуникации с учетом культурологических факторов.

В своем исследовании автор исходит из постулата: интерпретация физического мира с опорой на восприятие по своему предмету и содержанию объективна, но по форме и функции – субъективна. Звучащая речь рассматривается как сложная система знаков, кодирование и декодирование которых включает не только содержание высказывания, но также и специфику передающего тракта, ситуацию, культурно-этническую и этнопсихологическую информацию и т.д. В докладе рассмотрено влияние вышеперечисленных факторов на лингвистическую, а также на пара- и экстралингвистическую интерпретацию сообщения.

Специальный блок докладов посвящен специфике голосообразования в норме и патологии, акустическим параметрам голосообразования, голосовой терапии (например, в докладах Л.-К. Андерса (Галле/Заале), А. Бруннер (Гейдельберг), Я. Димитрова (Бад Арольсен), Р. Эванс (Грейсвальд), Ф. Галь (Франкфурт-на-Майне), М. Хартингер (Галле/Заале) и др.) и т.д. Как правило, в докладах подобного рода речь идет о конкретных способах фонационного и артикуляционного анализа речи. Предлагается выделить в отдельную сферу "клиническое речеведение". Особая роль отводится изучению влияния общей моторики движения на голосообразование, а также на оптимизацию терапии голосообразования.

Феномен транссексуализма получил в последние годы большую информативную прозрачность. В связи с этим был затронут вопрос о способах разработки методов, позволяющих более успешное преобразование мужского голоса в женский после операционного вмешательства по изменению пола. Как показало гормональное лечение, изменение голоса у мужчин – транссексуалов не достигало желаемого эффекта. По мнению авторов доклада У. Гоннерманн и С. Тиль (Лейпциг), в данном случае необходимы операция на голосовых связках и/или соответствующее терапевтическое лечение.

На конференции активно обсуждались вопросы, связанные со сценической речью, риторикой и коммуникацией. Так, Е.-М. Крех (Галле/Заале) – известный специалист в данной области – считает, что необходимо выделить в отдельный объект речевых исследований рече-художественную коммуникацию. В данном случае целесообразно рассматривать два аспекта изучения: художественный и коммуникативный. В ключе вышеуказанного подхода выполнено исследование И. Андерс (Берлин) – «Проблемы коммуникации – следствие "экстремальной просодики"?». Исследование посвящено слуховому анализу художественной сценической речи в Германии в ее динамике. Проанализированные на перцептивном уровне фрагменты сценической речи выдающихся актеров Германии позволили автору прийти к выводу о своеобразной динамике просодических средств выражения эмоций в сценической речи Германии: от гипертрофированных форм выражения эмоций в начале XX века – к более естественным формам их выражения во второй половине и в конце XX века.

Определенное внимание было уделено также детской речи [И. Бозе, О. Емер, М. Рудольф (Галле/Заале) и др.].

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что тематика конференции всецело соответствует содержанию современного комплексного понятия "речеведение". Обсуждались вопросы фонетики и фонологии; риторики и коммуникации; художественной сценической речи; языковых, речевых и голосовых нарушений в коммуникации и причин этих явлений; голосо- и речеобразования в норме и патологии; категориальности восприятия и понимания звучащей речи; пара- и экстралингвистики; эмоций и межкультурной коммуникации; влияния интерференции на межкультурную коммуникацию и т.д.

Конференция состоялась в год 500-летнего юбилея университета им. Лютера (Галле-Виттенберг), славу которого составили величайшие умы человечества: Мартин Лютер, Филипп Меланхтон, Кристиан Томазиус, внесшие неоценимый вклад в разработку проблемы изучения природы общения между людьми.

Р К Потапова (Москва)

22–24 октября 2002 года в Екатеринбурге на базе филологического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького прошла IV Международная научная конференция "Русская диалектная этимология"*.

Заявленная в названии конференции проблематика является уникальной: в настоящий момент в России это единственная регулярно проводящаяся конференция по русской диалектной этимологии. Традиции организации в Екатеринбурге научных форумов по проблемам этимологии были заложены в 1991 году, когда состоялось первое научное совещание. С тех пор существенно расширились и состав участников, и проблематика обсуждаемых вопросов. В 2002 в Екатеринбурге собрались лингвисты из различных городов России (Барнаул, Великий Новгород, Москва, Новокузнецк, Новосибирск, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Томск, Тюмень, Челябинск), Беларуси (Минск), Латвии (Даугавпилс), Польши (Белосток), Финляндии (Хельсинки), Чешской республики (Брно). В рамках конференции было проведено шесть заседаний, тематика которых характеризует круг обсуждавшихся проблем: "Этимологизация исконной лексики", "Этимологический анализ заимствований", "Ономастическая этимология", "Этимология и проблемы семантической реконструкции", "Мотивационные модели и народная картина мира", "Историческая лексикология и этимология".

В докладах, посвященных этимологизации исконной лексики, основное внимание уделялось связи русских диалектных слоев с праславянским корневым фондом. Вопрос об использовании диалектизмов, однокоренных с праславянским наследием, для подтверждения или опровержения праславянских реконструкций рассматривался в докладе Ж.Ж. Варбот (Москва) "Русские диалектизмы в праславянских реконструкциях". Возможность отнесения конкретных диалектных лексем к продолжениям гнезд праславянских корней анализировалась в докладах Н.В. Галиновой (Екатеринбург) "К этимологии рус. диал. *гала*", М.А. Ереминой (Екатеринбург) "Рус. диал. *лопарь, лопин, лопень* 'лентяй, бездельник' и этимолого-словообразовательное гнездо корня **lop-*", О.А. Шпрингер (Новокузнецк) "Русское диалектное *порт* как элемент гнезда **реи/рои/*рй/*рй*". Этимологические интерпретации диалектных названий форели (*гарныш/горныш*) и вьюна (*бугор*) как дериватов праславянских корней были предложены в докладе Е.А. Березовской (Екатеринбург) "Из этимологий севернорусских ихтиологических терминов". В исследовании Л.А. Феоктистовой (Екатеринбург) "Рус. диал. *на искун пойти, идти (пойти) хинью*" были представлены этимологии именных компонентов русских фразеологизмов и определено соотношение их семантики с семантическим наполнением исходных праславянских корней.

Поскольку для современной этимологии одним из основополагающих подходов является активное использование приемов семантической реконструкции, в рамках работы конференции широко обсуждались методы семантического анализа в этимологических исследованиях.

Возможности применения в этимологии семантического моделирования освещались несколькими исследователями. В докладе О.А. Теуш (Екатеринбург) "К вопросу о семантической реконструкции в этимологических исследованиях: явление изосемии деривационных гнезд" было описано явление совпадения семантики дериватов лексем с различными исходными значениями, учет которого в этимологии предоставляет новые возможности для выяснения происхождения как исконных, так и заимствованных слов. Предположение о том, что изначальная принадлежность лексем к единой когнитивной области программирует их семантическое развитие и словообразование, было сформулировано А.А. Кожиновой (Минск) на основании сопоставления схем семантического распада внутренней конверсии некоторых православных корней (доклад "*Давать, брать, иметь* – к вопросу о конверсивных отношениях"). Е.Л. Березович (Екатеринбург) на основании анализа базовых лексем, являющихся производящими для слов со значением 'захолустье', имеющих прозрачную внутреннюю форму, представила описание ментального образа русского "захолустья". В дальнейшем с опорой на выявленные семантические доминанты в докладе «К языковому портрету русского "захолустья"» исследовательницей были проинтерпретированы этимологически темные лексемы. М.А. Гурьянова и Ю.А. Кривощапова (Екатеринбург) представили семантическое и культурологическое описание номинативной модели "животное > внутренняя болезнь", пользуясь которым продемонстриро-

* Финансовая поддержка осуществлялась Институтом "Открытое общество" (Фонд Сороса) Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 00-15-98836).

вали возможность осуществления семантической реконструкции некоторых неясных по внутренней форме названий болезней – доклад «Об одной мифологической семантической модели ("животное > внутренняя болезнь")».

Среди обсуждаемых проблем, связанных с разработкой семантической стороны этимологии, была проблема влияния на формирование языкового знака национального или архаического видения мира, способа взаимодействия человека и мира, отношения номинатора к слову. Предметом доклада И. Янышковой (Брно) "Заметки о языковом табу" стали вопросы этимологизации лексем, возникших в результате табуирования – явления, которое определяется верой номинатора в фатальную связь сказанного слова с вещью, обозначаемой этим словом. А.Б. Мороз (Москва) посвятил свой доклад "Народная этимология и другие языковые средства воздействия на болезнь в славянских заговорах" описанию процесса конструирования названий болезней, определяемого целеустановкой субъекта заговора – стремлением воздействовать на болезнь посредством ее имени. О.В. Белова (Москва) на примере интерпретации широко известного фразеологизма (доклад "*Кот наплакал*: мотивационная семантика в свете народных легенд") убедительно показала, что этимологическое объяснение семантики ряда языковых знаков невозможно без выявления всех связанных с ними народных представлений, информация о которых может быть извлечена из разнообразных нелингвистических, в данном случае фольклорных, источников. В докладе М.Э. Рут (Екатеринбург) "К этимологии образа: др.-рус. *Кружилие* 'созвездие Орион'" была предпринята попытка определения генезиса образа, послужившего основой названия астрообъекта, и предложены различные варианты интерпретации в рамках взаимодействия астрономических систем разных народов.

Особенности восприятия внутренней формы языкового знака носителем языка, реализуемые в процессе народной этимологии, рассматривались Т.А. Гридиной, Л.М. Дмитриевой, С.Е. Никитиной. Народная этимология в качестве особого процесса мотивации, отражающего номинативные тенденции, действующие в ономастическом и апеллятивном пространстве языка, и, в результате, национально-культурную специфику восприятия мира, анализировалась в докладе Т.А. Гридиной (Екатеринбург) "Модели народно-этимологической мотивации в диалектной речи: лингвокультурологический аспект". Л.М. Дмитриева (Барнаул) на материале топонимии Алтая обрисовала возможность моделирования компонентов современной топонимической картины мира на основе сопоставления исходного этимологического значения и вторичного восприятия внутренней формы имени – доклад "К этимологии некоторых топонимов (проблема восприятия имени)". В докладе С.Е. Никитиной (Москва) «"Слово и дело" (место народной этимологии в культуре духоборцев и молокан)» народная этимология была рассмотрена не только как явление языковой рефлексии, но и как способ формирования и выражения мировидения и стимулирующее начало для образа действий.

Другая сторона связи этимологии и семантики была очерчена в докладах, посвященных реконструкции глубинных семантических отношений на основании этимологических данных. С.М. Толстая (Москва), исследовав оппозицию "постный – скоромный", определила ряд соотносящихся с ней других бинарных оппозиций, выявление которых оказалось возможным при этимологическом анализе различных диахронических пластов: от индоевропейского до современного (доклад «Оппозиция "постный – скоромный" в свете диалектной семантики»). В докладе Т.В. Леонтьевой (Екатеринбург) «Концептуальное поле "Интеллект человека": модели зрительного восприятия» через анализ семантических моделей, выявленных в ходе этимологического исследования, описан фрагмент концептосферы русского языка. Аналогичное описание, основанное на анализе взаимодействия исходных понятий, сделано в докладе Л.П. Дроновой (Томск) «Концепт "Любовь" в зеркале диалектов и этимологии». М.Д. Алексеевским (Москва) проведена семантическая реконструкция значения лексемы в традиционной народной культуре на основе интерпретации поверхностных и глубинных языковых связей (доклад "К семантике слова *праздник* в традиционной культуре Русского Севера").

Ряд докладов и сообщений, прозвучавших в ходе работы конференции, подтвердил, что ценнейшим источником информации для этимолога являются данные исторической лексикологии. Проанализировав по данным письменных памятников и современных говоров судьбу слова *зимогор*, Е.Е. Королева (Даугавпилс) выдвинула новую этимологию лексемы, определив ее как оттопонимическое образование (доклад "К этимологии гнезда *зимогор* в старообрядческих говорах Прибалтики"). Н.В. Савельева (Томск) в докладе "История рус. диал. *брозье*", опреде-

лив соотношение данных русских диалектов, памятников письменности и родственных славянских языков, выявила исходные значение и форму анализируемой лексемы. Доклад С.А. Толстик (Томск) "История формирования русской диалектной ЛСГ со значением 'худой'" был посвящен исследованию соотношения исходных и вторичных языковых знаков, имеющих заданную семантику, и их взаимодействия в диахронии.

В соответствии с традиционными интересами лингвистов кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета, явившейся организатором конференции, большое внимание было уделено этимологической интерпретации заимствований в русском языке. Доклад А.К. Матвеева (Екатеринбург) "Целенаправленный поиск лексических заимствований и некоторые вопросы их интерпретации" был посвящен методике выявления заимствованных лексем в процессе полевых работ, ее преимуществам и ограничениям. В ходе сообщения автором также были изложены основные критерии идентификации финно-угризмов в русском языке. Критический анализ этимологических разработок известнейшего исследователя лексики финно-угорского происхождения в русском языке Я. Калимы стал основой доклада С.А. Мызникова (Санкт-Петербург) "О некоторых спорных прибалтийско-финских этимологиях у Я. Калимы". В сообщениях нескольких этимологов прозвучали новые этимологические интерпретации русских лексем финно-угорского происхождения. М.В. Мищенко (Екатеринбург), анализируя севернорусскую лексику, характеризующую человека с точки зрения особенностей его речи или поведения, выявила ряд не исследовавшихся ранее слов (*лабайда, рямза, тавря* и др.), имеющих прибалтийско-финское происхождение (доклад "Названия человека в говорах Русского Севера: несколько этимологий"). По мнению Н.В. Кабининой (Екатеринбург), к одному и тому же прибалтийско-финскому лексическому гнезду, вопреки существовавшим ранее версиям, восходят севернорусские диалектизмы *иж* 'вид ловушки на рыбу' и *ижора* 'отходы от обработки льна или конопли' (доклад "*Иж* и *ижора*"). В докладе О.В. Мищенко и О.А. Теуш (Екатеринбург) "К этимологии рус. диал. *бочаг*" заявленная в названии лексема, широко распространенная в севернорусских и среднерусских говорах, предположительно интерпретирована как заимствование из мерянского языка. В выступлении Л.Г. Гусевой (Екатеринбург) "К вопросу о судьбе заимствованной лексики в уральских говорах" определены источники заимствований для избранного региона и описаны характеристики употребления исследуемой лексики, в особенности условия и причины ее устаревания. Г.К. Валеев (Челябинск) на основании данных памятников письменности опроверг традиционную этимологию слова *бурка*, называющего различные виды одежды, убедительно связав его происхождение с названием города Бурса, с XIV в. являвшегося центром евразийской торговли (доклад "Этимология одного восточнославянского названия одежды").

Ономастическая этимология в формате конференции была представлена разнообразными исследованиями, как теоретическими, так и конкретно-этимологическими. Обобщающе-критический характер имел доклад Ю.В. Откупщикова (Санкт-Петербург) "Принципы этимологизации ономастии": оценив существующие методические приемы этимологизации имени собственного, автор предложил собственную методику, основанную, прежде всего, на словообразовательном анализе, и продемонстрировал ее использование в интерпретации балтийской гидронимии бассейна Оки. Ценность данных диахронического словообразования для интерпретации структуры имени собственного была подчеркнута и в докладе И.Г. Добродомова (Москва) "О происхождении префиксально-бессуфиксальных топонимов". Методический характер имел также доклад Т.И. Киришевой (Екатеринбург) «"Верхние" и "нижние" названия в субстратной топонимии Русского Севера по данным "направленной" этимологизации», в котором было показано применение моделирования в этимологических исследованиях субстратных топонимов: движение от исходного апеллятива с известной семантикой, заданной структуры топонима и идеографически константной топонимической оппозиции к реально существующим онимам. В докладе Е.Э. Ивановой (Екатеринбург) "Варьирование топонимов и этимология" была произведена оценка необходимости анализа фонетических, словообразовательных, лексических и акцентологических вариантов топонимов для выяснения исходной семантики и, в конечном счете, этимологии имени собственного.

В докладах, посвященных региональным ономастическим исследованиям, разрабатывались проблемы этимологизации имен собственных, зафиксированных на территориях Европейского севера России и в Западной Сибири. В.Л. Васильев (Великий Новгород) в докладе "К проблеме этноязыкового субстрата в Приильменье и Поволховье" оценил соотношение балтийского и прибал-

тийско-финского пластов в топонимии исследуемого региона. Я. Саарикиви (Хельсинки) обратил внимание на высокий удельный вес отантропонимических названий мест в топонимии прибалтийско-финских народов и в связи с этим проинтерпретировал ряд субстратных топонимов Русского Севера как восходящих к прибалтийско-финским личным именам (доклад "Прибалтийско-финская антропонимия в топонимии Русского Севера: перспективы ее изучения"). И.И. Муллонен (Петрозаводск) в докладе "Еще раз об интерпретации древней топоосновы *yxm-*", основываясь на данных географии и анализе повторяющихся топонимических семантических систем, предложила новую аргументацию "волоковой" семантики этой древней, финно-угорской по происхождению топоосновы. М.С. Першко (Екатеринбург) представила сопоставительную классификацию структурных и семантических типов онома и апеллятивов, включающих именной компонент **guz-* (доклад "Композиты с корнем *guz-* в русской ономастике и апеллятивной лексике"). В докладе Н.В. Лабунец (Тюмень) "Заимствования в географической лексике и топонимии юга Тюменской области" рассматривались географические лексемы хантыйского происхождения, претерпевшие тюркскую адаптацию и позднее попавшие в лексику и топонимию русских говоров региона. Т.Н. Дмитриева (Екатеринбург) представила этимологическую интерпретацию одного неясного по происхождению гидронима Западной Сибири – доклад "К этимологии топонимов бассейна реки Казым (история гидронима *Выргим*)".

Актуальной для обсуждения оказалась проблема этимологической лексикографии. Л.И. Шелепова (Барнаул) в докладе «Об "Историко-этимологическом словаре русских говоров Алтая"» представила проект регионального этимологического словаря, определив его источники, состав и принципы составления, особо отметив при этом, что в задачи такого рода словаря должно входить выяснение как ближней, так и дальней этимологии каждой лексемы. В выступлении Б. Сегеня (Белосток) "Принципы составления регионального этимологического словаря" была подчеркнута самостоятельная ценность диалектного материала для этимологических исследований и необходимость отражения в этимологических словарях даже узкодиалектных слов. А.Л. Шилов (Москва) в докладе "Опыт историко-этимологического словаря топонимов Карелии" предложил для обсуждения фрагменты словаря и сообщил о ходе и перспективах работы по его завершению. Критический анализ "Словаря балтизмов в славянских языках" Ю.А. Лаучюте был представлен в докладе А.Е. Аникина (Новосибирск) "К уточнению балтийского вклада в русской лексике. I".

Подводя итоги, можно отметить, что содержание докладов IV Международной научной конференции "Русская диалектная этимология", состоявшейся в Екатеринбурге, позволило определить объекты, наиболее актуальные для этимологических штудий, и основные ориентиры современных этимологов: для этимологической интерпретации исконных и заимствованных апеллятивов это "глубинная" этимология с доминирующим подходом "от семантики" (в том числе, культурной и концептуальной); для ономастической этимологии основой анализа является исследование формальной и семантической структуры имен собственных; для современной этимологии в целом доминантным представляется региональный подход.

О.А. Теуш
(Екатеринбург)

22–24 января 2003 года в МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась международная научная конференция на тему "Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы". Организатор конференции – кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ. Принять участие в конференции приехали ученые из разных городов России и стран зарубежья. Доклады были представлены на двух пленарных и семи секционных заседаниях. С приветственным словом обратилась к участникам и гостям конференции декан филологического факультета МГУ проф. М.Л. Ремнёва.

Первым докладчиком на открывшемся пленарном заседании был С.А. Старостин (Москва), обрисовавший современное положение дел в макрокомпаративистике и тем самым обнаруживший положительную черту проходившей конференции: исследователи вышли за рамки индоевропеистики. В докладе было дано определение семьи и макросемьи, а так-

же определение в сравнительно-историческом языкознании генетического родства при наличии установленных регулярных фонетических соответствий, реконструированной праязыковой фонетики и грамматики и при наличии сравнительного словаря данной семьи. Американская школа макрокомпаративистики (Дж. Гринберг и его ученики) утверждает, что для глубинной классификации языков нет необходимости в использовании стандартного сравнительно-исторического метода. Так как сравнительно-исторический метод позволяет реконструировать незасвидетельствованные праязыковые состояния, естественным был бы переход от сравнения современных языков к сравнению праязыков, которые в силу своего родства должны быть ближе друг к другу, чем их современные потомки. Подобный метод (метод "ступенчатой реконструкции") был впервые применен В.М. Иллич-Свитычем к реконструкции ностратического праязыка, существовавшего около 9–10 тысячелетия до н.э. Сейчас, по мнению Старостина, накоплен достаточный материал, который поможет достигнуть желаемого результата – составления нового сравнительного этимологического словаря ностратических языков. Также был отмечен один из важнейших выводов проведенных исследований – установленное родство ностратической, афразийской и синокавказской семей. Перед исследователями стоит важный вопрос о возможности сведения перечисленных языковых семей в макрофилу; постепенно накапливается информация, свидетельствующая о наличии внешних связей евразийских языков, и даже, возможно, в пользу теории языкового моногенеза. Доклад в силу актуальности своей тематики вызвал оживленное обсуждение и показал специфику сосуществования двух направлений в компаративистике – ностратики и индоевропеистики.

Полемика В.А. Дыбо (Москва) со статьей Н.С. Трубецкого "Мысли об индоевропейской проблеме" также привела к спорам и критике мнений различных исследователей по этому вопросу. В своем докладе "Язык – этнос – археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы)" В.А. Дыбо отметил непонимание специалистами-археологами сущности понятий "индоевропейская реконструкция" и "индоевропейский праязык", причиной которого стало некритическое восприятие индоевропейской проблемы.

Индоевропейская проблема, по мнению докладчика, – это проблема родства языков, а не языкового союза. При установлении родства необходимо обнаружение систематических звуковых соответствий между морфемами сравниваемых языков, а также наличие общего корпуса "элементарных" слов, основ или морфем.

Различные теоретические манифесты относительно приобретенного родства, типологического родства, сомнения в существовании праязыков обычно идут от специалистов, не занимавшихся сравнительной грамматикой или занимавшихся лишь интерпретацией ее данных. Компаративистская процедура с учетом экстралингвистического знания приводит нас к праязыковой реконструкции, которая является решающим моментом в доказательстве языкового родства. Неверно утверждать, что компаративистика имеет дело лишь с системой соответствий между зафиксированными родственными языками (утверждение, исходящее из неосторожного замечания Мейе). Предметом исследований в компаративистике является система соответствий между праязыком и его потомками. То, что мы имеем на поверхности, – это некий корпус соответствий, который требует для своего объяснения введения протосистемы как системы-посредника. То есть компаративистская процедура представляет нам то, что есть, типологическая информация – то, что бывает. Этим рассуждениям противоречат высказывания Н.С. Трубецкого, в которых В.А. Дыбо критически рассматривает несколько моментов. И в свете высказанных при этом замечаний предложенная Трубецким гипотеза не выдерживает критики. Обращение же археологии к подобным концепциям объясняется представлением специалистов-археологов о высокой степени абстрактности лингвистической реконструкции, точность которой уменьшается с увеличением дальности этой реконструкции. Но, отмечает Дыбо, лингвистическая реконструкция тем точнее, чем больше "ступеней" может пройти компаративистская процедура. Правильное понимание данных понятий и введение "этнизирующего" компонента культуры является залогом плодотворного сотрудничества лингвистов и археологов и успешности археологической реконструкции.

Академик Ю.С. Степанов (Москва), выступивший с лексико-грамматическим этюдом "Три позы в индоевропейском", затронул вопрос "современности" сравнительно-исторического исследования, которое в настоящее время представляется невозможным без типологического в отношении к группам и семьям языков. А каково же содержание признака "современный" в отношении к одной семье?

Так, Мейе в своей работе "Общеславянский язык" представляет нам устаревший на сегодняшний день чисто лексикографичес-

кий подход к характеристике лексической группы. Сейчас, как поясняет Ю.С. Степанов, актуален учет того фактора, что каждая лексическая группа имеет свою грамматику, и наоборот. Данное утверждение иллюстрируется на примере анализа группы основных поз ("стать//стоять", "сесть//сидеть", "лечь//лежать") в индоевропейском: сначала выделяется цельный фрагмент языковой системы, а затем с точки зрения лексики, грамматики и ритуальной значимости рассматривается его внутренняя организация и связанные с ней проблемы метода.

В языках балто-славянских, греческом и германских эта группа является компактной: это самоочевидно в лексическом отношении, а в грамматическом она характеризуется тем, что в ней представлены практически все типы индоевропейского аориста. Группа задает продуктивную модель по линии как семантики, так и целых парадигм.

В связи с этим в ходе доклада была подчеркнута проблема обедненного использования наличествующих собраний материалов (Б.А. Серебренников, К. Бак, В. Даль) в результате отсутствия соотнесения разных систем концептуализации: грамматических групп с лексическими, лексических групп с парадигмами. Подобный усовершенствованный подход мог бы явиться основой переиздания словарей нового типа.

Принципы системного описания языка у немецких компаративистов XIX века были представлены А.В. Блиновым (Москва), который в докладе основывался на анализе труда представителей младограмматической школы К. Бругмана и Б. Дельбрюка "Основы сравнительной грамматики индоевропейских языков". Авторы систематизировали и обобщили материал всех изученных к тому времени индоевропейских языков и представили реконструкцию индоевропейского праязыка. Предложенная Бругманом система реконструированных звуков демонстрирует возросший уровень представлений компаративистики о звуках в конкретных индоевропейских языках. Выявление отличий в построении материала у Бругмана и Шлейхера в его "Компендии" коснулось нескольких моментов, рассмотренных докладчиком. Композиция описания у Бругмана обусловлена количеством звуков в праязыке, а не количеством языков, как у Шлейхера. Бругман строит описание по принципам, предложенным Боппом, сосредоточив внимание не на индивидуальном своеобразии отдельных языков, а на их общих чертах. Бругман на практике осуществил теоретическое требование младограмматиков изучать язык, расчленяя его на отдельные автономные факты, каждый из которых должен рассматриваться независимо от остальных. Кроме того, Бругман последовательно и в полном объеме представил историю становления и развития индоевропейской словообразовательной системы. Однако в работе Бругмана можно отметить некоторую мозаичность фрагментов, хотя младограмматики вовсе не отказывались от системного подхода, представляя в реконструкции синтез синхронии и диахронии в изучении языкового явления. Реконструкция Бругмана давала систему явлений, представляющих в синхронии сумму конкретных эмпирических фактов, а в диахронии – историческое движение этих фактов по конкретным индоевропейским языкам. Если до младограмматиков преобладало прежде всего сравнение, то заслугой Бругмана явилось создание первой диахронической грамматики.

В.А. Кочергина (Москва) представила на первом пленарном заседании доклад "Об одной типологической особенности санскрита".

Начав с характеристики современных типологических исследований как признающих факт политипологичности языков, В.А. Кочергина отметила, что в санскрите наблюдаются не характерные для флективных языков монофункциональные способы, одним из которых является основосложение. Своеобразие санскрита состоит в том, что в нём, в языке флективном, с богато развитой системой форм словоизменения и высокой степенью синтетизма, существуют сочетания именных основ, образуемые во всех семантических сферах лексики и функционально тождественные словосочетаниям с атрибутивной связью. В древнеиндийском основосложении обнаруживается наличие двух исторически различающихся пластов сложных слов. Наиболее древние – *tatpuruṣa* с последующим элементом – глагольным корнем, существительные *tatpuruṣa*, *karmadhāraya*, *dvigu*, прилагательные *bahuvrīhi* и двучленные *dvandva*.

В древнеиндийском отсутствуют относительные и притяжательные прилагательные, и в этой ситуации слова типа *tatpuruṣa* являются способом посессивного определения и определения через отношение, *karmadhāraya* – способом качественного определения лиц и относительного и качественного определения абстрактных понятий, *bahuvrīhi* представляют собой сложные посессивные определения лица, которые можно рассматривать как трансформы определительных предложений. Сложные слова в санскрите представля-

ют собой особый типологически значимый синтаксический способ связи основ.

Далее в докладе В.А. Кочергиной вводился термин "инкорпорирование", которым, как писал В. Скаличка, обозначают тесную связь двух синтаксически зависимых слов, которая так тесна, что можно говорить о сложном слове. Инкорпорирование, проявляющееся в ослабленной форме, определяется как субинкорпорирование. По мнению В.А. Кочергиной, случаи древнего основосложения санскрита представляется возможным рассматривать как явления именного субинкорпорирования.

С завершающим докладом на первом пленарном заседании конференции выступил С.Н. Кузнецов (Москва), рассмотревший ранние трактовки моделей языкового развития. Проблемы, поставленные в докладе, касались вопросов соответствия лингвистического понимания развития концептам в общем науковедении, а также исследованию роли междисциплинарных (межнаучных) связей в становлении идей развития в языкознании.

До середины XVIII века целью науки была систематизация человеческих знаний. С середины же XVIII века произошло становление принципа историзма эволюции и возникновение космогонических гипотез (И. Кант, П. Лаплас). Оба принципа (историзма и эволюционизма) сосуществовали и взаимно дополняли друг друга, одинаково основываясь на учете фактора времени. Общеизвестно воздействие биологических идей на утверждение эволюционного учения в языкознании. Сравнительно-историческое языкознание оказалось пронизанным прямыми заимствованиями или рефлексами идей, которым наука обязана биологии. Многие лингвистические термины имеют биологическое происхождение. Но по отношению к обществу и языку теория исторического развития была сформулирована раньше, чем по отношению к природе, в т.ч. органической. Ещё в 1725 году итальянский философ Дж. Вико выступил с обоснованием исторического круговорота в развитии общества и языка. Ж.А. Кондорсе явился родоначальником теории прогресса человечества и человеческих языков, на базе которой возникает лингвистическая прогностика, дополняющая собой историческую реконструкцию (идея которой восходит к биологии). Была отмечена докладчиком и трактовка эволюционистской теории у Расмуса Раска, который шел по пути осмысления общих законов развития языка и их экстраполяции в будущее. Языковедению, заключил С.Н. Кузнецов, необходима некая общая теория развития, учитывающая как весь материал лингвистики, так и потенциальные заимствования из других наук.

В течение трех дней в рамках конференции были проведены секционные заседания, в свою очередь, разделенные на подсекции.

Так, в **секции "Индоевропейские языки"** в подсекции "Общие проблемы. Индоиранские языки" представили свои доклады: Д.И. Эдельман (Москва); А.В. Широкова (Москва); А.Н. Коган (Москва); К.Г. Красухин (Москва); В.Г. Борботько (Москва); Е.С. Саноцкая (Москва); И.А. Герасимов (Москва); О.А. Волошина (Москва); В.М. Лейчик (Москва); Ю. Норманская (Москва); А.В. Сидельцев (Москва); С.А. Бурлак (Москва).

Подсекция "Греческий язык. Италийские языки" открылась докладом М.Н. Славятинской (Москва) "Диалект и язык (о терминологии классических языков)", указавшей на соблюдение одинаковых принципов в описании языков как важное условие успешных исследований в сравнительно-историческом языкознании, и была продолжена выступлениями М.А. Таривердиевой (Москва), О.М. Савельевой (Москва), А.В. Григорьева, А.В. Верещагиной (Москва), А.М. Белова (Москва), Т.А. Карасевой (Москва), Л.Т. Леушиной (Томск) и А.И. Солопова (Москва), рассказавшего о достигнутых результатах и перспективах изучения заимствования как способа пополнения лексики в латинском языке античного периода.

В подсекции "Балто-славянские и кельтские языки" особый интерес и полемику вызвали доклады В.В. Борисенко (Белград), чья тема о славянских палатализациях на Балканах удачно сочеталась с исследованием гостя и участника конференции В. Станишича (Белград) "Диахронический обзор двух типов консонантизма в славянских языках", Л.П. Дроновой (Томск), М.В. Зеликова (Санкт-Петербург), приводившего примеры синтаксической компрессии в кельтских языках, что вызвало оживленную реакцию и интерес со стороны всех присутствующих на секции. По вопросам балтославянистики и кельтологии высказались также В.А. Дыбо, Т.А. Михайлова (Москва), И.А. Герасимов, Е.М. Парина (Москва), А.Ю. Москвин (Москва).

За круглым столом по проблемам современного сравнительно-исторического исследования русского языка анализировались неко-

торые проблемы древних богослужебных текстов (В.А. Баранов, Ижевск) и древнерусской письменности (А.М. Кузнецов, Даугавпилс) и литературы (Н.В. Максарова), истории композиции русских деловых текстов (А.Н. Качалкин, Москва) и другие вопросы истории русского языка.

Подсекция германских языков рассматривала проблемы лексико-семантической структуры готского языка (В.И. Карпов, Москва); этимологии и судьбы слов и некоторых грамматических явлений германских языков [доклады Н.Б. Пименовой (Москва), М.А. Рыбакова (Москва), А.Е. Манькова (Москва), Н.А. Ганиной (Москва), Н.А. Николаевой (Москва), А.В. Яковлева (Москва)].

Секции алтайских, дравидийских, картвельских и эскалеутских языков собрали участников из России и Грузии. На заседании обсуждались вопросы генетической классификации языков огузской подгруппы (А.В. Дыбо, Москва), монгольских языков (А.А. Бурыкин, Санкт-Петербург), числительных и местоимений брахуи (М.С. Андронов, Москва), проблемы морфосинтаксиса и морфонологии (М.М. Сахокия, Тбилиси). Доклад на материале картвельских языков продемонстрировал актуальные направления современного этапа развития компаративистики.

В секции "Языковые семьи, сопредельные сностратической семьей" рассматривались койсанские, семитские, арабские, северно-кавказские, тибето-бирманские языки, исследовались вопросы "перманентной" реконструкции как метода исследования бесписьменных языков (О.В. Столбова, Москва); языковой категоризации как проблемы научного абстрагирования в неиндоевропейских языках (М.Х. Шахбиева, Москва); подготовки арабского этимологического словаря (А.Г. Белова, Москва); вопросы этимологии (J. Greppin, США).

На втором пленарном заседании были представлены доклады А.В. Дыбо "Еще раз о семантической реконструкции"; А.Н. Барулина (Москва) "Компаративистика и глоттогенез"; В.И. Беликова (Москва) "Лексикостатистика и определение генетической принадлежности"; А.А. Поликарпова (Москва) "Степень абстрактности и субъективности смыслов – факторы варьирования степени сохранности во времени их лексических обозначений в индоевропейских языках". В.П. Калыгин (Москва) в докладе "Кельты и славяне" коснулся вопроса кельтских и славянских языков и их тесных связей, отражающих в целом общий фонд, унаследованный от праиндоевропейского состояния. Схождения между кельтскими и славянскими языками могут содержать информацию об ареальных и временных характеристиках индоевропейской языковой традиции. Лексические связи кельтов и славян постэтногенетичны и относятся преимущественно к той эпохе, когда оба этноса контактировали на пространствах центральной и восточной Европы.

"История – лингвистике". Так назвал свой доклад С.В. Кулланда (Москва). Общепризнано, что сравнительно-историческое языкознание играет важную роль в изучении дописьменной истории. Но и исторические данные способны подкрепить или опровергнуть те или иные выводы лингвистов. Историко-этнографический анализ позволяет в ряде случаев выделить те или иные этнические маркеры, дающие возможность постулировать или исключить пребывание в том или ином регионе представителей того или иного этноса, следовательно, носителей того или иного языка (языков). Экстралингвистические данные уточняют датировку сугубо лингвистических процессов. Верификация лингвистических процессов историческими может быть корректной только в том случае, если историк берет на себя труд разобраться в методике сравнительно-исторического языкознания, а не получает лингвистические выводы "в готовом виде" из рук лингвистов, не умея проверить процедуру их получения.

Доклад О.А. Смирницкой (Москва) "А.И. Смирницкий как компаративист" (к 100-летию со дня рождения ученого) положил начало новой традиции в проведении научных конференций по компаративистике – мемориальной части. Современное сравнительно-историческое языкознание – это не только сбор и исследование новых обширных материалов, но и реинтерпретация наследия великих лингвистов, основавших и развивших компаративистику. Оправдались или нет прогнозы и предсказания языковедов прошлого относительно направлений развития сравнительно-исторического языкознания? На этот вопрос попытался ответить В.М. Алпатов (Москва) в своем докладе "Компаративистика сто лет назад и сейчас". По мнению исследователя, в области компаративистики прогнозы И.А. Бодуэна де Куртенэ сбылись частично. Это прогноз, касающийся количественного расширения компаративных исследований и обнаружения в XX веке более древних, чем известные в XIX веке, родственных связей языков, в том числе связей индоевропейских языков с другими. Прогнозы же о нежизненности концеп-

ции родословного древа, до настоящего времени являющейся основополагающей для сравнительно-исторического языкознания, и замене понятия "звукового закона" его психологическим эквивалентом явно не сбылись; как методическое правило звуковые законы сохранили силу и в XIX веке: компаративист должен условно принять существование закона, не знающего исключений, на основе этого объяснить все, что можно, и лишь после этого думать о том, что делать с исключениями.

Итак, прошедшая 22–24 января 2003 г. научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию показала, что интерес к проблеме общности и родства языков не только не упал, но и повышается, привлекая к себе большое количество молодых исследователей, занимающихся различными направлениями компаративистики на материале языков разных семей.

Помимо официальной, научной части, организаторы конференции предусмотрели и культурную программу, в рамках которой гости и участники посетили музеи Кремля и Большой театр, а руководители секций побывали на приеме у ректора МГУ В.А. Садовничего по случаю отмечавшегося 25 января Дня св. Татианы, дня основания Московского Университета.

Е.В. Панина (Москва)

CONTENTS

Vjač. Vs. Ivanov (Moscow). Some remarks on the last article of Henrik Birnbaum; Henrik Birnbaum. Slavic, Tocharian, Altaic: genetic relationship and typological-areal impact (with commentaries by Vjač. Vs. Ivanov, S.A. Burlak, I.B. Itkin); W. Viereck (Bamberg). The linguistic atlas of Europe and its contribution to the European history of culture: some results of the study based on the project of the "Atlas Linguarum Europae"; D.V. Sičinava (Moscow). On the typology of verbal systems having several forms of plusquamperfect: casus latinus; M.V. Djačkov (Moscow). Frisian languages and the Frisians in contemporary Europe; A.K. Kazkenova (Kokshetau). Motivation of loan-words; E.E. Razlogova (Moscow). The abstract and the concrete in the semantics of French *BEAU* and *BON*; O. Yokoyama (Los Angeles). Neutral and non-neutral intonation in Russian: autosegmental interpretation of the system of intonation constructions; **Reviews**: S.I. Iordanidi (Moscow). East Slavonic isoglosses; M.A. Daniel, A.V. Podobriajev (Moscow). *R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald* (Eds.) Changing valency. Case studies in transitivity; T.A. Maisak (Moscow). *B. Heine, T. Kuteva.* World Lexicon of communication; K.G. Krasuxin (Moscow). The twilight of linguistics. From the history of Russian linguistic science; **Scientific life: Chronicle features.**

Сдано в набор 20.06.2003 Подписано к печати 06.08.2003 Формат 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ.л. 13,0 Усл. кр.-отт. 20,2 тыс. Уч.-изд.л. 15,4 Бум. л. 5,0
Тираж 1493 экз. Зак. 7608

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредитель: Российская академия наук

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2 Институт русского языка,
телефон 201-25-16
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6